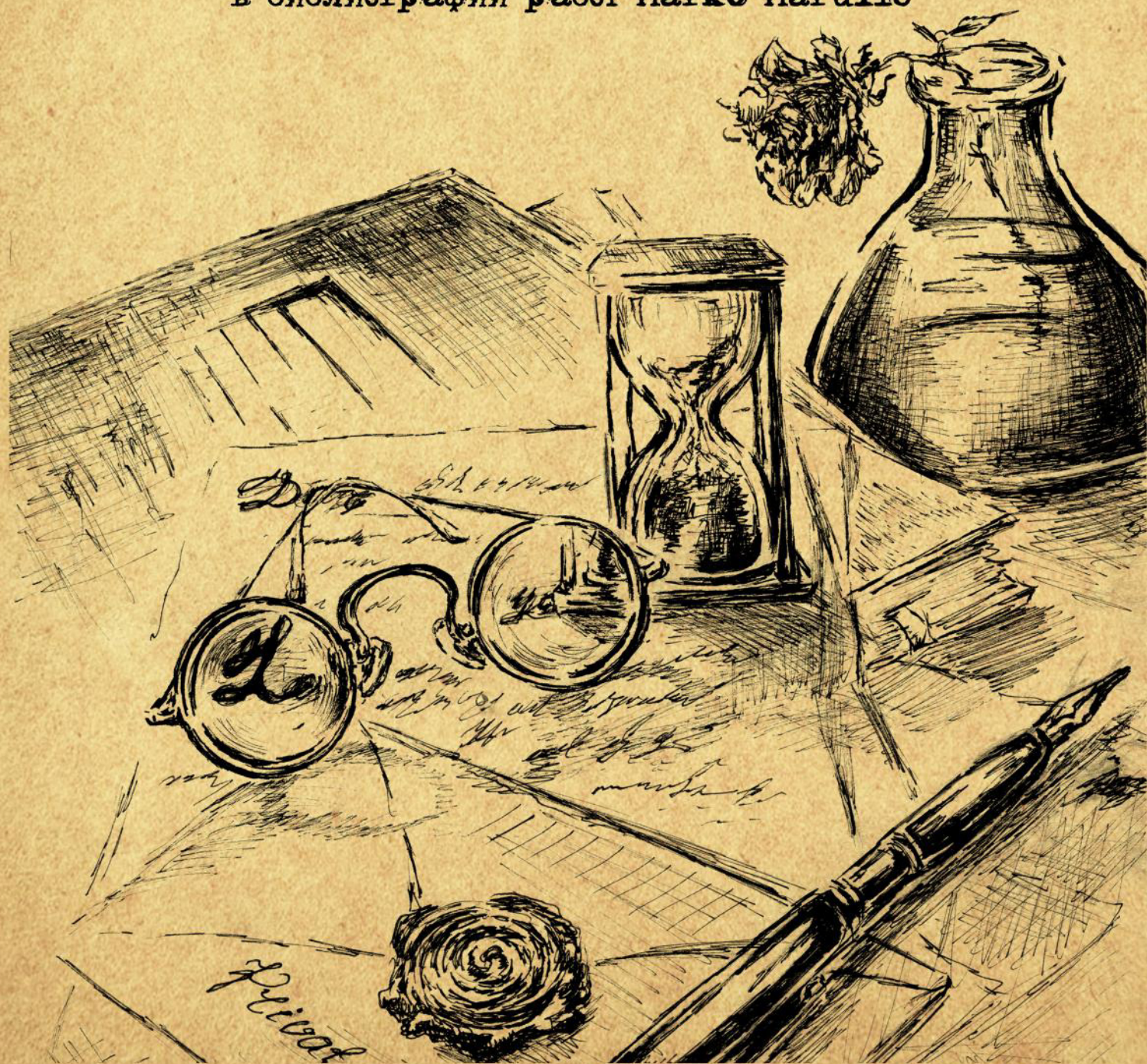

СПЕЦНОМЕР
2017 №6

История российской психологии в лицах: Дайджест

VII Международная заочная научно-практическая конференция

“500 лет использования понятия “Психология”
в литературе, искусстве, науке и практике
по факту первого упоминания этого понятия
в библиографии работ Marko Marulic”

ISSN 2415-7953

ISSN 2415-7953

**Электронный научный журнал
«История российской психологии
в лицах: Дайджест»**

Выпускается 6 раз в год

№ 6 – 2017

Редакционный совет

Главный редактор:

Костригин Артем Андреевич, магистр психологии, преподаватель кафедры психологии, Московский государственный университет дизайна и технологии; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Ответственный секретарь:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологический наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Технический редактор:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Художественные редакторы:

Кочетков Дмитрий Игоревич (Россия)

Игошина Юлия Игоревна (Россия)

Editors

Editor-in-chief:

Kostrigin Artem Andreevich, Master (Psychology), Faculty Member of Department of Psychology, Moscow State University of Design and Technology; Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Executive secretary:

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Technical editor:

Khusyainov Timur Maratovich, Master (Social Work), Manager of Department of Humanities, National Research University “Higher School of Economics – Nizhny Novgorod”; Chairman of Commission on Quality of Education, Department of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate of Department of Social Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Art editors:

Kochetkov Dmitry Igorevich(Russia)

Igoshina Yulia Igorevna (Russia)

Редакционная коллегия

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной Академии Психологических наук, директор Научно-образовательного центра «Экспериментальная психология личности», профессор кафедры психологии, Медико-психолого-социальный институт ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (Россия)

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Тихонова Элеонора Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Маслов Кирилл Сергеевич, PhD (психология), научный сотрудник, Институт психологии, Таллинский университет (Эстония)

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Проскуликова Лариса Наумовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социальных наук и самоуправления Межрегиональной Академии управления персоналом, лектор Международного института глубинной психологии, докторант сектора философской антропологии ИФ НАНУ (Украина)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, информационных технологий и сервиса, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Россия)

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры

социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuАНН, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия)

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, член-корреспондент МАН, доцент, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь)

Чудакова Вера Петровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины; научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины (Украина)

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (Украина)

Editorial Board

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Vice-President and Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Morogin Vladimir Grogorievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Director of Research and Education Center "Experimental Psychology of Personality" of Khakassia State University, Professor of Department of General and Clinical Psychology of Medical-Psychological-Social institution of Khakassia State University

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Tikhonova Eleonora Victorovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of Psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Maslov Kirill Sergeevich, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Psychology, University of Tartu (Эстония)

Bakshutova Ekaterina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia)

Proskulikova Larisa Naumovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Governance, Interregional Academy of Personnel Management, Lecturer of International Institute of Depth Psychology, Postdoctoral student of Philosophical Anthropology of Institute of Philosophy of NASU (Ukraine)

Batyrshina Alfiya Robertovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Assistant Professor, Head of Department of Humanities, Information Technologies and Service, Naberezhnye Chelny State Trade and Technological Institute (Russia)

Belobrykina Olga Alfonsasovna, Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk

State Pedagogical University, Academician of Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (Russia)

Chuprov Leonid Fedorovich, Candidate of Psychological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia" (Russia)

Verzhibok Halina Vladislavovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Corresponding Member of IAS, Assistant Professor of Department of Psychology, Minsk State Linguistic University (Belarus)

Chudakova Vera Petrovna, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Institute of Pedagogy of; Research Corresponding Member of H.S. Kostyuk Institute of Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine (Ukraine)

Sagaydak Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Director of Association of Depth Psychology «Teurung» (Ukraine)

История российской психологии в лицах: Дайджест. – 2016. – № 6. – 319 с.

History of Russian Psychology in Persons: Digest. – 2016. – № 6. – 319 p.

ISSN 2415-7953

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес в интернете: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/index>

Подписано в печать 19.12.2016

© Авторы статей, 2017

Содержание

Костригин А.А., Чупров Л.Ф. Парад знаменательных дат в 2017 году..... 19

Имена и эпонимы психологии

Никитин С.И. Вклад Платона в развитие психологии как науки..... 26

Ольшевский В.Г. Столетие Октября в контексте исторической и политической психологии 34

Хусяинов Т.М. 150-летие В.М. Бехтерева в российской филателистике 45

История и современность: развитие и становление региональной психологической практики

Киселев М.Ю. Из истории организации исследований по психологии в Академии наук СССР..... 50

Кузнецова В.В. Становление и формирование психологической школы в Воронежском государственном педагогическом университете..... 58

Моисеева И.Г., Нехорошева А.Н., Пученкина В.А. История становления и развития психологического обеспечения служебной деятельности..... 63

Российские и зарубежные психологические школы

Завоеванная Н.С., Чупров Л.Ф. Путь служения науке В.И. Лубовского 69

Калашников В.В. Конгениальность идей гуманистической психологии А.Г. Маслоу и субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна и А.В. Брушлинского 86

Костригин А.А. Об истоках психологической концепции В.А. Снегирева 96

- Лимонченко Р.А.** Вклад В.Н. Мясищева в отечественную девиантологию 107
Макарова Е.А. Фредерик Ч. Бартлетт и его теория схемы: современный взгляд 114

**История психологических понятий,
методов, проблем**

- Блохина Т.С.** Особенности самодетерминации студентов в учебном процессе... 121
Кривова Е.С. История становления понятия «нарушение пищевого поведения» 125
Сушкова Е.В. Становление понятия «образ тела» в психологической науке 131
Тарасова А.Ю. Взгляды ученых на проблему познавательного развития старших дошкольников в условиях игровой компьютерной деятельности..... 136
Тимощук А.С. Психолого-педагогическое измерение понятия «воля»..... 143
Хитрова Н.А. Психологическая проблема агрессивного поведения и методы коррекции в старшем подростковом возрасте..... 150
Шутова Н.В., Архипова М.В. Психологические ресурсы музыкального искусства в воздействии на развивающуюся личность: анализ и систематизация подходов 157
Юров И.А. Анализ психологии личности в отечественной психологии 164

**Интеграция и междисциплинарность
психологического знания**

- Белоус Е.И.** Духовность в современном психологическом знании 172
Лазаренко Л.В. Когнитивное литературоведение и концепция эстетического объекта М.М. Бахтина..... 179
Никитина Е.С. Психология как междисциплинарная метанаука о сознании человека 188
Павлык Н.В. Гармонизация личностного развития как междисциплинарная духовно-психологическая проблема 195

Севостьянов Д.А. Междисциплинарные связи психологии и философии на примере инверсивного анализа 206

Челнокова Т.А. Новые подходы к интеграции психологического знания в педагогическое образование 216

«Длинное детство» психологии. Сокровищница гуманитарного (литературного) и публицистического этапа развития психологического знания

Нагорнова Н.А. Прообразы психологов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» 223

Шульга Д.П., Шульга А.А. Психологические суждения в военно-философских трактатах Китая (на примере «Вертограда полководца»)..... 232

Перспективы психологии...?

Белобрыкина О.А. Статус девиантологии в системе гуманитарных наук и социально-психологической практике: проблемы и перспективы развития..... 239

Греченко Т.Н., Харитонов А.Н., Орлеанский В.К., Жегалло А.В. Новые объекты психологических исследований и перспективы развития науки 248

Жаркова Е.А., Родионова Т.П. Отечественная психология: настоящее и будущее 260

Корсакова Л.Ю. Перспективы в нейропсихологической реабилитации афазии . 264

Мазиллов В.А. Психология: за 500 лет до Миллениума (анализ текущих событий) 274

Расулова З.А. Новый методологический подход в изучении семейно-брачных отношений..... 295

Субочева А.Р. Актуальные проблемы подготовки перинатальных психологов в России 299

Шаманаева М.А., Белобрыкина О.А. Психология в СМИ
Ирительной рубашке: проблемы популяризации профессии 303

Воспоминания

Мазилев В.А. Памяти Н.П. Фетискина (1942-2017), ученого, педагога, человека, друга 315

Завоеванная Н.С., Лубовский Д.В., Шмелев А.Г., Чупров Л.Ф., Ярославцева Е.И. Владимир Иванович Лубовский: слово об ученом 319

Table of contents

Kostrigin A.A., Chuprov L.F. Parade of significant dates in 2017 19

Names and eponyms in psychology

Nikitin S.I. Plato's contribution to development of psychology as science26

Olshevskiy V.G. Centenary of October in context of historical and political psychology..... 34

Khusyainov T.M. V.M. Bekhterev's sesquicentenary in Russian philately..... 45

Past and present: the development of regional psychological practice

Kiselev M.Yu. From history of organization of research in psychology in the Academy of Sciences of the USSR 50

Kuznetsova V.V. Formation and development of psychological school in Voronezh State Pedagogical University..... 58

Moiseeva I.G., Nekhorosheva A.N., Pechenkina V.A. History of formation and development of service activities psychological support..... 63

Psychological scientific schools

Zavoemannaya N.S., Chuprov L.F. V.I. Lubovsky's service path for science 69

Kalashnikov V.V. Congeniality of ideas of A.H. Maslow's humanistic psychology and S.L. Rubinshtein and A.V. Brushlinsky's subject-activity approach..... 86

Kostrigin A.A. On origins of V.A. Snegirev's psychological concept..... 96

Limonchenko R.A. Frederic Charles Bartlett and his schema theory: modern view 107
Makarova E.A. V.N. Myasishchev's contribution to Russian deviantology 114

**History of psychological concepts,
methods and problems**

Blokhina T.S. Specificity of self-determination of students in educational process 121
Krivova E.S. History of formation of concept "eating disorder" 125
Sushkova E.V. Formation of concept "body image" in psychology..... 131
Tarasova A.Yu. Views of scientists on problem of cognitive development of senior preschool children in conditions of computer gaming activities 136
Timoschuk A.S. Psychological-pedagogical dimension of concept of "will" 143
Khitrova N.A. Psychological problem of aggressive behavior and methods of correction in senior adolescence..... 150
Shutova N.V., Arkhipova M.V. Psychological resources of music in shaping personality: analysis of approaches 157
Yurov I.A. Analysis of personality psychology in Russian psychology 164

**Integration and interdisciplinary
of psychological knowledge**

Belous E.I. Spirituality in modern psychology 172
Lazarenko L.V. Cognitive literary science and concept of aesthetic object by M.M. Bakhtin 179
Nikitina E.S. Psychology as interdisciplinary metascience about human consciousness 188
Pavlyk N.V. Harmonization of personal development as interdisciplinary spiritual-psychological problem 195

Sevostyanov D.A. Interdisciplinary connections of psychology and philosophy on example of inverse analysis..... 206

Chelnokova T.A. New approaches to integration of psychological knowledge into pedagogical education 216

“Long childhood” of psychology. Treasury of humanities (literature) and journalistic stage of development of psychological knowledge

Nagornova N.A. Types of psychologists in F.M. Dostoevsky’s "The Brothers Karamazov" 223

Shulga D.P., Shulga A.A. Psychological reasoning of Chinese military-philosophical treatise (case of «The Vineyard of General») 232

Prospects of psychology ...?

Belobrykina O.A. Status of deviantology in humanities and social-psychological practice: problems and development prospects..... 239

Grechenko T.N., Kharitonov A.N., Orleansky V.K., Zhegallo A.V. New objects of psychological research: prospects for progress of psychological science 248

Zharkova E.A., Rodionova T.P. Russian psychology: present and future 260

Korsakova L.Yu. Prospects for Neuropsychological Rehabilitation of Aphasia..... 264

Mazilov V.A. Psychology: 500 years before the millennium (analysis of current events)..... 274

Rasulova Z.A. New methodological approach in studying of family and marriage relations 295

Subocheva A.R. Actual problems of perinatal psychologists training in Russia 299

Shamanaeva M.A., Belobrykina O.A. Psychology in strait jacket: problems of profession popularization 303

Mazilov V.A. In memory of N.P. Fetiskin (1942-2017), scientist, teacher, person, friend..... 315

Zavoevannaya N.S., Lubovsky D.V., Shmelev A.G., Chuprov L.F., Yaroslavtseva E.I. Vladimir Ivanovich Lubovsky: word on scientist..... 319

Парад знаменательных дат в 2017 году

Костригин Артем Андреевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Россия

e-mail: artdzen@gmail.com

Чупров Леонид Федорович

Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», Россия

e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Аннотация. Статья-предисловие к сборнику трудов VII международной научно-практической конференции «500 лет использования понятия "Психология"». Эта конференция завершает проект, начатый в 2014 году. Проект объединил вокруг себя психологов и смежных специалистов нескольких стран, трижды номинировался в проектах национального профессионального конкурса. В процессе реализации проект начал сотрудничество со специальным изданием по истории российской психологии.

Ключевые слова: Марко Марулич, пятьсот лет названию, психология, даты года

Parade of significant dates in 2017

Kostrigin Artem Andreevich

Kosygin Russian State University (Techology. Design. Art);

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Chuprov Leonid Fedorovich

Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia", Russia

e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Abstract. The article is the preface to the collection of works of the VII International Scientific and Practical Conference "500 years of using the concept of" Psychology ". This conference completes the project, begun in 2014. The project united around itself psychologists and related specialists from several countries, was nominated three times in the projects of the national professional competition. During the implementation, the project began to cooperate with a special journal on the history of Russian psychology.

Keywords: Marco Marulic, five hundred years of name, psychology, dates of year

Как писал поэт Сергей Есенин в 1924 г. в стихотворении «Письмо к женщине»

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстоянье.

Когда кипит морская гладь -

Корабль в плачевном состоянии.

Именно в 2017 году выстроился парад знаменательных дат, в определенной степени объясняющий некоторые связующие невидимой нитью события времен. Подобно тектоническим процессам в природе, в социуме также пассионарная активность в одном месте может вызывать эхо возмущений в другом.

Пятьсот лет назад стал распадаться единый до этого католический мир. Старушка Европа, согласно Льву Гумилеву, вошла в стадию пассионарных надломов [1].

К концу второго десятилетия XVI столетия в Германии началась реформация. Монах ордена августинцев, профессор философии и теологии университета Виттенберга Мартин Лютер прибил к дверям виттенбергской дворцовой церкви свои 95 тезисов, содержание которых выдвигалось на обсуждение всеми желающими. Приблизительно в это же время, тоже пятьсот лет назад уже в другом месте Европы фактически родилась психология, обретя свое имя. Марко Марулич из Сплита (Венецианская республика, ныне Хорватия), подписывавшийся как «Марко Марулич Сплитянин» (Marko Marulić Splićanin), хорватский средневековый поэт и гуманист, вошедший в историю как «отец хорватского ренессанса» и «отец хорватской литературы» написал первый научный трактат по психологии. Труд на латыни назывался «Psychiologia de ratione animae humanae (Человеческой души понятие Psychiologia)».

Рис. 1.

Кстати, о названии «Psichiologia». Некоторые исследователи усматривают ошибочное написание этого термина Марко Маруличем. Но это несколько не так. Всем привычно название на основе двух греческих этимонов в латинской транскрипции. Изобретенный М. Маруличем термин составлен на латинской основе, поскольку до этой поры в латыни такого термина не существовало.

Синхронность событий не означает взаимосвязи между ними. Несомненно, это события оставившие след в интеллектуальной культуре последующих столетий. Если первое событие еще предстоит осмыслить историкам и психологам, то второе стало отправным пунктом для наших исследований по истории и современному состоянию науки психологии. В рамках этого проекта было проведено шесть научно-практических конференций, нашедших отражение в сборниках трудов конференций [2; 3; 5; 6; 7; 8; 10].

Читатели, что внимательно следили за материалами конференций в изданиях «Объединенной редакции научных журналов» или по проектам национального психологического конкурса «Золотая Психея» встретят среди авторов этого номера журнала как уже знакомых, так и новых исследователей исторической психологической проблематики.

Настоящий сборник трудов VII научно-практической конференции завершает проект.

Материалы сборника были распределены по следующим рубрикам:

- **Имена и эпонимы психологии** (С.И. Никитин, В.Г. Ольшевский, Т.М. Хусяинов). В этой же рубрике размещен материал В.Г. Ольшевского о третьей знаменательной дате, оказавшей существенное влияние на развитие

отечественной психологии советского периода, - столетии Великой Октябрьской социалистической революции.

Несомненный интерес представляют работы Т.М. Хусяинова [9], которые находятся на стыке истории психологии, мемориальной филателии и нумизматики. Их значимость состоит в том, что проанализированные автором памятные банкноты, монеты и марки, посвященные выдающимся деятелям психологии, являются важным источником по истории науки, а их выпуск – особой мемориальной практикой, обеспечивающей преемственность интеллектуального наследия. В этом 2017 году исполнилось 160 лет со дня рождения и 90 лет со дня кончины Владимира Михайловича Бехтерева, российского физиолога, невропатолога, психиатра, психолога, основоположника рефлексологии. Это четвертая знаменательная веха года.

- **История и современность: развитие и становление региональной психологической практики** представлены публикациями трех авторов (М.Ю. Киселев; В.В. Кузнецова; И.Г.Моисеева).

- **Российские и зарубежные психологические школы.** Здесь представлены как отечественные, так и зарубежные школы и сравнения одних с другими (Н.С. Завоеванная, Л.Ф. Чупров; В.В. Калашников; А.А. Костригин; Е.А. Макарова).

- **История психологических понятий, методов, проблем** (Т.С. Блохина; Е.С. Кривова; Е.В. Сушкова; А.Ю. Тарасова; А.С. Тимошук; Н.А.Хитрова; Н.В. Шутова, М.В. Архипова).

- **Интеграция и междисциплинарность психологического знания** также представляет интерес в публикациях авторов (Е.И. Белоус; Л.В. Лазаренко; Е.С. Никитина; Н.В. Павлык; Д.А. Севостьянов; Т.А. Челнокова).

- **«Длинное детство» психологии. Сокровищница гуманитарного (литературного) и публицистического этапа развития психологического знания.** Не только академические психологи вносили свой вклад в разработку тех или иных психологических феноменов. Развиваясь в рамках гуманитарного знания, психология черпала свой предмет из классической художественной литературы. Этому также посвящены две публикации (Н.А. Нагорнова; Д.П. Шульга, А.А. Шульга).

- **Перспективы психологии...?** Это рубрика представлена самой многочисленной группой авторов (О.А. Белобрыкина; Т.Н. Греченко, А.Н. Харитонов, В.К. Орлеанский, А.В. Жегалло; Е.А. Жаркова, Т.П. Родионова; Л.Ю. Корсакова; В.А. Мазиллов; З.А. Расулова; А.Р. Субочева; М.А. Шаманаева, О.А. Белобрыкина).

- **Воспоминания.** Воспоминания современников – вид мемуаристики (от фр. *mémoires* - воспоминания), также является ценным материалом для исследователя, в том числе и по истории психологии. В этой рубрике размещено два материала. Первый - очерк о Николае Петровиче Фетискине (автор В.А. Мазиллов). Второй - о Владимире Ивановиче Лубовском (группа авторов: Н.С. Завоеванная, Д.В. Лубовский, А.Г. Шмелев, Л.Ф. Чупров, Е.И. Ярославцева).

Настоящий номер объединяет 37 материалов по тематике проведенной конференции.

Далеко не все материалы, присланные в редакцию, подходили под тематику данной конференции. Эти работы были определены в №4 журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» [4].

Начав свой путь в 2014 году на страницах электронного научного журнала «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», проект перерос его формат. Одним из практических результатов проекта стало создание специального издания для материалов по истории отечественной психологии: «История российской психологии в лицах: Дайджест».

По результатам V и VI конференций дополнительно были изданы два сборника в Чикаго (США) на английском языке [11; 12].

Проект «500 лет названия "Психология"» завершен. Это пятая знаменательная дата года.

Хочется пожелать читателю приятной встречи с мыслями и идеями коллег, радости узнавания, субъективных и объективных открытий, чуда взаимопонимания.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М.: Рольф, 2000. 384 с.
2. Костригин А.А., Мазиллов В.А., Чупров Л.Ф. Предисловие к материалам научно-практической конференции // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. С. 13-19.
3. Костригин А.А., Мазиллов В.А., Чупров Л.Ф. Юбилей психологии в 2016 году (предисловие к сборнику материалов конференции) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 19-28.
4. Костригин А.А., Хусяинов Т.М., Чупров Л.Ф. Итоги года, объединенная редакция журналов и проект «500 лет» // Вестник по педагогике и

- психологии Южной Сибири. 2017. № 4. URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/221-1149>
5. Кроник А.А. 500 лет названию... Психология: мысли по поводу и мини-опрос // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. С. 13-16.
 6. Кроник А.А. Именной указатель к книге «Пятьсот лет использования понятия "психология" в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы международной (заочной) научной конференции (Черногорск, 12.01.- 30.12.2014)» // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. С. 61-69.
 7. Мазиллов В.А. Обретшая свое имя. Перспективы психологии. Размышления во время юбилея // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. С. 138-143.
 8. Мазиллов В.А. Фундаментальная наука о психике: 500 лет под именем Психология // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. С. 53-70.
 9. Хусяинов Т.М. Известные психологи на монетах и банкнотах мира: приступая у поиску // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. С. 202-218.
 10. Чупров Л.Ф. Пять веков плодотворной идее (к 500-летию понятия «психология») // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. С. 9-12.
 11. V International scientific and practical correspondence conference “500 Hundred Years of Using the Concept of ‘Psychology’ in Literature, Art, Science and Practice (upon the fact of the first mention of this word in the bibliography of works of Marko Marulic)”:Proceedings/Ed. Kostigrin A.A. Chicago, 2016. 96 p.
 12. Psychological science and practice: State of the Art. Collected papers / Ed. Kostigrin A.A. Chicago, 2017. 156 p.

References:

1. Gumilev L.N. Konec i vnov' nachalo: Populjarnye lekicii po narodovedeniju. M.: Rol'f, 2000. 384 s.
2. Kostigrin A.A., Mazilov V.A., Chuprov L.F. Predislovie k materialam nauchno-prakticheskoj konferencii // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. С. 13-19.
3. Kostigrin A.A., Mazilov V.A., Chuprov L.F. Jubilei psihologii v 2016 godu (predislovie k sborniku materialov konferencii) // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2016. № 6. С. 19-28.

4. Kostrigin A.A., Husjainov T.M., Chuprov L.F. Itogi goda, ob#edinennaja redakcija zhurnalov i proekt «500 let» // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri. 2017. № 4. URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/221-1149>
5. Kronik A.A. 500 let nazvaniju... Psihologija: mysli po povodu i mini-opros // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. S. 13-16.
6. Kronik A.A. Imennoj ukazatel' k knige «Pjat'sot let ispol'zovanija ponjatija "psihologija" v literature, iskusstve, nauke i praktike (po faktu pervogo upominanija jetogo ponjatija v bibliografii rabot Marko Marulic): materialy mezhdunarodnoj (zaочноj) nauchnoj konferencii (Chernogorsk, 12.01.-30.12.2014)» // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. S. 61-69.
7. Mazilov V.A. Obretshaja svoe imja. Perspektivy psihologii. Razmyshlenija vo vremja jubileja // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. S. 138-143.
8. Mazilov V.A. Fundamental'naja nauka o psihike: 500 let pod imenem Psihologija // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. S. 53-70.
9. Husjainov T.M. Izvestnye psihologi na monetah i banknotah mira: pristupaja u poisku // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. S. 202-218.
10. Chuprov L.F. Pjat' vekov plodotvornoj idee (k 500-letiju ponjatija «psihologija») // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. S. 9-12.
11. V International scientific and practical correspondence conference “500 Hundred Years of Using the Concept of ‘Psychology’ in Literature, Art, Science and Practice (upon the fact of the first mention of this word in the bibliography of works of Marko Marulic)”: Proceedings/Ed. Kostrigin A.A. Chicago, 2016. 96 p.
12. Psychological science and practice: State of the Art. Collected papers / Ed. Kostrigin A.A. Chicago, 2017. 156 p.

Сведения об авторах:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Москва, Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuАНН, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия)

Имена и эпонимы психологии

Вклад Платона в развитие психологии как науки

Никитин Сергей Иванович

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: cbich2007@yandex.ru

Аннотация. В статье изложен краткий обзор многочисленных трудов Платона, которые внесли вклад в теоретическую мысль и развитие современной психологической науки. Описан вклад философа в размышления о душе, теле, мире разума, отношении к миру чувств и желаний, его предвидение и вклад в будущую науку психологию. Рассмотрены суждения философа об отношении к миру идей и миру вещей и ее аллегорическое представление. Рассказ о «Платоновской Академии» и его вклад в систему образования. О его философских суждениях, о достойных гражданах своего государства (воспитанников, справедливых членов общества). О структурах государства и его проблемах и философской политике в таком государстве. Сопоставление диалогов Платона и его суждений с современной психологической наукой.

Ключевые слова: теоретическая мысль, Платоновская Академия, диалектизм, аллегорический миф, душа рациональная и иррациональная, наука психология.

Plato's contribution to development of psychology as science

Nikitin Sergey Ivanovich

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: cbich2007@yandex.ru

Abstract. The article provides a brief overview of the numerous works of Plato, who contributed to the theoretical thought and development of modern psychological science. It describes the contribution of the philosopher to reflections on the soul, on the body, on the world of reason, the attitude to the world of feelings and desires, its foresight and into the treasure into the future science of psychology. Th author considered the philosopher's judgments about the attitude to the world of ideas and the world of things and its allegorical

representation. The article discusses the Plato's ideas on a story about the "Platonic Academy" and its contribution to the education system, on his philosophical judgments, about worthy citizens of his state (pupils, just members of society), on the structures of the state and its problems and philosophical policy in such a state. The author makes the comparison of Plato's dialogues and his judgments with modern psychological science.

Keywords: theoretical thought, Platonic Academy, dialectism, allegorical myth, rational and irrational soul, scientific psychology.

Платон и его философия, есть крупное явление о философском суждении мысли и ее развитии. Из произведений (сочинений) философа многие почерпнули идеи (схоласты и визионеры, ученые и мыслители эпохи Возрождения, многие ученые Новейшей истории, ученые психологи) [1].

Нелишне заметить, что тысячелетний секрет актуальности Платоновской философии и его теорий, основан не в буквальном содержании его философии, представлении им морали, не в религиозных, научных, социологических и эстетических направленностях, не в научных теориях. А в мыслях и принципах логически-конструктивных, в самоотверженной проповеди идеи, и ее служению, в принципах антагонизма и антисистематизма, диалоге беспокойном и драматическом - это и есть значимость тысячелетнего бессмертия Платона и его философских взглядов на разные науки, в том числе и на психологию [12].

Важнейшими и главными философскими проблемами у Платона являются:

1. Теория идей, которая представляет собой, попытку первой ухватиться за проблему универсалий, и разрешить ее, теоретическая психология.

2. Платоновскую утопию, в модели государства, социально-психологическая теория.

3. Космогонические взгляды Платона, космогоническая психология.

4. Концептуальный взгляд на познания, посредством воспоминания ее концепции, методологические проблемы психологии.

Философ считал, что ни ощущения, ни чувства из-за своей переменчивости, ни при каких условиях, никогда, не могут являться источниками истинных знаний. Самые большие чувства, что они могут выполнить, это выступление, как внешний стимулятор, ведущий к пробуждению и распознаванию познаний. В результате чувственных ощущений, формируется представление, о явлении или предмете, где выступает истинное значение, как идея и ее познание, которое вероятно только с помощью разума [2; 4].

Платон родился в Афинах в 427-347 гг. до н. э., он принадлежал к древнему аристократическому роду, отец Аристон (потомок последнего Афинского царя Кодма), мать Периктиона (являлась родственницей Салона). Получив аристократическое образование, Платон в 20 лет познакомился с учением Сократа и стал его учеником. После казни Сократа, Платон отправился в путешествия и покинул Афины, жил в Керине, Мегане был в Египте. Многому научился у Египетских жрецов, после чего перебрался в Италию, где познакомился с философами пифагорейской школы, Платон много путешествовал. Ближе к 40 годам Платон вернулся в Афины, где создал свою школу «Академию», у Платона было много учеников и последователей известный из всех это Аристотель. Умер Платон в возрасте 80-81 год. Интересный факт, что настоящее имя Платона было Аристокл («Платон», прозвище широкоплечий, дано было в молодости за его крупное телосложение). Родной отец Платона умер, когда он был маленьким, мать его Периктиона вышла замуж за своего дядю Перилампа, близкого друга и сподвижника Перикла. В результате чего Платон вырос в семье, где готовили государственных служащих (государственная карьера была в приоритете), Платон, пропитанный идеалами Греческой демократии, получил прекрасное образование [13].

Развитию теоретической мысли и науки психологии Платон имеет непосредственное отношение. Следует подчеркнуть, что в тот или другой период времени теоретическая мысль развивается, по мере назревания необходимости в данной теории и подготовлена ли почва, для восприятия этих (новых) идей как с социальной точки зрения, так и с интеллектуальной. В ответственный момент одна и та же проблема привлекает внимание разных ученых одновременно, и решение задачи получается у нескольких ученых независимо друг от друга. На сегодняшний день-это очень актуально в современной психологической науке [3].

Философское учение Платона, относится к поздней древнегреческой философии. Платон использует диалектизм в основе метода познания. Многие философские учения Платона написаны в форме диалогов. Самые важные из них: Законы, Феодон, Апология Сократа, Государство, Пармелид и т. д. Платон под новым углом зрения оценивал процесс мышления. Он открыл внутренний диалог. В современной психологии этот феномен известен как внутренняя речь.

Философия Платона выражается в его аллегорическом мифе о пещере (метафора). Он рассказывает о людях, прикованных к стене в пещере, что им видна только полоска света, через узкий проход, падающий за их спинами. Предметы и события, в реальности, происходящие снаружи, отображаются

людям в виде причудливых теней на стене, кроме этих теней, люди ничего не видят, образы этих теней считаются реальными и первичными.

Следовательно, Платон показывает, что чувственное восприятие человека, приводит к ложному восприятию реальности, и отвергается в качестве способа познания мира. Бытие Платон видит, двумя взаимосвязанными мирами: мира идей и мира вещей. Понимание идеи как абсолютной сущности, является главным (центральным) в философском учении Платона. А мир вещей, объекты и явления, воспринимаемые человеком, являются лишь искаженным и упрощенным прообразом идей, при этом нет представления об истине. Познавая мир, Платон считает, что разум должен освободиться от условностей мышления, накладываемых на него в повседневной жизни, это и является целью философа [6; 9; 10; 11].

Нельзя не сказать, что Платон создал собственную школу Академию, где читал лекции своим ученикам. Школа получила название «Платоновская Академия». В школе были занятия двух типов общие (для всех слушателей) и специальные (для узкого круга, групповые – кто больше проявил интерес к философии). В Академии было впервые применено расписание занятия и распорядок дня, для слушателей. Особое внимание обращалось на физическое и моральное состояние студентов, которые вели аскетический образ жизни (без излишеств), но для полного функционирования умственной и телесной деятельности. Впервые в античный период в Академии стали изучать кроме философии, математику, астрономию, литературу, право, законодательство, естественные науки, ботанику. Была разработана система преподавание, методы донесения информации до студента. Была введена обучающая программа с 21 до 30 лет низшая ступень обучения молодых людей, а с 30 до 35 лет высшая ступень. Считалось что это самые продуктивные годы для обучения и получения образования. Обучение в высшей школе Платон считал гимнастикой для ума, доступной для определенных людей, свободных от необходимости заботиться о хлебе насущном, а не подготовкой к практической деятельности, как это существует сейчас. Философ развивает дидактические идеи в произведении «Государство», где школа делится на высшую и низшую. Итак, Платон был первым, кто выдвинул идею соотношения государства и воспитания, при этом ее обосновал. Был родоначальником дошкольной теории воспитания. Своей целью философ ставил воспитание справедливых членов общества, обучение возможности вести аргументированный диалог и формирование достойного человека. Под достойным гражданином Платон имел в виду человека, ведущего философский и, главное, здоровый образ жизни без излишеств (телесных), телесно-ориентированный подход в психологии,

который изучает отношения телесные, психические и духовные в человеке [4; 13].

Часто в своей философии Платон касается проблем государства, социально-психологическая теория. Отмечается, что подобных вопросов не касались предшественники философа. У Платона существует несколько типов государства:

1. Монархия. Основывается на справедливой власти кого-то одного.
2. Тирания. Одно и то же, что и монархия, с несправедливой властью.
3. Аристократия. Справедливое правление одной группы людей.
4. Олигархия. У власти стоит группа людей, несправедливо правящая.
5. Демократия. Власть принадлежит большинству, которая правит справедливо.
6. Тимократия. Несправедливая власть большинства [7; 10].

Философия Платона выдвигает своеобразный план государства и его устройства. Где в этом государстве все люди делятся на три большие категории. Это войны, работники и философы, где каждый заниматься определенным своим делом. В трактате «Государство» говорится: «Каково бы ни было государство, в нем всегда есть два государства, враждебные друг другу: одно – государство богатых, другое – бедных» [10]. По Платону универсальным принципом «Благого государства» должна быть справедливость, где каждый член общества наделен такими функциями и видом деятельности к чему он наиболее способен по природе. Это требует жесточайшего контроля и регламентации деятельности граждан и деления на вышеуказанные три типа (слоя). Философ является верховным правителем по характеру мышления, а не по статусу. Философ стремится к истине, вырабатывая в себе определенные качества, это мудрость, мужество, благоразумие, понимание и чувство справедливости. Призвание же правителя – это забота о своих гражданах. Это утопия по той причине, что направлена на жесточайшую регламентацию общественной жизни и ее консервацию (только так и никак по-другому) Платон сторонник рабовладельческого класса [11].

Вклад Платона в психологию неизмерим, философа можно считать родоначальником науки психологии. Размышления Платона о теле и его отношении к миру разума, к миру желаний и чувств, которыми он предвидел позднейшие научные взгляды в психологии. Платон считал, что тело является и отражает состояние души. Нахождение рассудка (души рациональной) в голове и определено Богом, и в другом месте быть не может. Душа иррациональная располагается во всем теле. Честолюбие, смелость и энергия расположено в сердце (верхняя составляющая). Желания, склонности, аппетит находится под

диафрагмой (нижняя составляющая). Тело в целом управляется душой рациональной. Между собой души общаются посредством внутренних органов. Идея Платона в том, что в нижних частях тела психологические и физиологические процессы хаотичны и неуправляемы, в отличие от высших функций разума [5]. Сразу вспоминается Фрейдовская концепция хаотического «Ид» которое становится организованным под влиянием «Эго» [3; 8].

В трактате «Республика» философ предвосхитил теорию сновидения З. Фрейда [8; 9]. По представлению Платона во время сна, душа обращается к внешним и внутренним влияниям и желаниям, которые в состоянии бодрствования не определялись, выражаются во сне. Конфликт между дезорганизованными низменными (нижними) побуждениями и высшими функциями, организующими разум, является основой Платоновской психологии. Платон считал, что душа есть созерцательная идея. Самое большое место психологическим проблемам Платон отводит в сочинениях (диалогах) «Пир», «Государство», «Федон», «Филеб», «Федр» [9; 11; 12].

Как следует из вышесказанного, творческое наследие Платона велико, до наших дней дошло 36 его сочинений (произведений). Но специальных работ по психологии у него нет. В «Меноне» изложена теория воспоминаний. В «Федре» дано религиозное описание души. «Теэтет» критикует Гераклита и его теорию о душе. Трактат «Федон» представляет учение о бессмертии души. В «Государстве» содержится учение Платона о делении души на части, строении души [12]. Согласно Платону душа делится на три части и классифицируется на индивидуальные характеры, характеры различных народов, формы правления, разделение общества на сословия [5]. Платон различает людей по признаку преобладанию у них той или иной части души. Мудрецы и философы характеризуются признаком разумной души. У мужественных и храбрых людей доминирует благородная душа. У людей, придающихся телесным излишествам, преобладает вожделеющая часть души. Подобным образом разделялись отдельные народы и сословия (по психологическому принципу). Платон дает образные метафорические определения души. По Платону различают 9 разрядов душ. Каждая соответствует определенному человеку. В «Государстве» душа сравнивается со стадом, пастухом и псом, а в «Федре» крылатой упряжкой двух коней, которой управляет возничий. Учения Платона о душе, являются учения о чувствах. Платон перечисляет чувства: гнев, страх, желание, печаль, любовь, ревность, зависть. В них, как и в жизни в целом чаще всего удовольствия смешаны со страданием. Различают высшие и низшие удовольствия (первые сравнимы с эстетическими умственными знаниями, вторые с физическими потребностями) [5; 12].

В заключение хотелось бы сказать следующее:

1. Характер учений Платона претерпел изменения в мере взросления философа. В раннем периоде, диалогах преобладает драматизм и метод изобличения, в конце жизни философ переключился в учениях об идее, изложением в идеальном государстве. Платон не ставил в конце жизни политические планы, но создал труд «Законы» в 12 томах, где высказываются понятие об идеальном государстве, воспитании граждан, гражданских отношениях, преступления против религии. Где ведут диалоги Афинянин, Критянин и Спартанец.

2. У Платона были своеобразные взгляды на искусство. Философ считал, что любое проявление искусства, клоном существующей реальности, имитацией оригинала. Философ считал, что идея лучше, красивее и совершеннее любой попытке воплотить ее в реальность. Красоту Платон считал, что она как во Вселенной, так и в художественном произведении простота, это признак красоты. Платон искренне верил в реинкарнацию. В своих трудах философ высказывал мнение, что сегодняшняя жизнь каждого человека, это есть воплощение выбора, сделанного в предыдущей жизни.

3. Предназначение диалогов Платона, это стремление обратить в свое учение непросвещенного читателя. Платон сделал огромный вклад в понятие идеи. Идея в представлении философа отличается от представления общества. Она не зависит от человеческой мысли, но человеческий разум зависит от нее. Идея нечто неизменное, она существует в не и независимо от нашего мышления.

4. Платон определяет познавательную задачу философии, обнаружение универсальных законов бытия мира идей и достижение истинного знания о них. Для него познание есть сложный диалектический процесс, а само знание не есть ни чувственное восприятие, ни правильное мнение со смыслом, «а есть» знание в понятиях, посредством которых мы получаем возможность узреть истину идей идеального мира [1;4; 6; 7; 12; 13].

Список литературы:

1. Асмус В.Ф. Античная философия, Учеб. пособие. 2-е изд. М., 1976. 233 с.
2. Асмус В.Ф. Платон. М.: Мысль, 1969. 247 с.
3. Ждан А.Н. История психологии. М. : Издательства МГУ, 1990. 367 с.
4. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона. Платон, собрание сочинений. Т. 1. М., 1990. 256 с.

5. Мусулин А. Учение Платона о душе // Новый акрополь. 2002. № 5. С. 10-23.
6. Мухаев Р.Т. Основы политологии. Учебник. М., 1996. 192 с.
7. Мальцев Р.Т. Основы политологии. М., 1997. 480 с.
8. Соколова Е.Е. Введение в психологию. Т. 1. М.: Академия, 2010. 352 с.
9. Платон. Федон. Пир. Федр : пер. с греч. класс. / Платон ; пер. С.П. Маркиш, С.К. Апт, Андрей Николев . СПб. : Азбука-классика, 1997. 255 с.
10. Платон. Государство. М. : Наука, 1975. 576 с.
11. Платон. Собрание сочинений. Государство. Т. 3, Ч. 1. М., 1971. 341 с.
12. Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Под ред. А.Ф. Лосева. М., 1990. 860 с.
13. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981. 276 с.

References:

1. Asmus V.F. Antichnaja filosofija, Ucheb. posobie. 2-e izd. M., 1976. 233 s.
2. Asmus V.F. Platon. M.: Mysl', 1969. 247 s.
3. Zhdan A.N. Istorija psihologii. M. : Izdatel'stva MGU, 1990. 367 s.
4. Losev A.F. Zhiznennyj i tvorcheskij put' Platona. Platon, sobranie sochinenij. T. 1. M., 1990. 256 s.
5. Musulin A. Uchenie Platona o dushe // Novyj akropol'. 2002. № 5. S. 10-23.
6. Muhaev R.T. Osnovy politologii. Uchebnik. M., 1996. 192 s.
7. Mal'cev R.T. Osnovy politologii. M., 1997. 480 s.
8. Sokolova E.E. Vvedenie v psihologiju. T. 1. M.: Akademija, 2010. 352 s.
9. Platon. Fedon. Pir. Fedr : per. s grech. klass. / Platon ; per. S.P. Markish, S.K. Apt, Andrej Nikolev . SPb. : Azbuka-klassika, 1997. 255 s.
10. Platon. Gosudarstvo. M. : Nauka, 1975. 576 s.
11. Platon. Sobranie sochinenij. Gosudarstvo. T. 3, Ch. 1. M., 1971. 341 s.
12. Platon. Sobranie sochinenij v 4 t. / Pod red. A.F. Loseva. M., 1990. 860 s.
13. Chanyshev A.N. Kurs lekcij po drevnej filosofii. M., 1981. 276 s.

Сведения об авторе:

Никитин Сергей Иванович, студент магистратуры ИЭП КПП, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Столетие Октября в контексте исторической и политической психологии

Ольшевский Валерий Георгиевич

Российская академия естествознания, Беларусь, Минск

e-mail: valgol46@mail.ru

Аннотация. Столетний юбилей Октябрьской революции делает необходимыми не столько политические, сколько интеллектуальные усилия по адекватному осмыслению нашего великого и трагического прошлого. В рамках решения этой сложной задачи в статье обозначены человеческое измерение ее значения и следствий, психологическая драма и трагедия ее главного идеолога и организатора В.И. Ленина.

Ключевые слова: столетие Октября, В.И. Ленин, психология революционного творчества, мировая социалистическая революция.

Centenary of October in context of historical and political psychology

Olshevskiy Valeriy Georgievich

Russian Academy of Natural History, Belarus, Minsk

e-mail: valgol46@mail.ru

Abstract. The centenary of October revolution makes necessary not so much political as intellectual efforts on adequate judgement of our great and tragical past. Within the framework of the decision of this complicated problem in the article the human measurement of its value and consequences, a psychological drama and tragedy of its main ideologist and organizer V.I. Lenin are designated.

Keywords: century of October, V.I. Lenin, psychology of revolutionary creativity, world socialist revolution.

Завершающийся год 100-летнего юбилея Октября не внушает оптимизма. Скорее наоборот: заметных подвижек к столь необходимой «гомогенизации» исторического сознания, индивидуальной и общественной идеологии и психологии не произошло. По оценке событий 1917 г. российской властью, высказанной еще в 2016 г. министром культуры В.Р. Мединским, русская

революция в исторической памяти народа остается одновременно и сакрализованной, и проклятой. Тем не менее, по словам доктора политических и доктора исторических наук, она положила начало попытке построения на земле справедливого общества [19].

С другой стороны, в том же 2016 г. начальник сектора исторического анализа и оценок Российского института стратегических исследований, праправнук генерала русской армии и правнук старшего повара императорской кухни, убитого вместе с царской семьей, П.В. Мультигули называл революционные потрясения 1917 г. великой катастрофой; она прервала развитие русской истории, привела к появлению совершенно чуждой, антихристианской, антирусской идеологии, которую внедряли в умы русских людей. По мнению Мультигули, необходимо восстановление исторической правды: «руководство страны должно принять однозначную трактовку этих событий» [19].

Разумеется, политическая власть, при всем ее авторитете и возможностях, не может своим указом преодолеть ни укоренившиеся в течение многих десятилетий в сознании миллионов советских людей социологические схемы и штампы в духе отредактированного, частями написанного или переписанного лично И.В. Сталиным, «Краткого курса истории ВКП(б)» [5; 7], ни альтернативные им радикальные трактовки нашего трагического прошлого. К тому же, современные истолкования различными авторами нашей истории настолько многообразны и противоречивы, что выстроить, или, как говорят современные историки, сконструировать, спроектировать на их основе сколь-нибудь целостную общую картину весьма непросто. Особенно, если мы не оглянемся назад на основе методологии исторической и политической психологии [10; 14; 20], исходя из того, что подлинная история – это всегда история людей, ее творящих. Не только тех, кого знают как оказавших определяющее воздействие на ход событий, но и многих других, в свое время заметных, малозаметных или совершенно невидимых в исторической ретроспективе. Необходимо отказаться от абсолютизации принципа «считаться с массами и классами, а не с лицами» [8, т. 31, С. 157] и представить нашу историю как результат взаимодействия, столкновений и индивидуальных мировоззрений, интересов, интеллектов, эмоций, симпатий и антипатий, заблуждений и ошибок людей.

Прежде всего, подчеркнем: «Октябрьский переворот», как называли его сами большевики [9], был, в конечном счете, феноменом индивидуальной и общественной психологии. Разумеется, «русская революция» – результат всего предшествующего развития страны, длительного нарастания социально-экономических, политических и иных противоречий. Ее предпосылки были

созданы стечением обстоятельств Первой мировой войны, порожденными ею финансовым и продовольственным кризисами [13]. Реальная угроза голода в сочетании с ухудшением экономического положения, «распутинщиной» в верхах окончательно подорвала доверие всех слоев общества к самодержавию. Начавшиеся 23 февраля – в Международный женский день по григорианскому календарю – волнения среди жен, сестер и матерей рабочих, простоявших всю ночь в десятиградусный мороз у хлебных лавок в очередях и не купивших хлеб утром из-за его отсутствия, переросли в массовые демонстрации, которые привели к отречению Николая II от престола. Стремление к миру, окончанию ненавистной войны стало главным в настроениях не только широких народных масс, но и армии снизу доверху.

Падение самодержавия оказалось полнейшей неожиданностью для большевиков. Известно, что за две недели до отречения царя, выступая на собрании швейцарских рабочих, Ленин заявил собравшимся, что революция в России обязательно свершится, но вряд ли ее свидетелями станет его поколение. Октябрьская революция произошла также «не по теории». Основоположники марксизма считали, что переход к социализму возможен при трех основных условиях: 1) высоком уровне производительных сил, «переросшем» существующие производственные отношения; 2) наличии высокоорганизованного пролетариата, составляющего абсолютное большинство населения; 3) одновременном установлении «диктатуры пролетариата» во всех или по меньшей мере в ведущих капиталистических странах и в силу этого – распространении ее на весь мир, в силу чего произойдет мировая социалистическая революция. Политико-экономическим содержанием такого перехода считались ликвидация частной собственности, эксплуатации наемного труда и социального неравенства в результате уничтожения товарного производства, рынка, товаров, денег и всех других, считающихся капиталистическими, стоимостных категорий, постепенная замена государственной формы организации власти общественным самоуправлением.

Готовых объективных предпосылок социализма в России не было. В структуре населения около 85% составляли склонные к самостоятельному хозяйствованию на своей земле крестьяне, более 10% приходилось на долю дворянства, духовенства, интеллигенции и других служащих, от 2 до 5% составлял сосредоточенный главным образом в крупных городах пролетариат. Средний уровень развития капитализма усложнялся общинными традициями в деревне. Ситуацию усугубляла хозяйственная разруха, «демократическая» анархия, самочинный вооруженный беспредел. Тем не менее, абсолютное большинство социал-демократов и других революционных сил, включая и

большевиков, вслед за отцом русского марксизма Г.В. Плехановым считали, что российская история еще не смолола той муки, из которой может быть испечен пышный каравай социализма.

Но Ленин, едва ступив на платформу Финляндского вокзала из пресловутого «пломбированного вагона», ошпарил и «революционную демократию», и своих соратников призывом к немедленному превращению мировой «империалистской» войны во всемирную гражданскую войну, в мировую социалистическую революцию. Почти никто не был согласен с ним [3, С. 62; 15, С. 6-16; 18, С. 274]. Теоретики-марксисты жестко критиковали выдвинутую им апрельскую программу, зовущую к вооруженному восстанию, но близкие массам лозунги немедленного мира без аннексий и контрибуций, передачи власти Советам рабочих и крестьянских депутатов, заводов и фабрик рабочим, земли крестьянам вызывали эйфорию и поддержку. Несмотря на отсутствие в рассуждениях Ленина объективного анализа положения страны, плана экономических преобразований, вождь сумел убедить партию в том, что захват власти разожжет пожар мировой революции, а «диктатура пролетариата» позволит решить поставленные им задачи. Необычная для русских интеллигентов сила воли Ленина, ненависть к убившему его брата царизму, «буржуазному обществу», к России, как «тюрьме народов», абсолютная убежденность в правильности выбранного им пути, умение убеждать других, способность властвовать, подкрепленные находящейся в его распоряжении партийной кассой, обеспечили выдающийся результат. Организовавший во взаимодействии с другими членами Петроградского Военно-революционного комитета и Политбюро вооруженное восстание в столице к своему дню рождения председатель Петросовета Л.Д. Троцкий был недалек от истины, когда утверждал: «Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции...» [16, С. 28]. Не страдающий чрезмерной скромностью «демон революции» признавал ведущую роль Ленина, поскольку сам он, по его утверждению, не смог бы убедить партийное руководство в безотлагательности захвата власти.

Огромную роль сыграло и практическое умение Ленина вести за собой массы. Четко понимая роль лидера в революционном движении и ясно сознавая, что сам является таким лидером, он принимал в расчет только психологию масс и массовое движение [2]. При этом он решительно применял любые средства, нисколько не колеблясь, разжигал самые низменные инстинкты толпы, внушая ненависть к своим противникам, выдвигая лозунг «Грабь награбленное!». Позднее он объяснял, что этот призыв – лишь перевод на народный русский язык известного академического тезиса основоположников марксизма «Бьет час капиталистической частной

собственности, экспроприаторов экспроприруют!». В реальной жизни это воспринималось далеко не однозначно. В деревнях крестьяне захватывали помещичьи земли, грабили усадьбы, часто убивая их хозяев, а в городах неграмотные, темные «пролетарии», всяческие уголовные элементы брали с собой на митинги и демонстрации не только транспаранты «Да здравствуют Циммервальд – Кинталь», но и мешки для награбленного у буржуазии добра. Большевистская власть жестко пресекала уголовную преступность, но сама она воспринималась большинством образованных и политически активных граждан как насильственно установленная и поэтому нелегитимная. После закрытия оппозиционных газет, объявления кадетов, требующих своевременного созыва небольшевистского Учредительного собрания, «врагами народа», создания ВЧК «для борьбы с контрреволюцией», последовавшего разгона «учредилки» даже многие нейтральные люди перешли в оппозицию. Впечатляла и критика большевиков авторитетными конкурентами-социалистами, учеными-гуманитариями, экономистами, писателями и поэтами, многочисленными представителями интеллигенции, оказавшимися в тюрьмах, вскоре потерявшими Родину пассажирами «Философских пароходов». «Блевотиной войны» назвала одна из видных представительниц Серебряного века, поэт, литератор З.Н. Гиппиус-Мережковская «октябрьское веселье». Были и представители художественной интеллигенции, полагающие, что революция облегчит им поиск новых форм в творчестве [1]. В целом, непредвзятый анализ показывает, что «триумфальное шествие советской власти» было не таким уж триумфальным и потребовало определенного «озверения» противоборствующих сторон.

Компетентные современники Ленина, например Н.А. Бердяев, А.И. Рыков, П.А. Сорокин, считали его фанатиком мировой социалистической революции. Призыв к ней рефреном звучал и в дооктябрьских, и послеоктябрьских выступлениях вождя. Он неоднократно повторял, что захват власти был осуществлен большевиками исключительно в уверенности и надежде на скорую мировую революцию. «Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении», – писал он в январе-феврале 1918 г. [8, Т. 35, С. 245]. В первые годы советской власти большевики ждали мировую революцию буквально со дня на день. «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики», – говорил вождь на I конгрессе Коминтерна [8, Т. 37, С. 511]. Выступая на первых московских советских командных курсах 15 апреля 1919 г., он обещал слушателям: «Вы в скором времени увидите, как образуется Всемирная Федеративная Республика Советов» [8, Т. 38, С. 299-300].

Мировую революцию не просто ждали, большевики считали ее собственной интернациональной задачей и всячески ее подталкивали. Для подготовки к установлению «диктатуры пролетариата» во всем мире был создан III (Коммунистический) Интернационал. Ленин напутствовал делегатов I, учредительного его конгресса: «Необходимо только найти ту практическую форму, которая даст возможность пролетариату осуществить свое господство. Такой формой является советская система с диктатурой пролетариата. ...Пролетариат теперь в состоянии практически использовать свое господство» [8, Т. 37, С. 132].

Абсолютная убежденность вождя в необходимости и неизбежности мировой социалистической революции разделялась всеми большевиками. Об этом говорили вслух, к этому готовились. Министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин писал в мемуарах о своей беседе во время Брест-Литовских мирных переговоров с возглавлявшим некоторое время советскую делегацию А.А. Иоффе. Услышав от своего собеседника, что большевики допускают возможность гражданской войны во всем мире в результате своей международной политики, Чернин заявил, «что надо было бы раньше России доказать, что большевизм начинает новую счастливую эпоху, и лишь затем завоевывать мир своими идеями... Но пока уместен самый большой скептицизм, и я указал ему, что мы не собираемся подражать русским порядкам и категорически запрещаем всякое вмешательство в наши внутренние дела... Господин Иоффе смотрел на меня удивленно своими мягкими глазами. Он помолчал немного и затем сказал навсегда оставшимся у меня в памяти дружественным, я бы сказал, почти просящим тоном: я все же надеюсь, что нам удастся и у вас устроить революцию...» [17, С. 240-241].

Исповедуемую Лениным и его партией идею и попытку осуществления мировой пролетарской революции при жизни вождя в Германии и Польше, нельзя считать социально справедливыми. В мировой истории XX века Ленин был первым глобалистом, допускающим возможность управления миром из одного центра, готовым любыми средствами подчинить «диктатуре пролетариата» не только «мировую буржуазию», но и всех инакомыслящих. По словам православного петербургского писателя Н.М. Коняева, «будучи последовательным материалистом, Ленин произвольно, не соотносясь с реальной обстановкой, осуществлял свои действия так, как будто мир и управлялся из того центра, в котором находился он сам. Только такое устройство мира было правильным и разумным, по его глубочайшему, не подвластному никакому анализу и критике, убеждению, а любое другое – нелепым, ошибочным, иррациональным». Он процитировал следующую, данную наркомом просвещения А.В. Луначарским, характеристику психологии

поведения вождя: «Ленин никогда не оглядывается на себя, никогда не смотрит в историческое зеркало, никогда не думает даже о том, что о нем скажет потомство, – он просто делает свое дело. Он делает это дело властно, и не потому, что власть для него сладостна, а потому что он уверен в своей правоте и не может терпеть, чтобы кто-нибудь портил его работу. Его властолюбие вытекает из его огромной уверенности в правильности своих принципов и, пожалуй, из неспособности (очень полезной для политического вождя) становиться на точку зрения противника» [6, С. 19-20].

Ориентация на мировую революцию, непримиримую борьбу не на жизнь, а на смерть с «мировой буржуазией» стала самым тяжелым стратегическим просчетом Ленина. И хотя Советская Россия была не в состоянии, в соответствии с прогнозом Маркса, от 10 до 50 лет воевать за утверждение «пролетарской справедливости», но психологически она представляла определенную угрозу национальной безопасности всех «буржуазных» стран. Это надолго усложнило ее международное положение, способствовало усилению конфликтного характера мирового развития, сделало неизбежным, наряду с другими обстоятельствами, широкое применение насильственных методов во внутреннем «социалистическом строительстве».

Следует также учитывать, что мировая социалистическая революция была целью жизни Ленина. Ее недостижимость стала наиболее глубоким разочарованием вождя, что ставит под сомнение утверждения недавно размещенной в специализированном журнале для психологов в рубрике «Читаем забытую классику...» впервые опубликованной в 1927 г. статьи о том, что Ленин «был со своим врожденным колоссальным энергетическим богатством несомненно одним из счастливейших людей на протяжении истории человечества», «... был чрезвычайным историческим удачником» [4, С. 294, 299]. Некоторые другие положения статьи [4, С. 293, 294, 295, 300] также свидетельствуют о том, что считавшееся классикой в год 10-летия Октябрьской революции, перестало быть таковой в год ее 100-летнего юбилея.

Не менее сильными эмоциональными потрясениями для Ленина в последние годы его жизни были ставшая очевидной необходимость отказа от первоначальных представлений об экономике социализма, признание ошибок политики военного коммунизма как «героического периода русской революции», вынужденное допущение частной собственности, частного предпринимательства и свободной торговли, воспринятое многими партийцами как предательство идей революции. Особого внимания заслуживает предпринятая большевиками с благословения вождя в 1918-1921 гг. попытка уничтожения денег и построения «безденежного коммунизма» [12].

Ограниченные рамки статьи не позволяют раскрыть заявленную тему во всех ее аспектах. Однако все изложенное выше позволяет сделать вывод о необходимости человеческого измерения Октябрьской революции и ее последствий. Отмечая юбилей нельзя ограничиваться славословиями о величии исторического прорыва к справедливому обществу посредством «диктатуры пролетариата»; необходимо предпринять усилия, направленные на восстановление полноты исторической правды, и сделать выводы, направленные на духовное оздоровление социума [11]. Что касается исторической оценки Ленина, как главного идеолога и организатора Октября, можно считать установленным, что он пережил пока недостаточно изученную психологическую драму и трагедию и, в конечном счете, оказался одной из самых, если не самой лично и общественно трагической фигурой XX века.

Список литературы

1. Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. Русская интеллигенция и большевистская революция: в хаосе событий и в смятении чувств (25 октября – 7 декабря 1917 г.) // Вестн. Моск. гос. област. у-та. Серия: История и полит. науки. 2007. № 1. С. 135-148. URL: <http://kurs.znate.ru/download/docs-159010/159010.doc>
2. Вернадский Г.В. Ленин как политический лидер // Его же. Ленин – красный диктатор. М.: Аграф, 2000. 311 с. URL: http://www.plam.ru/hist/lenin_krasnyi_diktator/p12.php
3. Войтинский В. 1917-й. Год побед и поражений. М.: ТЕРРА, 1999. 323 с.
4. Залкинд А.Б. В.И. Ленин как психофизиологический тип // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 2. С. 293-300.
5. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). М.: Партиздат, 1938. Репринтное воспроизведение стабильного издания 30-40-х годов. М.: Писатель, 1997. URL: <http://www.alleng.ru/d/hist051.htm>
6. Коняев Н.М. Трагедия ленинской гвардии, или Правда о вождях октября. М.: Алгоритм, 2007. 576 с.
7. Краткий курс истории ВКП(б). Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Краткий_курс_истории_ВКП\(б\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Краткий_курс_истории_ВКП(б))
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31-45. М.: Политиздат, 1980-1982.

9. Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Сб. ст. / Н. Бухарин, В. Милютин, К. Радек, И. Сталин и др. М.: Госиздат, 1919. 324 с.
10. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
11. Ольшевский В.Г. Здоровье человека и здоровье общества в контексте коэволюционной парадигмы и столетнего юбилея Октября // Теория и практика современной науки. Междунар. науч. журнал. 2017. № 5 (23). URL: http://www.modern-j.ru/domains_data/files/23/Olshevskiy_Statya.pdf.
12. Ольшевский В.Г. Идея социализма и деньги: столетие несостоявшегося эксперимента // Евразийский союз ученых. Ежемесячный научный журнал. 2017. № 9 (42). Ч. 3. С. 18-22. URL: http://euroasia-science.ru/wp-content/uploads/2017/10/Euroasia-science_сентябрь_журнал_3_-17.pdf
13. Ольшевский В.Г. Экономика России не выдержала военного напряжения. В результате произошел развал империи [Первая мировая война] // Военно-исторический журнал. 2005. № 12. С. 21-26.
14. Самохвалов Д.С. Историческая психология: основы историко-психологических исследований : пособие. Минск: БГУ, 2016. 95 с.
15. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1991. 399 с.
16. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
17. Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М.-Пг: Госиздат, 1923. 297 с.
18. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3 т. Т. 3. М.: Республика, 1994. 688 с.
19. Швец Я. 100 лет Русской революции: как относиться к юбилею? // Россия: Ноев ковчег. Информ.-аналит. сайт для семейного чтения. URL: <http://rnk-concept.ru/16509>
20. Шкуратов В.А. Историческая психология. Учеб. пособие. Изд. 2-е. М.: Изд-во Город «N», 1997. 505 с.

References:

1. Aksjutin Ju.V., Volobuev O.V. Russkaja intelligencija i bol'shevistskaja revoljucija: v haose sobytij i v smjatenii chuvstv (25 oktjabrja – 7 dekabrja 1917 g.) // Vestn. Mosk. gos. oblast. u-ta. Serija: Istorija i polit. nauki. 2007. № 1. S. 135-148. URL: <http://kurs.znate.ru/download/docs-159010/159010.doc>
2. Vernadskij G.V. Lenin kak političeskij lider // Ego zhe. Lenin – krasnyj diktator. М.: Agraf, 2000. 311 с. URL: http://www.plam.ru/hist/lenin_krasnyi_diktator/p12.php
3. Vojtinskij V. 1917-j. God pobed i porazhenij. М.: TERRA, 1999. 323 с.

4. Zalkind A.B. V.I. Lenin kak psihofiziologicheskij tip // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2017. № 2. S. 293-300.
5. Istorija Vsesojuznoj kommunisticheskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs / Pod red. Komissii CK VKP (b). Odobren CK VKP (b). M.: Partizdat, 1938. Reprintnoe vosproizvedenie stabil'nogo izdanija 30-40-h godov. M.: Pisatel', 1997. URL: <http://www.alleng.ru/d/hist051.htm>
6. Konjaev N.M. Tragedija leninskoj gvardii, ili Pravda o vozhdjah oktjabrja. M.: Algoritm, 2007. 576 s.
7. Kratkij kurs istorii VKP(b). Material iz Vikipedii – svobodnoj jenciklopedii. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Kratkij_kurs_istorii_VKP\(b\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Kratkij_kurs_istorii_VKP(b))
8. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 31-45. M.: Politizdat, 1980-1982.
9. Oktjabr'skij perevorot i diktatura proletariata. Sb. st. / N. Buharin, V. Miljutin, K. Radek, I. Stalin i dr. M.: Gosizdat, 1919. 324 s.
10. Ol'shanskij D.V. Osnovy politicheskoj psihologii. Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2001. 496 s.
11. Ol'shevskij V.G. Zdorov'e cheloveka i zdorov'e obshhestva v kontekste kojevoljucionnoj paradigmy i stoletnego jubileja Oktjabrja // Teorija i praktika sovremennoj nauki. Mezhdunar. nauch. zhurnal. 2017. № 5 (23). URL: http://www.modern-j.ru/domains_data/files/23/Olshevskiy_Statya.pdf
12. Ol'shevskij V.G. Ideja socializma i den'gi: stoletie nesostojavshegosja jeksperimenta // Evrazijskij sojuz uchenyh. Ezhemesjachnyj nauchnyj zhurnal. 2017. № 9 (42). Ch. 3. S. 18-22. URL: http://euroasia-science.ru/wp-content/uploads/2017/10/Euroasia-science_sentjabr'_zhurnal_3_-17.pdf
13. Ol'shevskij V.G. Jekonomika Rossii ne vyderzhala voennogo naprjazhenija. V rezul'tate proizoshel razval imperii [Pervaja mirovaja vojna] // Voennostoricheskij zhurnal. 2005. № 12. S. 21-26.
14. Samohvalov D.S. Istoricheskaja psihologija: osnovy istoriko-psihologicheskikh issledovanij : posobie. Minsk: BGU, 2016. 95 s.
15. Suhanov N.N. Zapiski o revoljucii: V 3 t. T. 2. M.: Politizdat, 1991. 399 s.
16. Trockij L.D. K istorii ruskoj revoljucii. M.: Politizdat, 1990. 447 s.
17. Chernin O. V dni mirovoj vojny. Memuary. M.-Pg: Gosizdat, 1923. 297 s.
18. Shljapnikov A.G. Kanun semnadcatogo goda. Semnadcatyj god: V 3 t. T. 3. M.: Respublika, 1994. 688 s.
19. Shvec Ja. 100 let Ruskoj revoljucii: kak otnosit'sja k jubileju? // Rossija: Noev kovcheg. Inform.-analit. sayt dlja semejnogo chtenija. URL: <http://rnk-concept.ru/16509>
20. Shkuratov V.A. Istoricheskaja psihologija. Ucheb. posobie. Izd. 2-e. M.: Izd-vo Gorod «N», 1997. 505 s.

Сведения об авторе:

Ольшевский Валерий Георгиевич, кандидат экономических наук, доцент, профессор, Почетный доктор Российской академии естествознания (Минск, Беларусь).

150-летие В.М. Бехтерева в российской филателистике

Хусяинов Тимур Маратович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: timur@husyainov.ru

Аннотация. В данном сообщении приводится информации о том следе, который остался в российской филателии в связи с 150-летним юбилеем великого русского ученого Владимира Михайловича Бехтерева (1857-1927).

Ключевые слова: филателия, ученые на марках, Бехтерев, юбилей, почтовая марка, конверт первого дня.

V.M. Bekhterev's sesquicentenary in Russian philately

Khusyainov Timur Maratovich

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: timur@husyainov.ru

Abstract. This article provides information on the trail that remained in Russian philately in connection with the 150th anniversary of the great Russian scientist Vladimir Mikhailovich Bekhterev (1857-1927).

Keywords: philately, scientists on stamps, Bekhterev, jubilee, postage stamp, first day envelope.

2007 год стал юбилейным для великого русского психиатра, невропатолога, физиолога, психолога Владимира Михайловича Бехтерева - 150 лет со дня рождения. Мировую известность ему принесли открытия в сфере физиологических и патологических рефлексов, а также описание ряда заболеваний и методов их лечения, анализировал связь между нервными и психическими заболеваниями.

К 150 летию ученого Почта России выпустила почтовую марку, изготовила специальный почтовый штемпель, а также конверт первого дня. Отметим, что также к юбилею В.М. Бехтерева Банком России была выпущена памятная монета, номиналом 2 рубля.

Почтовая марка

Рис. 1. Почтовая марка посвященная 150-летию со дня рождения В.М. Бехтерева

Почтовая марка была выпущена 15 января 2007 года. Дизайнером памятной марки стал А. Поварихин, изобразивший портрет великого ученого, рядом с которым расположил схематическое изображение головного мозга в профиль на фоне нервной системы. Таким образом подчеркивается особая роль Бехтерева в изучении мозга.

Номинал марки - 5 рублей. Тираж составил 180000 экземпляров. Формат марки - 42X30 мм. Бумага - мелованная; печать - офсет; перфорация гребенчатая 12.

Специальный почтовый штемпель

Рис. 2. Специальный почтовый штемпель посвященный 150-летию со дня рождения В.М. Бехтерева

К памятной дате 150-летию В.М. Бехтерева 15 января 2007 года был подготовлен штемпель для специального гашения первого дня. Этот штемпель включает портрет ученого, а также надпись о 150-летнем юбилее. Местом гашения стал город Санкт-Петербург, почтовое отделение 190000.

Конверт первого дня

Рис. 3. Конверт первого дня приуроченный к 150-летию со дня рождения В.М. Бехтерева

Кроме того, к 15 января 2007 года Московской типографией №11 было изготовлено 15000 специальных конвертов первого дня, которые содержали на своей поверхности памятную марку, гашенную штемпелем первого дня.

Подобный выпуск не был первым, этот ученый уже был ранее изображен на почтовых марках. Так, в 1952 году Почтой СССР была выпущена почтовая марка к памятной дате - 25-летию со дня смерти В.М. Бехтерева.

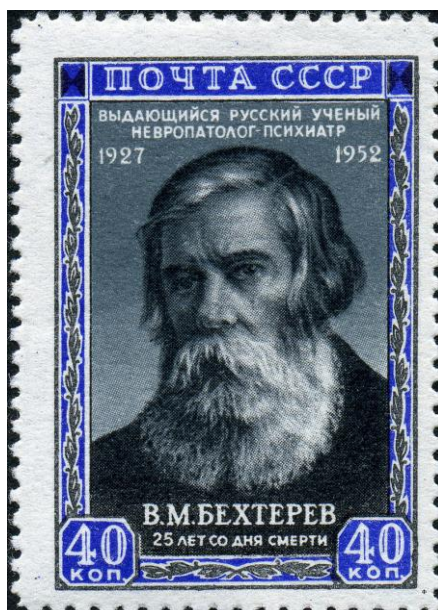

Рис. 4. Почтовая марка посвященная 25-летию со дня смерти В.М. Бехтерева

К сожалению, 2017 год в России не был ознаменован новыми выпусками марок и монет, посвященных истории психологии. При этом, подготовка и выпуск подобных предметов коллекционирования может не только стать достойным экземпляром для коллекционеров, но и помочь в развитии интереса к истории науки, психологии и психиатрии, донести информацию о великих российских ученых до широких слоев населения.

Список литературы:

1. Хусяинов Т.М. Известные психологи на монетах и банкнотах мира: приступая к поиску // ПЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. С. 202-218.
2. № 1159. 150 лет со дня рождения В.М. Бехтерева (1857-1927), психоневролога // Акционерное общество "Марка". URL: <http://www.rusmarka.ru/catalog/marka/position/13321.aspx>
3. № 1509. 150 лет со дня рождения В.М. Бехтерева (1857-1927), психоневролога // Акционерное общество "Марка". URL: <http://www.rusmarka.ru/catalog/konvert1/position/17877.aspx>
4. № 2ш-2007. 150 лет со дня рождения В.М. Бехтерева // Акционерное общество "Марка". URL: <http://www.rusmarka.ru/catalog/spec/position/17930.aspx>

References:

1. Husjainov T.M. Izvestnye psihologi na monetah i banknotah mira: pristupaja k poisku // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. S. 202-218.
2. № 1159. 150 let so dnja rozhdenija V.M. Behtereva (1857-1927), psihonevrologa // Akcionernoe obshhestvo "Marka". URL: <http://www.rusmarka.ru/catalog/marka/position/13321.aspx>
3. № 1509. 150 let so dnja rozhdenija V.M. Behtereva (1857-1927), psihonevrologa // Akcionernoe obshhestvo "Marka". URL: <http://www.rusmarka.ru/catalog/konvert1/position/17877.aspx>
4. № 2sh-2007. 150 let so dnja rozhdenija V.M. Behtereva // Akcionernoe obshhestvo "Marka". URL: <http://www.rusmarka.ru/catalog/spec/position/17930.aspx>

Сведения об авторе:

Хусяинов Тимур Маратович, инженер кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

История и современность: развитие и становление региональной психологической практики

Из истории организации исследований по психологии в Академии наук СССР¹

Киселев Михаил Юрьевич

Архив Российской академии наук, Россия

e-mail: kiss_ran@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории организации исследований по психологии в Академии наук СССР: подготовка предложений об основных направлениях деятельности создаваемого Института психологии в 1971 г.; постановление Президиума АН СССР «О научной и научно-организационной деятельности Института психологии АН СССР за 1977-1982 гг.» от 23 мая 1983 г.; обсуждение деятельности Института психологии, отраженные в стенограмме заседания Президиума АН СССР, сохранившейся в Архиве Российской академии наук.

Ключевые слова: история психологии, исследования, стенограмма, Академия наук СССР, Архив Российской академии наук.

From history of organization of research in psychology in the Academy of Sciences of the USSR

Kiselev Mikhail Yurievich

Archive of the Russian Academy of Sciences, Russia

e-mail: kiss_ran@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history of organization of research in psychology in the Academy of Sciences of the USSR: preparation of proposals on the main directions of the activity of the Institute of Psychology being created in 1971; Decree of the Presidium of the

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Фундаментальная наука в дискуссиях Президиума Академии наук в период смены идеологической парадигмы (1980-1990-е гг.): комплексное исследование уникального научного фонда» № 16-01-00403а

the Academy of Sciences the USSR "On the scientific and scientific organizational activities of the Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the USSR for 1977-1982" dated May 23th, 1983; a discussion of the activities of the Institute of Psychology, reflected in the transcript of the meeting of the Presidium of the Academy of Sciences the USSR, preserved in the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: history of psychology, research, verbatim, Academy of Sciences, Archive of Academy of Sciences

Архив Российской академии наук (РАН) остается одним из крупнейших и старейших отраслевых архивохранилищ России. В нем хранятся документальные комплексы по истории руководящих органов Академии наук, личные фонды выдающихся ученых и деятелей культуры, фонды академических учреждений и организаций за период XIX-XXI веков. В Архиве РАН сохранились документы Института психологии АН СССР – РАН за 1972-1998 гг. [1]. Кроме того, в фонде Секретариата Президиума АН СССР отложились документы по истории организации исследований по психологии в Академии наук СССР.

15 июля 1971г. Президиум АН СССР рассмотрел вопрос о состоянии психологической науки и признал целесообразным организовать в системе АН СССР Институт психологии [2, С. 25-26]. 8 августа 1971 г. Академия наук обратилась в Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) с письмом, в котором содержалась просьба дать согласие на организацию института. В письме отмечалось, что существенным недостатком в развитии психологической науки являлось относительное отставание фундаментальных теоретических исследований от прикладных, слабое развитие некоторых важных направлений психологии, отсутствие достаточного контакта между психологической наукой и другими отраслями научных знаний, прежде всего физиологий. Констатировалось, что в стране отсутствовал научно-исследовательский центр, который имел бы возможность разрабатывать фундаментальные проблемы психологической науки [3, С. 1].

Во исполнение решения ЦК КПСС от 31 августа 1971 г. АН СССР и Государственный комитет по науке и технике своим письмом от 22 сентября 1971 г. представили в ЦК КПСС предложения об основных направлениях работы создаваемого Института психологии. В области теоретической и экспериментальной психологии предполагались: разработка общих методологических проблем психологии и перспективной программы ее развития в СССР; изучение взаимоотношений практической деятельности,

общения и познания; экспериментальное исследование психических процессов и состояний, механизмов психической регуляции поведения человека.

В области социальной психологии планировались: разработка социально-психологических проблем на основе марксизма-ленинизма; изучение психологических аспектов деятельности людей в коллективах, формирования коллективов и их динамики; исследование психологических проблем управления и пропаганды; изучение психологии личности, социально-исторической детерминации ее формирования и развития; критика буржуазных социально-психологических направлений и психологических концепций личности. В области инженерной психологии и психологии труда предполагались: исследование психологической структуры трудовой деятельности человека; разработка психологических проблем творчества в различных видах труда; изучение деятельности человека в системах «человек-машина», психологических механизмов принятия решений в условиях взаимодействия человека с информационно-логическими машинами; психофизиологическое исследование работоспособности и утомления.

В области психофизиологии и нейропсихологии планировались: изучение мозговых механизмов психических процессов человека, биологических нейрхимических и нейрофизиологических основ психических явлений и поведения; психофизиологических различий между людьми; изучение средств управления процессами памяти путем направленного регулирования физиологических, биофизических и биохимических процессов; разработка основных теоретических проблем психофизиологии и нейропсихологии. В области специальных прикладных проблем предполагались: исследование деятельности человека в экстремальных условиях и их влияния на психические функции и состояния; изучение совместной деятельности людей в ограниченном пространстве; разработка теоретических основ подготовки человека к деятельности в особых условиях [3, С. 5-6].

В соответствии с постановлением Президиума АН СССР № 1079 от 16 декабря 1971г. и распоряжением Совета Министров СССР от 6 декабря 1971г. № 2602 был организован Институт психологии в составе Отделения философии и права АН СССР [4, С. 17-20]. В 1976 г. специальная комиссия Отделения философии и права АН СССР знакомилась с работой института, однако, на тот период институт существовал всего пять лет, что не позволяло сделать конкретные выводы о развитии фундаментальных исследований по психологии. В 1982 г. уже комиссия Президиума АН СССР знакомилась с работой института; 26 мая 1983 г. Президиум АН СССР на своем заседании принял постановление № 758 «О научной и научно-организационной деятельности Института психологии АН СССР за 1977-1982 гг.» [5, С. 11-18].

Особый интерес представляет стенограмма заседания Президиума АН СССР, в которой отражен процесс обсуждения деятельности Института психологии [5, С. 61-118]. В своем докладе директор института член-корреспондент Ломов Б.Ф. сообщал, что институт развивался как комплексное научно-исследовательское учреждение, в котором объединены основные направления психологической науки. Наряду с успехами в организации научных исследований по психологии Ломов Б.Ф. отмечал, что из-за штатных ограничений отсутствует возможность организации сектора психологии личности. Он также предложил проводить: собственные исследования психологии и сознания человека, как объекта пропагандистской работы применительно к особенностям советского общества, к условиям социализма; специальное изучение проблемы национальной психологии; разработку проблем, пограничных для психологии и генетики человека. Ученый просил Президиум АН СССР ускорить решение вопроса о создании психологических лабораторий в Горьком, Ярославле и Саратове, помочь в приобретении зарубежной аппаратуры, а также поручить академическим конструкторским бюро разработку и изготовление экспериментальных установок.

Содокладчиком был академик Гвишиани Д.М., который возглавлял комиссию Президиума АН СССР по проверке деятельности института. По мнению ученого в институте наблюдалась диспропорция в развитии научных направлений и неравномерная кадровая обеспеченность. Недостаточное внимание уделялось развитию теоретических экспериментальных исследований в области общей психологии: не проводились общепсихологические изучения личности, изучения эмоционально-волевой и потребностно-мотивационной сфер. В области социальной психологии недостаточно разрабатывались проблемы воздействия средств массовой коммуникации и национальной психологии. В области инженерной психологии и психологии труда отмечалось недостаточное внимание к разработке теории операторской деятельности, совершенствованию методов ее анализа и проектирования. Научная проблематика и теоретические посылы лаборатории психофизиологического направления были недостаточно увязаны с собственно психологическими исследованиями.

Гвишиани Д.М. констатировал, что в области математических методов и моделей психологических исследований работы велись вокруг нескольких проблем, не связанных методически и не обеспеченных в достаточной мере кадрами. По его мнению, математические модели, разработанные в институте, как правило, носили описательный характер с простой фиксацией некоторых свойств психики. Он предложил обратить особое внимание на разработку методологических и теоретических аспектов математической психологии,

конкретизировать цели моделирования, ее роль и место в психологических исследованиях.

Отдельно ученый остановился на проблеме искусственного интеллекта, которую, по его мнению, невозможно решить без опоры на психологические исследования. Он предложил усилить роль института, как головной организации, которая должна подтолкнуть развитие этих исследований во многих специализированных организациях, поскольку по ряду исследований, проводимых в США, в СССР даже не было постановки вокруг этих вопросов. Несмотря на то, что практически сложилась психология управления в народном хозяйстве, как поднаука, по мнению ученого, существовали возможности разработки путей повышения эффективности и качества функциональных систем управления, особенно вопросов, стоящих на стыке социологии, экономики и т.д. Было высказано неудовлетворение деятельностью института по координации психологических исследований в стране: отсутствовали творческие контакты с академическими институтами государства и права, социологии, философии, а также с целым рядом научно-технических учреждений, «которые создают подчас такие механизмы, машины и приборы, где необходим учет психологии».

Академик Басов Н.Г. обратился к Ломову Б.Ф. с вопросом о создании психологической службы СССР. Директор Института психологии ответил, что целесообразно было бы разработать такую систему, которая позволяла бы оперативно решать возникающие психологические задачи в образовании, здравоохранении, разработке новых образцов техники, организации трудовых коллективов и т.д. Институтом разработаны предложения по этому вопросу для обсуждения на Секции общественных наук АН СССР.

Академика-секретаря Отделения ядерной физики АН СССР Маркова М.А. интересовали философские проблемы психологии, в частности, взаимосвязь философских прогнозов с фундаментальными проблемами конкретных наук. Ломов Б.Ф. сообщал, что развитие психологии было тесно связано с развитием философии. В институте проводилась работа по анализу системы философских категорий (отражения, деятельности, личности) применительно к проблемам психологии. Поставлена задача рассмотреть всю систему категорий с тем, чтобы выявить, в какой мере они позволяют разработать собственные психологические проблемы.

Академик Стырикович М.А. обратил внимание участников заседания на необходимость изучения психологии спроса, чему за рубежом уделялось большое внимание. Ломов Б.Ф. сообщал, что в институте началось исследование «Психология сферы обслуживания», в результате которого удалось выявить несоответствие приобретения (как психологического момента)

потреблению. Ученый сделал вывод, что учет психологического фактора необходим для всех основных звеньев хозяйственного процесса.

Вице-президент АН СССР академик Яншин А.Л. сообщал, что в Академии наук вопросами психологии широко занимаются физиологи в двух институтах высшей нервной деятельности в Москве и Ленинграде: эту часть психологов называют физиологами, поскольку институты входят в состав Отделения физиологии. В США все физиологи, занимающиеся вопросами высшей нервной деятельности, числятся психологами, и их насчитывается около 2 тыс. человек.

На вопрос вице-президента АН СССР академика Котельникова В.А. – кто занимается психологией отдыха, свободного времени – Ломов Б.Ф. сообщал, что институт этим не занимается. Гвишиани Д.М. добавил, что этим вопросом частично занималось Министерство культуры, частично Министерство внутренних дел, которые проводили свои психологические и социологические исследования. В качестве примера он сообщал о высоких показателях самоубийств как психологического и крайне стрессового состояния человека в ряде регионов. В Министерстве здравоохранения РСФСР была организована лаборатория, которая занималась этой проблемой; в качестве эксперимента создана служба помощи по телефону. Ученый сделал вывод, что Институт психологии должен изучать комплексные проблемы психологии.

Член-корреспондент Кудрявцев В.М., директор Института государства и права АН СССР констатировал, что в стране очень низка культура психологических знаний во всех сферах, начиная с промышленности, и кончая направлением агитации и пропаганды. Он предложил организовать психологические подразделения в смежных академических институтах, приведя в качестве примера институты Министерства внутренних дел. Кроме того, ученый обратился к Ломову Б.Ф. с предложением больше уделять внимания исследованиям по социальной психологии социальных групп и классов, по национальной психологии, психологии мужчин и женщин. В заключении он констатировал, что в стране крайне мало специалистов по психологии, которое привело к отсутствию предложений в сфере «человеческого механизма, его активизации и мобилизации».

Академик-секретарь Отделения философии и права академик Егоров А.Г. отмечал, что институт недостаточно оказывал направляющее воздействие на другие научные учреждения в области психологии в стране, на высшую школу. Он также отметил, что в институте не включены в сферу исследований целые отрасли психологической науки, к которым можно отнести психологию творчества и сравнительную психологию человека и животных. По мнению ученого институт должен усилить разработку проблем социальной психологии,

психологии классов и национальной психологии, сообщив, что в Госдепартаменте США создана специальная комиссия по изучению национальных отношений и национальной психологии народов СССР. Егоров А.Г. сообщал, что институт выпускал работы, разоблачающие буржуазную идеологию, но делал это «без должной целеустремленности, до разоблачения классовых корней буржуазных корней дело не доходит, мало внимания уделяется разоблачению идеологов агрессивной войны, которые спекулируют на данных психологии». В заключении ученый признавал, что работа по созданию психологической службы как в масштабах АН СССР и всей страны велась слабо.

Значительный интерес представляет и текст самого постановления Президиума АН СССР, в котором дирекцию и Ученый совет Института психологии обязали активизировать исследование следующих фундаментальных проблем психологической науки [5, С. 15-16]:

- проблемы психологии личности, психических механизмов регуляции деятельности и поведения, проблем сознания и бессознательного, структуры и динамики психических процессов;

- психология совместной трудовой деятельности, развития трудовых коллективов, материального и морального стимулирования их производственной, социальной и идейно-воспитательной деятельности, совершенствования социально-психологического климата в трудовых коллективах, развития социальной активности масс;

- психологические аспекты роста производительности труда, повышения эффективности производства и качества продукции, совершенствования управления, укрепления трудовой дисциплины, психологические проблемы профессиональной ориентации, отбора и обучения;

- психологические проблемы деятельности человека, управляющего современной техникой, проектирования новой техники, в частности робототехники, и согласование ее с особенностями человека, психология специальных видов деятельности;

- психологические проблемы формирования идейной убежденности и активной жизненной позиции личности, повышения уровня, качества и действенности идеологической, политико-воспитательной работы, пропаганды и контрпропаганды;

- математическая психология, ее методология и общая теория.

Представленная информация позволяет частично не только восстановить внешнюю историю психологической науки, которая зафиксирована в текстах постановлений Президиума АН СССР, но и ее субъективную составляющую – влияние доводов и авторитета конкретных ученых на принятие тех или иных

решений. Персонифицированные документы, какими являются стенограммы заседаний Президиума АН СССР, отражают не только мнение отдельных личностей, но также являются репрезентативным источником по истории страны, позволяющими расширить источниковедческую базу по истории психологии и могут использоваться в образовательных и исследовательских целях.

Список литературы:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2097.
2. Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 931.
3. Там же. Оп. 1 (1971). Д. 7.
4. Там же. Оп. 6. Д. 957.
5. Там же. Оп. 1. Д. 864.

References:

1. Arhiv Rossijskoj akademii nauk (ARAN). F. 2097.
2. Tam zhe. F. 2. Op. 6. D. 931.
3. Tam zhe. Op. 1 (1971). D. 7.
4. Tam zhe. Op. 6. D. 957.
5. Tam zhe. Op. 1. D. 864.

Сведения об авторе:

Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук (Москва, Россия)

Становление и формирование психологической школы в Воронежском государственном педагогическом университете

Кузнецова Виолетта Владимировна

Воронежский государственный педагогический университет, Россия

e-mail: violetta20071@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена становлению и развитию психологии в педагогическом вузе г.Воронежа.

Ключевые слова: психология, становление, развитие, Воронеж.

Formation and development of psychological school in Voronezh State Pedagogical University

Kuznetsova Violetta Vladimirovna

Voronezh State Pedagogical University, Russia

e-mail: violetta20071@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to formation and development of psychology in the Voronezh State Pedagogical University.

Keywords: psychology, formation, development, Voronezh

Исторические сложилось, что на территории Воронежской губернии в конце XIX века существовало несколько учебных заведений, которые готовили, в основном педагогов для школ. К ним относятся Педагогические курсы для учителей народных училищ при Воронежской губернской гимназии, Воронежское епархиальное училище, Воронежская учительская семинария. В начале века XX ситуация несколько меняется. В 1912 году был утвержден одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон об открытии в Воронеже сельскохозяйственного института. В 1913 году в городе открывается Учительский институт. Это были первые ласточки высшей школы,

которые появились в губернии. С началом первой мировой войны в городе велись разговоры о переводе в Воронеж нескольких университетов, которые оказались на оккупированных немцами территориях. Однако, это были лишь слухи ничем не подтвержденные. Но в 1918 году ситуация несколько изменилась. В связи с тем, что из-за оккупации Эстонии, была приостановлена работа в Юрьевском (Дерптском) университете. Многие преподаватели, сотрудники и студенты были вынуждены покинуть Эстонию и эвакуироваться в Воронеж. В ноябре 1918 года был создан Воронежский государственный университет. Изначально работа велась на юридическом, медицинском, физико-математическом и историко-филологическом факультетах. В 1931 году, согласно Постановления СНК РСФСР № 752 от 13 июля, из состава существующих университетов выделялись педагогические факультеты, которые в дальнейшем реорганизовывались в педагогические институты. Так в Воронеже появляется педагогический институт. Ровесницей вуза является и кафедра педологии, возникшая с первый дней существования института. Новую кафедру возглавил Павел Леонидович Загоровский известный ученый, профессор, выпускник МГУ, аспирант Института психологии, который в своих работах основной акцент делал на возрастную психологию, в т.ч. на развитие личности в подростковом и юношеском возрасте. П.Л.Загоровский является автором таких работ, как «К вопросу об изучении детских коллективов и поведения детей в коллективе» (1926), «О так называемой негативной фазе в подростничестве» (1928), «Второе школьное детство и особенности его социального поведения» (1928), «Основные направления в современной психологии юности» (1929), «Особенности поведения первого школьного детства» (1930), «Тесты характера» (1930) и др. Вместе с Павлом Леонидовичем на кафедре работали, вели активную исследовательскую и педагогическую деятельность профессор В.А.Яковлев, доцент И.М.Быковская, М.М.Масленникова и др. [1; С. 34]

В 1936 году в свет выходит постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» и начинаются гонения на педологическую науку, поэтому по всей стране кафедры педологии закрываются. Такая же ситуация произошла и в ВГПИ. Кафедра педологии была реорганизована, и в вузе появилось новое структурное подразделение – кафедра психологии, которую до 1952 года и возглавлял П.Л.Загоровский. В годы Великой отечественной войны, находясь в эвакуации в г.Уржуме Кировской области, и вуз, и кафедра продолжали функционировать и осуществлять подготовку педагогических кадров.

В 1952 году кафедру психологии возглавляет Павел Александрович Просецкий, выпускник Первомайского педагогического техникума, географического факультета Воронежского пединститута, участник Великой Отечественной войны. П.А. Просецкий после демобилизации поступил на Высшие педагогические курсы при МГПИ им.В.И.Ленина, а затем в аспирантуру кафедры психологии. В 1949 им была успешно защищена кандидатская диссертация по психологии. В этом же году П.А.Просецкий начинает свою деятельность на кафедре психологии педагогического института в Воронеже. С первых дней работы в вузе в качестве старшего преподавателя, затем доцента им ведется активная научная работа. После избрания П.А. Просецкого заведующим кафедры психологии в вузе создается достаточно сильная кафедра под его руководством, в состав которой вошли и молодые, но достаточно перспективные преподаватели – С.К.Морозов, В.П. Колпачев и др. В пятидесятые годы определяется и круг научных интересов кафедры под руководством Павла Алексеевича – это прежде всего темы, связанные с воспитание подрастающего поколения и молодежи, психология коллектива. Данная тема была отражена в работах Просецкого П.А. – «О диспутах по вопросам воспитания молодежи», «Каким должен быть настоящий друг», «Единые требования к поведению учащихся», «Психология коллектива в трудах В.М.Бехтерева». В 60-е годы выходит в свет монография «Социально-психологические проблемы учебно-воспитательного коллектива», а также несколько десятков научных и научно-методических работ. Итогом многолетней научной работы является защита в 1971 году докторской диссертации «Психологические основы формирования коллектива (на материале средней школы и вуза)». Спустя год, в 1972 году Павел Алексеевич переезжает в Москву и возглавляет кафедру психологии МГППИ им. В.И. Ленина.

В 1973 году кафедру психологии возглавляет Иван Федорович Мягков. На тот момент за плечами Мягкова И.Ф. был медицинский институт, аспирантура кафедры психиатрии, защита в 1955 году кандидатской диссертации и работа ассистента, а затем доцента кафедры психологии. Его научные интересы были связаны с изучением нервно-психических расстройств личности и психиатрии. С И.Ф.Мягковым связано и формирование научной психологической школы в Воронежском педагогическом институте. Его исследования легли в основу интеграции по изучению высшей нервной деятельности, психопатологии, психологии и психокоррекции девиантного поведения детей и подростков. Иван Федорович являлся соисполнителем программ союзного значения «Структурно-функциональные основы системной

деятельности и пластичности мозга», «Комплексной программы по изучению недифференцированной умственной отсталости», федеральной программы «Дети Чернобыля». Кроме этого И.Ф.Мягков возглавлял лабораторию, которая занималась изучением проблемы «Психопрофилактики и психокоррекции девиантного поведения и психосоматических нарушений в современной общеобразовательной системе» Южно-Российского региона РАО.

Наряду с Мягковым И.Ф. большой вклад в развитие психологических знаний вносят и другие преподаватели и ученые, работающие на кафедре – Е.А.Корсунский, Н.М.Трофимова, Г.И.Якушева, Ю.В.Юров. В конце восьмидесятых годов на кафедру «вливаются» молодые выпускники московских и ленинградских вузов – Т.Л.Худякова, Т.О. Баль, И.П. Дмитrochenкова, Ю.Н.Иванова, А.А.Теньков, В.А.Комаров, Е.Ю. Самошенко и др. С их приходом жизнь на кафедре меняется, появляются и новые научные направления – социальная психология, психология здоровья.

В 1996 году в Воронежском государственном педагогическом университете создается психолого-педагогический факультет. В результате этого вместо одной кафедры психологии появляется несколько – общей и педагогической, практической психологии. В 2004 году происходит реорганизация кафедры практической психологии, в результате которой на факультете возникает третья кафедра – кафедра коррекционной психологии и педагогики.

В конце XX – начале XXI века на кафедру приходят работать первые выпускники-психологи, получившие диплом в родном вузе – А.Ю.Татаринцева, Ю.В. Клепач, В.Н. Могилева, С.А. Красненкова, И.И. Маркова. С их приходом расширяется круг научных интересов – арт-педагогика и арт-терапия, куклотерапия, песочная терапия, психология управления и бизнеспсихология, подростковая девиация и др.

Новое поколение ученых не только поддержало сохранило традиции кафедры и факультета, но и внесло свой вклад в развитии психологического знания. В качестве достижений хотелось бы отметить, что кандидат психологических наук, доцент кафедры коррекционной психологии и педагогики, декан психолого-педагогического факультета Альбина Юрьевна Татаринцева стала победителем XV Национального психологического конкурса «Золотая Психея». Награда была получена в номинации «Проект года в психологической практике» за реализованный проект «Использование методов арт-терапии в детской онкопсихологии» (психокоррекционная программа).

Список литературы:

1. Миссия выполнима: Воронежскому государственному педагогическому университету – 85 лет/ Под. Ред. С.И. Филоненко. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГПУ, 2016. 560 с.

References:

1. Missija vpolnima: Voronezhskomu gosudarstvennomu pedagogicheskomu universitetu – 85 let/ Pod. Red. S.I. Filonenko. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr VGPU, 2016. 560 s.

Сведения об авторе:

Кузнецова Виолетта Владимировна, старший преподаватель, Воронежский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).

История становления и развития психологического обеспечения служебной деятельности

Моисеева Ирина Геннадьевна

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Россия

e-mail: iri25100@yandex.ru

Нехорошева Анна Николаевна

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Россия

e-mail: nehoroshayanna@yandex.ru

Пученкина Вера Андреевна

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Россия

e-mail: Pu4enkina.vera@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена историческим аспектам становления и развития психологической службы в правоохранительных органах. Авторами изложены положения, определяющие основные этапы развития психологического обеспечения служебной деятельности в нашей стране.

Ключевые слова: служебная деятельность, психологическое обеспечение, психологическая служба, юридический психолог, развитие психологического обеспечения служебной деятельности.

History of formation and development of service activities psychological support

Moiseeva Irina Gennadievna

K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Russia

e-mail: iri25100@yandex.ru

Nekhorosheva Anna Nikolaevna

K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Russia

e-mail: nehoroshayanna@yandex.ru

Pechenkina Vera Andreyevna

K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Russia

e-mail: Pu4enkina.vera@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to historical aspects of formation and development of psychological service in law enforcement bodies. The authors set forth the provisions that determine the main stages of development of psychological support service activities in our country.

Keywords: service activities, psychological support, psychological service, legal psychologist, service activities psychological support.

Психологическое обеспечение служебной деятельности является одной из самых востребованных сфер работы практических юридических психологов. Эта область психологической практики появилась всего лишь несколько десятилетий назад, и на сегодняшний день ее развитие носит очень важный характер для поддержания правопорядка, обороноспособности и безопасности государства. Как известно, цель любой правоохранительной организации заключается в защите конституционных прав, жизни, здоровья и материального благополучия граждан своей страны. Однако сотрудники, выполняющие такие служебные задачи, несомненно, нуждаются в психологической подготовке и психологической помощи в силу специфичного и сложного характера своей деятельности.

На современном этапе развития общество все чаще сталкивается с чрезвычайными ситуациями, стихийными бедствиями, катастрофами как природного, так и техногенного характера, преступлениями, социальными конфликтами. На предупреждение и ликвидацию этих проявлений направлена деятельность различных правоохранительных служб, ведомств и конкретных подразделений, в которых сегодня созданы и успешно функционируют специальные психологические службы и отдельные штатные психологи.

В связи с резко возросшей необходимостью в подготовке таких специалистов (психологов служебной деятельности) появляются образовательные программы не только в ведомственных, но и в гражданских ВУЗах страны [2]. По мнению А.Г. Караяни, выделение таких специалистов в отдельную категорию связано как с принципиальными отличиями служебной деятельности от иных видов деятельности, так и с необходимостью получения специального образования, отличающегося по содержанию от других

образовательных программ по психологическим специальностям и направлениям подготовки [1, С. 22].

Впервые в нашей стране психологи служебной деятельности появляются в 70-х гг. прошлого века для реализации деятельности в уголовно-исполнительной системе. В 1974 году психологи начали работу в воспитательно-трудовых колониях для несовершеннолетних [3], а через десятилетие – в 1982 году А.М. Столяренко впервые в юридической психологии ввел понятие психологического обеспечения служебной деятельности. Определив его как «систему оперативного, полного и правильного использования достижений и возможностей психологической науки, практических психологов в процессе решения управленческих и оперативно-служебных задач», он раскрыл его содержание и функции (психологический мониторинг, психологический анализ, психологическая диагностика, психологическая подготовка, психологическое сопровождение и др.) [3; 4].

В период с 1989 по 1991 года в экспериментальном режиме началось создание психологических лабораторий в исправительных учреждениях уже для взрослых (Саратов, Пермь). Полученные положительные результаты послужили основой для открытия психологических лабораторий повсеместно. В период с 1992 по 1999 год в число штатных сотрудников уголовно-исполнительной системы нашей страны было введено порядка 1 000 психологических должностей, находящихся на различных уровнях управленческой иерархии. На момент начала нового тысячелетия Главное управление исполнения наказаний (ГУИН) имеет психологическое отделение, а на региональном уровне предусмотрена должность главного психолога и группа психологического обеспечения. В пенитенциарных учреждениях проводится целенаправленная работа по укомплектованию психологических лабораторий из расчета работы одного психолога с 300 заключенными [3].

В это же время широкое распространение получает опыт работы практических психологов в судопроизводстве. Формируются психологические службы в таможенном комитете, налоговой полиции, ФСБ. Наиболее многочисленной на тот момент времени становится психологическая служба МВД, созданная еще в 1993 году. В частности, основой для нее послужили Центральная научно-исследовательская лаборатория, психофизиологические лаборатории и психодиагностические центры, отделы психологического обеспечения, существовавшие в системе МВД с 1970-1980 годов. Должности психологов были введены в отдельных службах и подразделениях. В оперативно-техническом управлении создана группа специалистов,

обеспечивающая разработку психофизиологических исследований с применением полиграфа. Должности психологов введены в спецподразделениях (ОМОН, СОБР), а после трагических событий в Чечне и во внутренних войсках [3].

Основными задачами психологической службы были изучение специфики деятельности сотрудников, разработка медико-психологических требований к ее осуществлению, реализация психологического обеспечения деятельности личного состава, включающего в себя медико-психологический и собственно психологический компоненты [3; 5].

В структуре МЧС психологическая служба начала свое существование в 1999 году. Тогда же был создан Центр экстренной психологической помощи, который, однако, сначала был филиалом Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова, и только позже он получил статус самостоятельного подразделения. К идее его создания пришли после землетрясения в Сахалинской области. Последствия этого землетрясения заставили задуматься о необходимости создания подразделения, осуществляющего психологическую помощь пострадавшим и людям, чьи родственники погибли при чрезвычайных ситуациях. В наше время задачами этого центра стали оказание экстренной психологической помощи населению при чрезвычайных ситуациях и психологическое сопровождение деятельности личного состава [6].

В целом следует отметить, что все перечисленные нами обстоятельства позволили создать платформу становления новой службы – психологической службы, которая представляет собой систему специальных структурных подразделений и должностей специалистов (практических психологов), осуществляющих целенаправленную работу по психологическому обеспечению деятельности конкретных ведомств. Сегодня психологическая служба правоохранительных органов в нашей стране выполняет такие главные задачи как повышение психологической надежности сотрудников и более полное использование их психологического потенциала, а также оказание психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях [3].

На наш взгляд, в современных условиях психологического обеспечения служебной деятельности заложены фундаментальные основы для такой работы, обоснована практическая значимость психологического обеспечения на государственном уровне и определено его главное предназначение – эффективное выполнение сотрудниками правоохранительных органов своих служебных задач. Дальнейшее развитие психологического обеспечения служебной деятельности находится в плоскости активных исследований и

практической деятельности конкретных регионов, ведомств, сложившихся традиций и профессионального опыта юридических психологов.

Список литературы:

1. Караяни А.Г. Теоретические основы психологического обеспечения служебной деятельности // Юридическая психология. 2013. № 3. С. 22-26.
2. Моисеева И.Г. Проблемы профессиональной подготовки психологов служебной деятельности // Социально-психологические проблемы становления личности в современных условиях // Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13-14 мая 2016 г., проведенной в ДГУ, г. Махачкала. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016. С. 184-186.
3. Столяренко А.М. Прикладная юридическая психология. М.: Юнити–Дана, 2001.
4. Столяренко А.М. Психолого-педагогические проблемы управления в МВД, УВД. М., 1982.
5. Шаповал В.А., Кобозев И.Ю., Золотенко В.А. Психологическая работа с личным составом органов внутренних дел. Организация психологической службы в органах внутренних дел: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016.
6. Шойгу Ю.С. Организация деятельности психологической службы МЧС России // Национальный психологический журнал. 2012. № 1. С. 131-133.

References:

1. Karajani A.G. Teoreticheskie osnovy psihologicheskogo obespechenija sluzhebnoj dejatel'nosti // Juridicheskaja psihologija. 2013. № 3. S. 22-26.
2. Moiseeva I.G. Problemy professional'noj podgotovki psihologov sluzhebnoj dejatel'nosti // Social'no-psihologicheskie problemy stanovlenija lichnosti v sovremennyh uslovijah // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii 13-14 maja 2016 g., provedjonnoj v DGU, g. Mahachkala. Mahachkala: ALEF (IP Ovchinnikov M.A.), 2016. S. 184-186.
3. Stoljarenko A.M. Prikladnaja juridicheskaja psihologija. M.: Juniti–Dana, 2001.
4. Stoljarenko A.M. Psihologo-pedagogicheskie problemy upravlenija v MVD, UVD. M., 1982.

5. Shapoval V.A., Kobozev I.Ju., Zolotenko V.A. Psihologicheskaja rabota s lichnym sostavom organov vnutrennih del. Organizacija psihologicheskoy sluzhby v organah vnutrennih del: Uchebnoe posobie. SPb.: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2016.
6. Shoigu Ju.S. Organizacija dejatel'nosti psihologicheskoy sluzhby MChS Rossii // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2012. № 1. S. 131-133.

Сведения об авторах:

Моисеева Ирина Геннадьевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и юридической психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия).

Нехорошева Анна Николаевна, студентка 5 курса специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», Институт психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия).

Пученкина Вера Андреевна, студентка 5 курса специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», Институт психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия).

Российские и зарубежные психологические школы

Путь служения науке В.И. Лубовского

Завоеванная Наталья Сергеевна

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия*

e-mail: natasha_z_ya@mail.ru

Чупров Леонид Федорович

*Журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири»,
«PEM: Psychology. Educology. Medicine», Россия*

e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Аннотация. В статье описан путь академика В.И. Лубовского в науке. В частности, его вклад в исследование вопросов специальной педагогики и специальной психологии, основные вехи развития отечественной дефектологии. Проанализирован его вклад в психологию и организацию специализированной помощи детям с особыми образовательными потребностями. Авторы подчеркивают, что это только первое приближение к проблеме анализа научного наследия ученого, изучение которого необходимо еще сделать.

Ключевые слова: В.И. Лубовский, дефектология, специальная педагогика, специальная психология, история психологии, дети с нарушениями развития, путь ученого

V.I. Lubovsky's service path for science

Zavoevannaya Natalia Sergeevna

Russian State Vocational Pedagogical University, Russia

e-mail: natasha_z_ya@mail.ru

Chuprov Leonid Fedorovich

*Journals "Bulletin of Pedagogics and Psychology of Southern Siberia", "PEM:
Psychology. Educology. Medicine", Russia*

e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Abstract. The article describes an academician V.I. Lubovsky's path in science. In particular, his contribution to the study of special pedagogics and special psychology, milestones in the development of Russian defectology. The authors analyze his contributions to psychology and the organization of specialized care for children with special educational needs. The authors emphasize that this is only a first approximation to the problem of analysis of the scientific heritage of the scientist, the study of which is to be done.

Keywords: V.I. Lubovsky, defectology, special pedagogics, special psychology, history of psychology, children with disabilities, scientist

Рис. 1. В.И. Лубовский. Фото из «Специальное образование» [41]

В конце этого года (9 ноября) психологическая наука России понесла тяжелейшую утрату. На 94 году жизни скончался Владимир Иванович Лубовский (1923-2017), один из крупнейших отечественных психологов. Ученый, посвятивший всю свою жизнь проблемам изучения и разработки проблем психологии и педагогики аномального детства, один из тех, что, совместно с учениками и последователями Л.С. Выготского и А.Р. Лурии еще в советский период, создали в стране отечественную дефектологию.

Напомним, что «понятие «дефектология» обозначает обширную научную и практическую область, охватывающую не только педагогические, но и психологические, физиологические, медицинские и специальные технические вопросы» [22, С. 3].

Фактически можно поставить знак тождества между становлением и развитием дефектологии и служением на этом поприще В.И. Лубовского. И в этом не будет большого преувеличения. Попробуем реконструировать его путь в науке.

Владимир Иванович Лубовский родился 15 декабря 1923 года в г. Витебске в семье учителей. Участвовал в Великой Отечественной Войне с 1941 г, был дважды тяжело ранен, за боевые заслуги награжден двумя медалями и орденом Отечественной войны II степени [41]. После демобилизации в ноябре 1945 поступил в Московский институт инженеров связи, но в 1946 г. оставил его и поступил на отделение психологии факультета философии МГУ им. М.В. Ломоносова, который окончил в 1951 г. [37].

В 1952 году он поступил в аспирантуру НИИ дефектологии АПН РСФСР, где обучался под руководством А.Р. Лурии. Тогда институт носил название Научно-исследовательский институт дефектологии АПН РСФСР (НИИД), научную работу в нем возглавлял Александр Романович Лурия [1]. Именно профессор А.Р. Лурия стал его научным руководителем, а в 1953 году В.И. Лубовский был принят в Институт на должность младшего научного сотрудника.

Первые исследования молодого ученого были выполнены в парадигме господствовавшей тогда теории ВНД [7].

В 1955 году В.И. Лубовский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые особенности совместной работы двух сигнальных систем в формировании двигательных реакций у олигофренов», в 1975 году им защищена докторская диссертация, а в 1978 году ему было присвоено звание профессора.

В 1956 свет увидел первый том из серии «Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка». Помимо изданий трудов НИИД в 1965 г. выходит одна из крупнейших для того времени монографий «Основы обучения и воспитания аномальных детей», здесь тоже в числе соавторов имя В.И. Лубовского [33].

Клинико-психологическое изучение олигофрений.

Центральной проблемой НИИД в начале 60-х гг. прошлого столетия для В.И. Лубовского стало комплексное клинико-психологическое изучение состояний олигофрении. Эти исследования им проводились совместно с профессором, кандидатом медицинских, доктором педагогических наук (по психологии), ученицей Л.С. Выготского, Марией Семеновной Певзнер [34; 35; 36]. Результатом этих совместных исследований стал труд «Динамика развития

детей-олигофренов», М., 1963 (в соавторстве с М.С. Певзнер) [36]. Чуть позднее, в 1967 г. монография была переведена на японский язык.

Задержки психического развития.

Последующим направлением продолжения поиска стало научное наследие Л.С. Выготского. Оно лежало «в основе разработки в НИИ дефектологии АПН СССР (Т.А. Власова, В.И. Лубовский, К.С. Лебединская, М.С. Певзнер) проблемы о детях с так называемой задержкой психического развития (ЗПР) для которых в 1981 г. утвержден новый тип специальной школы. Это особая категория детей, куда входят дети с осложненными формами инфантилизма, церебральной астении и другими малыми мозговыми дисфункциями. Такие учащиеся стойко не успевают в массовой школе и часто выбывают из школы на разных этапах обучения, попадают в школу для умственно отсталых детей, не имея олигофренического дефекта» [2, С. 341].

Долгое время Владимир Иванович работает заместителем академика, профессора Н.А. Власовой, директора НИИД, а с 1986 по 1992 гг. был директором НИИ дефектологии АПН СССР. В 1992 году возглавил лабораторию психологического изучения детей с недостатками развития Института коррекционной педагогики РАО. В 1993 году В.И. Лубовский был избран академиком отделения психологии и возрастной физиологии Российской академии образования.

Но это будет позже. Социальным заказом 70-80-х годов прошлого столетия было изучение причин и поиск путей преодоления школьной неуспеваемости. Над этим работали группы ростовских учителей под руководством Ю.К. Бабанского, определенный вклад в эту проблему внес и В.А. Сухомлинский [39]. Более плотно, в определенной степени в сотрудничестве друг с другом, работали группа сотрудников НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР и НИИД. Именно здесь смогли подойти к решению этой задачи комплексно. Коллектив сотрудников института работал как единая команда. Всем находилось место и объем работы, как сотрудникам, так и аспирантам.

Центральной проблемой стало изучение состояний ЗПР, поскольку именно это состояние диагностировалось у большинства неуспевающих младших школьников. Своеобразным итогом цикла работ по ЗПР стала коллективная монография «Дети с задержкой психического развития» (1984) [5]. Естественно, что и после этого коллективного труда проблема ЗПР не оставалась вне внимания ученого [6].

Среди текущих задач разработки проблем аномального детства были диагностика нарушений развития у детей и особенности психического развития

детей с интеллектуальными нарушениями, выявление специфических особенностей такого развития и определение условий адаптации контингента этих детей в образовательной среде [8; 16; 18]. В 50-70-х годах В.И. Лубовский вел экспериментальную работу не только с умственно отсталыми школьниками, детьми с задержкой психического развития, но и с нарушениями слуха и зрения. «Изучение различных типов нарушенного развития и опора на представления Г.Я. Трошина и Л.С. Выготского о развитии аномальных детей привели его к созданию концепции общих и специфических закономерностей нарушенного развития, которая впервые была опубликована в 1971 году (статья «Общие и специфические закономерности развития психики аномальных детей» [8])» [41].

Вклад в психологическую диагностику.

У большинства современных психологов имя В.И. Лубовского ассоциируется с переводом и редактированием (совместно с К.М. Гуревичем) двухтомника А. Анастаси «Психологическое тестирование» [4]. Это действительно был прорыв в отечественной психологической диагностике, ориентированной ранее только на применения патопсихологического инструментария. Но и кроме этого фундаментального труда у В.И. Лубовского есть ряд работ по психологической диагностике, этике психодиагностического исследования и конкретных инструментов психодиагностики. Достаточно вспомнить некоторые из них, написанные как самим Владимиром Ивановичем, так и в соавторстве [8; 11; 29; 31]. Не потеряла своей ценности монография «Развитие словесной регуляции действий у детей» (1978) [10]. Также как и одно из первых учебных пособий по курсу «Специальная психология» (2003) [38].

Проблемы методологии специальной психологии и дефектологии.

В последние годы Владимир Иванович занимался методологическими проблемами специальной психологии. Не смотря на свою уже столетнюю историю, специальная психология и дефектология имеет целый ряд нерешенных методологических и методических проблем. Они не могли не волновать В.И. Лубовского. И он неоднократно о них говорил [12; 13; 15; 20; 26; 27; 30]. Подчеркнем главные из них, на его взгляд.

Во-первых, В.И. Лубовский относил к таким проблемам отсутствие интереса исследователей и недостаточность освещенности проблемы диагностики особенностей и уровня психического развития детей с какими-либо нарушениями, как в отечественной, так зарубежной профессионально-ориентированной литературе – все, как правило, сводится к перечислению стандартизированных методик. Редкие исключения, - например, книга А.Г. Шмелева «Основы психодиагностики» - лишь, подтверждают правило [40].

Во-вторых, отсутствие организационных принципов и унифицированного подхода к диагностике психического развития детей. Одним словом, нет единого стандарта.

В-третьих, преимущественно интуитивно-эмпирический подход к диагностике и интерпретации ее результатов Владимир Иванович акцентировал на этом внимание: «<...> В качестве средств диагностики применяются лишь не очень качественно стандартизированные версии классических интеллектуальных тестов, например, тесты Векслера, которые вообще не пригодны для дифференциальной диагностики нарушений развития, либо (что гораздо чаще) отдельные диагностические задания по вкусу и выбору психолога, проводящего диагностику. Результаты оцениваются интуитивно - эмпирически, т.е. произвольно. В некоторых случаях применяются «авторские» методики, в которых предлагаются балльные оценки, но это не меняет существа подхода, так как эти методики не проходили соответствующей статистической обработки и предлагаемые их авторами балльные оценки так же произвольны <...>» [13, С. 5].

И, в-четвертых, принципы диагностики психического развития детей реализуются далеко не все. В.И. Лубовский подчеркивал [13; 30], что практически реализуется лишь один принцип – комплексность диагностики, т.е. сочетание медицинского и психолого-педагогического обследования. Принципы системности, качественного анализа и динамического подхода, выявления потенциальных возможностей реализуются либо частично, либо не реализуются совсем.

Для преодоления хотя бы части из этих проблем В.И. Лубовский разрабатывал новую концепцию психологической диагностики нарушений развития [30]. За его основу он взял системный подход к построению процесса диагностики, включающего 3 этапа:

1) скрининг - выявление детей с нарушениями развития, как правило, медиками;

2) дифференциальная диагностика нарушений, осуществляемая психологом и направленная на выявление уровня развития и особенностей трех видов мышления, - наглядно-действенного, наглядно-образного, словесно-логического – трех сторон речи (фонематической, грамматической и лексической) и обучаемости ребенка как основных индикаторов того или иного нарушения;

3) изучение индивидуальных особенностей ребенка [30].

При этом необходимо ориентироваться как на качественные, так и на количественные данные. Кроме того, стоит помнить, что «Решение проблемы

дифференциальной диагностики психических расстройств в детском возрасте является важным этапом диагностического процесса, который предшествует анализу психологической структуры отдельных типов нарушенного развития, в том числе задержки психического развития, а также социально-психологической оценке меры адаптированности ребенка и его индивидуально-психологических характеристик» (В.И. Лубовский) [17, С. 3].

Концепция создана. К сожалению, Владимир Иванович не успел ее реализовать. Значит – дело в руках современных специалистов.

Отечественная дефектологическая наука в период конца пятидесятых начала девяностых годов.

В период с 1953 в Институте дефектологии АПН РСФСР по 1992 г., т.е. во время работы там В.И. Лубовского, коллектив сотрудников НИИД представлял сплоченную группу учеников и последователей Л.С. Выготского. Здесь трудились ученицы Льва Семеновича Ж.И. Шиф, Р.Е. Левина, Н.А. Морозова, М.С. Певзнер и др., ученики А.Р. Лурия и внучатые последователи научной школы Л.С. Выготского. Фактически это была, берущая свое начало с «Семи Семеонов» и Экспериментально-дефектологического института Наркомпроса РСФСР, ветвь научной школы Выготский –Лурия [32]. В 1968 г. вместо журнала «Специальная школа» стал издаваться научно-методический журнал АПН СССР «Дефектология», в 1982 году в программы педагогических ВУЗов на факультетах и отделениях подготовки учителей начальной школы вводится преподавание курса «Основы дефектологии» [3].

В НИИД создается «Музей дефектологии». В «Залах музея» представлены сведения о выдающихся дефектологах, оставивших свой след в науке. Ныне можно заглянуть в его виртуальный вариант (URL: <http://museum.ikprao.ru/peoples>).

Начиная с конца 50-х годов, регулярно проводятся научные сессии по дефектологии с изданием трудов этих сессий под редакцией А.И. Дьячкова и В.И. Лубовского, а чуть позднее и педагогические чтения по дефектологии по линии Педагогического общества РСФСР. Отечественные дефектологи активно участвуют в работе Всесоюзных психологических форумов [9].

В 80-е гг. в НИИД изучаются сложные и сочетанные дефекты в развитии детей (слепоглухота, ранний детский аутизм), начинается цикл исследований по генетике врожденных нарушений развития. В эти же годы активизировались контакты отечественных специалистов по проблемам аномального детства с зарубежными коллегами. В НИИД стали приезжать за опытом коллеги из-за рубежа. Владимир Иванович многократно представлял отечественную

дефектологию за рубежом, его мнение ценили, с ним сотрудничали зарубежные специалисты.

Под руководством В.И. Лубовского разрабатывается Закон Российской Федерации «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)». Он был принят Государственной Думой 2 июня 1999 года, но так и не утвержден тогдашним Президентом РФ Б.Н. Ельциным.

В 1992 г. произошла реорганизация НИИД. Теперь учреждение стало носить название Институт коррекционной педагогики РАО, «потеряв, таким образом, название всего обширного диапазона своей работы, кроме педагогического» [22]. Резко изменился и вектор направлений работы института: во главу угла была положена инклюзия. Из стен института постепенно ушли многие сотрудники, составляющие гордость отечественной науки. В том числе и В.И. Лубовский.

Последующие годы, вплоть до своей кончины Владимир Иванович работает в Институте специального образования и комплексной реабилитации ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» главным научным сотрудником лаборатории эксклюзивного образования МГПУ.

Критический анализ модных течений в специальном образовании.

С начала 2000-х годов специальная психология быстро развивается: она оформляется как учебная дисциплина, создаются кафедры и факультеты специальной психологии для подготовки специалистов в этой области, пишутся учебники, пособия, защищаются диссертации по проблемам специальной психологии. Владимира Ивановича не могло это не радовать. И он с гордостью и искренней радостью, как нам кажется, пишет об этом в статье для журнала «Культурно-историческая психология» в 2008 году [25].

Однако не все радужно в отечественных специальной психологии и специальной педагогике. В.И. Лубовский с коллегами серьезно обеспокоен тенденцией к необоснованному введению новых терминов в специальную психологию и специальной педагогику, не отражающих суть нарушений развития. Таких терминов целая россыпь: «особый ребенок», «исключительный ребенок», «интеллектуальная недостаточность» и т.д. Понятно, что они призваны «смягчить» негативное звучание официальных диагнозов детей с нарушениями психического развития и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) для обывательского уха, но они подменяют суть нарушения и вносят существенную путаницу для специалистов. И использование этих терминов недопустимо в профессиональной литературе и общении специалистов. Преодоление же негативного отношения к детям с нарушениями психического, физического развития и предрассудков общества, которые, к

сожалению, проявлялись еще вначале прошлого столетия и проявляются до сих пор, возможно только через психологическое просвещение, как взрослых, так и детей. Все это подчеркивает В.И. Лубовский в статье для этого же журнала уже в 2010 году [28], ссылаясь на опыт зарубежных коллег, например, из США. Надо сказать, что он знаком с этим опытом не понаслышке...

Владимир Иванович ссылается на опыт зарубежных коллег и при обсуждении такого болезненного для отечественной специальной психологии и специальной педагогики вопроса, как инклюзивность образования детей с ОВЗ – их обучения в школах общего назначения. Он являлся противником такого решения, считая его тупиком для обучения детей с ОВЗ [23] и считал что лучшее место для обучения таких детей – специальная школа [24].

В последние годы В.И. Лубовский посвятил этому вопросу целый ряд публикаций, где он обоснованно критикует такое решение [14, 19, 21, 23, 24]. Это видно и из его видео-обращения к участникам Международной научно-практической конференции «Дефектология как базис инклюзии», прошедшей в Смольном институте РАО (Санкт-Петербург, 14–15 сентября 2016 г.) [24].

Конечно, В.И. Лубовский имел полное моральное и профессиональное право на такую критику, поскольку именно он был ответственен за введение системы специальных школ для детей с ОВЗ. Да, у этой системы есть недостатки. Но подчеркнем, что до ее формирования образование детей с нарушением психического и физического развития практически отсутствовало!

Тем более, что В.И. Лубовский в своих публикациях [14, 19, 21, 23, 24] критикует инклюзию не огульно, а вдумчиво и основательно. Его критика основывается на следующих моментах:

- нарушение принципа максимально возможной индивидуализации обучения;
- невозможность удовлетворения особых образовательных потребностей детей с выраженным нарушением психического развития в условиях школы общего назначения;
- отсутствие объективных научных данных о высокой эффективности обучения детей с выраженным нарушением психического развития в условиях инклюзии, как в отечественной специальной психологии, так и за рубежом;
- «мифичность» экономической целесообразности такого решения;
- реализация решения об инклюзивности образования людьми некомпетентными в области специальной психологии и педагогики;
- разрушение старой системы, в том числе системы инклюзивного обучения детей с нарушениями речи.

Как видим, с такой критикой трудно не согласиться. В.И. Лубовский подчеркивает, что необходимо ориентироваться на потребности и возможности каждого ребенка с ОВЗ. И только на них, стимулируя психическое и психологическое развитие детей, их познавательный интерес и мотивацию обучения с раннего возраста. Притом, обеспечивая общение детей со здоровыми сверстниками.

Таким образом, реорганизация специальных школ – абсолютно лишний шаг. Многие дети в них нуждаются.

Заключение

Пора подвести итог нашему рассказу о профессиональном пути В.И. Лубовского. Не трудно подсчитать, что этот путь занял более 50 лет. Это весьма внушительный промежуток времени – целая жизнь! Жизнь скорее сложная, чем легкая...И значит, интересная.

Интересная от того, что в этой жизни было главное – поступательное развитие профессионала от простого студента-психолога философского факультета МГУ до одного из ведущих разработчиков целой отрасли психологической науки и практики, создателя новой системы образования для детей с нарушениями развития.

Такое развитие могли обеспечить только высокие способности, упорный труд и вера в дело. Ее легко увидеть в публикациях В.И. Лубовского.

Вера в «дело, которому служишь», очевидно, давала силы Владимиру Ивановичу идти вперед и делать, создавать...Нам остается только брать с него пример – создавать и развивать то, что уже есть.

Авторы не претендуют на полный охват и освещение пути ученого в науке, надеясь на то, что это будет сделано в последующих исследованиях и другими исследователями.

Список литературы:

1. Бейн Э.С., Власова Т.А., Левина Р.Е., Лубовский В.И. А.Р. Лурия и дефектология. URL: <http://museum.ikprao.ru/peoples/lurija-aleksandr-romanovich>
2. Бейн Э.С., Власова Т.А., Левина Р.К., Морозова Н.Г., Шиф З.И. Послесловие // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 60ти т. Т. 5. Основы дефектологии / Под ред. Т.А. Власовой. М.: Педагогика, 1983. С. 333-343.

3. Власова Т.А., Певзнер М.С. Основы дефектологии. Для специальности №2121 «Педагогика и методика начального обучения» / Ответственный редактор И.Д. Карцева. М.: Министерство просвещения СССР, 1982. 7 с.
4. Гуревич К.М., Лубовский В.И. Предисловие редакторов перевода // Анастаси А. Психологическое тестирование: Книга 1; Пер. с англ./ Под ред. К.М. Гуревича, В.И.Лубовского. М.: Педагогика, 1983. С. 5-14.
5. Дети с задержкой психического развития / Под ред. Т.А. Власовой, В.И. Лубовского, Н.А. Цыпиной. М.: Педагогика, 1984. 256 с.
6. Журавлева М.В., Лубовский В.И. Особенности детско-родительских отношений в семьях, имеющих детей с задержкой психического развития // Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза Материалы межрегиональной научно-практической конференции студентов, аспирантов, магистрантов и слушателей. Научные редакторы И.А. Филатова, О.Г. Нугаева. 2009. С. 13-14.
7. Лубовский В.И. Некоторые особенности высшей нервной деятельности детей-олигофренов // Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка / Ответственный редактор действительный член АПН РСФСР проф. А.Р. Лурия. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. С. 129-196.
8. Лубовский В.И. Общие и специфические закономерности развития психики аномальных детей // Дефектология. 1971. № 6. С. 15-19.
9. Лубовский В., Шиф Ж., Петрова В., Певзнер М. Специальная психология на IV Всесоюзном съезде психологов // Дефектология. 1972. № 3. С. 92.
10. Лубовский В.И. Развитие словесной регуляции действий у детей. М.: Педагогика, 1978. 224 с.
11. Лубовский В.И. Психологические проблемы диагностики аномального развития детей. М.: Педагогика, 1989. 104 с.
12. Лубовский В.И. «Врастание в культуру» ребенка с нарушениями развития // Культурно-историческая психология. 2006. №3. С. 3-7.
13. Лубовский В.И. Актуальные вопросы теории и практики психодиагностики развития // Проблемы диагностики в современной системе психологического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья: Сборник научных статей. М.: ООО «Издательство "Спутник+"», 2010. С. 5-10.
14. Лубовский В.И. Особые образовательные потребности как условие успешного развития детей с ограниченными возможностями // Вестник образования и науки. 2011. №1. С. 47-52.

15. Лубовский В.И. Методологические вопросы диагностики нарушений психического развития // Актуальные проблемы психодиагностики лиц с ограниченными возможностями здоровья: межвузовский сборник научных статей. М., 2011. С. 4-7.
16. Лубовский В.И. Адаптация детей с особыми образовательными потребностями // Социально-психологическая поддержка адаптации детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья в образовательной среде города Сборник статей. Москва, 2011. С. 5-7.
17. Лубовский В.И. Современные проблемы диагностики задержки психического развития // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/1/Lubovskiy.phtml>
18. Лубовский В.И. Общие и специфические закономерности нарушенного развития: разнообразие проявлений и динамика // В сборнике: Современные методы психолого-педагогической диагностики детей с ограниченными возможностями здоровья: проблематика, исследования, квалиметрия Межвузовский сборник статей. Департамент образования города Москвы, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования города Москвы "Московский городской педагогический университет" (ГБОУ ВПО МГПУ). Москва, 2012. С. 1-6.
19. Лубовский В.И. Особые образовательные потребности // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 5. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/5/Lubovskiy.phtml>
20. Лубовский В.И. Методологические проблемы специальной психологии // В книге: Специальная педагогика и специальная психология: современные методологические подходы. Коллективная монография / Под ред. Богдановой Т.Г., Назаровой Н.М. М., 2013. С. 9-36.
21. Лубовский В.И. Интегрированное обучение детей с ограниченными возможностями здоровья: достоинства и недостатки // Современные проблемы теории, истории, методологии инклюзивного образования. Сборник научных статей по материалам VII Международного теоретико-методологического семинара / Составители: Н. М. Назарова, О. Г. Приходько, Е. В. Ушакова, Н. Ш. Тюрина. М.: МГПУ, 2015. С. 5–13.
22. Лубовский В.И. В плену терминологических заблуждений // Коррекционная педагогика: теория и практика. 2016. № 3 (69). С. 3-7.
23. Лубовский В.И. Инклюзия - тупиковый путь для обучения детей с ограниченными возможностями // Специальное образование. 2016. № 4. С. 77-87.

24. Лубовский В.И. К вопросу об интегрированном обучении детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях общеобразовательной школы // Коррекционно-педагогическое образование. 2016. № 4. С. 5-11.
25. Лубовский В.И., Басилова Т.А. О перспективах специальной психологии // Культурно-историческая психология. 2008. № 3. С. 51-54.
26. Лубовский В.И., Валявко С.М. Интеграция в системе общего образования и новые задачи психологов // Системная психология и социология. 2015. № 3 (15). С. 38-43.
27. Лубовский В.И., Валявко С.М. О психодиагностическом значении тестовой инструкции // Специальное образование. 2016. № 2. С. 65-76.
28. Лубовский В.И., Валявко С.М. Терминологические проблемы специальной психологии и специальной педагогики // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 51-54.
29. Лубовский В.И., Журавлева М.В. Проблема изучения индивидуально-типологических особенностей у подростков с нарушениями зрения // Актуальные проблемы психодиагностики лиц с ограниченными возможностями здоровья межвузовский сборник научных статей. М., 2011. С. 75-82.
30. Лубовский В. И., Коробейников И. А., Валявко С. М. Новая концепция психологической диагностики нарушений развития // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 4. С. 50–60.
31. Лубовский В.И., Переслени Л.И., Семаго М.М. О публикациях психодиагностических материалов // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 133-13. URL: http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1997/971/971133.htm
32. Лучков В.В. Значение теории Л.С. Выготского для психологии и дефектологии / В.В. Лучков, М.С. Певзнер // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1981. № 4. С. 60-70.
33. Основы обучения и воспитания аномальных детей / под общей редакцией проф. А.И. Дьячкова. М.: Просвещение, 1965. 343 с.
34. Певзнер М.С., Лубовский В.И. Динамика развития детей-олигофренов основного клинического варианта // Тезисы докладов третьей научной сессии по вопросам дефектологии. 22-25 марта 1960 г. /Ред. Н.Г. Морозова и В.И. Лубовский. М.: Из-во АПН РСФСР, 1960. С. 159-160.
35. Певзнер М.С., Лубовский В.И. К вопросу об этиологии олигофрении. // Тезисы докладов четвертой научной сессии по вопросам дефектологии. 26-29 марта 1962 г. / Ред. В.И. Лубовский. М.: Из-во АПН РСФСР, 1962. С. 211-212.

36. Певзнер М.С., Лубовский В.И. Динамика развития детей-олигофренов. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 229 с.
37. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. 784 с.
38. Специальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.И. Лубовский, Т.В. Розанова, Л.И. Солнцева и др.; Под ред. В.И. Лубовского. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 464 с.
39. Чупров Л.Ф. Проблема неуспеваемости младших школьников в трудах В.А. Сухомлинского // Творческое использование педагогического наследия В.А. Сухомлинского в процессе перестройки общеобразовательной, профессионально-технической, средней специальной и высшей школы. Чебоксары, 1988. С. 45-48.
40. Шмелев А.Г. и коллектив. Основы психодиагностики: Учебное пособие для студентов педвузов. Москва, Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 544 с.
41. Юбилей // Специальное образование. 2013. № 3. С. 6-7.

References

1. Bejn Je.S., Vlasova T.A., Levina R.E., Lubovskij V.I. A.R. Lurija i defektologija. URL: <http://museum.ikprao.ru/peoples/lurija-aleksandr-romanovich/> .
2. Bejn Je.S., Vlasova T.A., Levina R.K., Morozova N.G., Shif Z.I. Posleslovie // Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: v 60ti t. T. 5. Osnovy defektologii / Pod red. T.A. Vlasovoj. M.: Pedagogika, 1983. S. 333-343.
3. Vlasova T.A., Pevzner M.S. Osnovy defektologii. Dlja special'nosti №2121 «Pedagogika i metodika nachal'nogo obuchenija» / Otvetstvennyj redaktor I.D. Karceva. M.: Ministerstvo prosveshhenija SSSR, 1982. 7 s.
4. Gurevich K.M., Lubovskij V.I. Predislovie redaktorov perevoda // Anastazi A. Psihologicheskoe testirovanie: Kniga 1; Per. s angl./ Pod red. K.M. Gurevicha, V.I.Lubovskogo. M.: Pedagogika, 1983. S. 5-14.
5. Deti s zaderzhkoj psihicheskogo razvitija / Pod red. T.A. Vlasovoj, V.I. Lubovskogo, N.A. Cypinoj. M.: Pedagogika, 1984. 256 s.
6. Zhuravleva M.V., Lubovskij V.I. Osobennosti detsko-roditel'skih otnoshenij v sem'jah, imejushhijh detej s zaderzhkoj psihicheskogo razvitija // Izuchenie i obrazovanie detej s razlichnymi formami dizontogeneza Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov, aspirantov, magistrantov i slushatelej. Nauchnye redaktory I.A. Filatova, O.G. Nugaeva. 2009. S. 13-14.

7. Lubovskij V.I. Nekotorye osobennosti vysshej nervnoj dejatel'nosti detej-oligofrenov // Problemy vysshej nervnoj dejatel'nosti normal'nogo i anomal'nogo rebenka / Otvetstvennyj redaktor dejstvitel'nyj chlen APN RSFSR prof. A.R. Lurija. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1956. S. 129-196.
8. Lubovskij V.I. Obshhie i specificheskie zakonomernosti razvitija psihiki anomal'nyh detej // Defektologija. 1971. № 6. S. 15-19.
9. Lubovskij V., Shif Zh., Petrova V., Pevzner M. Special'naja psihologija na IV Vsesojuznom s#ezde psihologov // Defektologija. 1972. № 3. S. 92.
10. Lubovskij V.I. Razvitie slovesnoj reguljicii dejstvij u detej. M.: Pedagogika, 1978. 224 s.
11. Lubovskij V.I. Psihologicheskie problemy diagnostiki anomal'nogo razvitija detej. M.: Pedagogika, 1989. 104 s.
12. Lubovskij V.I. «Vrastanie v kul'turu» rebenka s narushenijami razvitija // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2006. №3. S. 3-7.
13. Lubovskij V.I. Aktual'nye voprosy teorii i praktiki psihodiagnostiki razvitija // Problemy diagnostiki v sovremennoj sisteme psihologicheskogo soprovozhdenija detej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja: Sbornik nauchnyh statej. M.: OOO «Izdatel'stvo "Sputnik+"», 2010. S. 5-10.
14. Lubovskij V.I. Osobyje obrazovatel'nye potrebnosti kak uslovie uspešnogo razvitija detej s ogranichennymi vozmozhnostjami // Vestnik obrazovanija i nauki. 2011. №1. S. 47-52.
15. Lubovskij V.I. Metodologicheskie voprosy diagnostiki narushenij psihicheskogo razvitija // Aktual'nye problemy psihodiagnostiki lic s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej. M., 2011. S. 4-7.
16. Lubovskij V.I. Adaptacija detej s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostjami // Social'no-psihologicheskaja podderzhka adaptacii detej i podrostkov s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja v obrazovatel'noj srede goroda Sbornik statej. Moskva, 2011. S. 5-7.
17. Lubovskij V.I. Sovremennye problemy diagnostiki zaderzhki psihicheskogo razvitija // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2012. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/1/Lubovskiyy.phtml>
18. Lubovskij V.I. Obshhie i specificheskie zakonomernosti narushennogo razvitija: raznoobrazie projavlenij i dinamika // V sbornike: Sovremennye metody psihologo-pedagogicheskoy diagnostiki detej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja: problematika, issledovanija, kvalimetrija Mezhvuzovskij sbornik statej. Departament obrazovanija goroda Moskvy, Gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego

- professional'nogo obrazovaniya goroda Moskvy "Moskovskij gorodskoj pedagogicheskoj universitet" (GBOU VPO MGPU). Moskva, 2012. S. 1-6.
19. Lubovskij V.I. Osobyje obrazovatel'nye potrebnosti // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2013. № 5. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/5/Lubovskiy.phtml>
 20. Lubovskij V.I. Metodologicheskie problemy special'noj psihologii // V knige: Special'naja pedagogika i special'naja psihologija: sovremennye metodologicheskie podhody. Kollektivnaja monografija / Pod red. Bogdanovoj T.G., Nazarovoj N.M. M., 2013. S. 9-36.
 21. Lubovskij V.I. Integrirovannoe obuchenie detej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja: dostoinstva i nedostatki // Sovremennye problemy teorii, istorii, metodologii inkljuzivnogo obrazovaniya. Sbornik nauchnyh statej po materialam VII Mezhdunarodnogo teoretiko-metodologicheskogo seminaru / Sostaviteli: N. M. Nazarova, O. G. Prihod'ko, E. V. Ushakova, N. Sh. Tjurina. M.: MGPU, 2015. S. 5–13.
 22. Lubovskij V.I. V plenu terminologicheskikh zabluzhdenij // Korrekcionnaja pedagogika: teorija i praktika. 2016. № 3 (69). S. 3-7.
 23. Lubovskij V.I. Inkljuzija - tupikovyj put' dlja obucheniya detej s ogranichennymi vozmozhnostjami // Special'noe obrazovanie. 2016. № 4. S. 77-87.
 24. Lubovskij V.I. K voprosu ob integrirovannom obuchenii detej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja v uslovijah obshheobrazovatel'noj shkoly // Korrekcionno-pedagogicheskoe obrazovanie. 2016. № 4. S. 5-11.
 25. Lubovskij V.I., Basilova T.A. O perspektivah special'noj psihologii // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2008. № 3. S. 51-54.
 26. Lubovskij V.I., Valjavko S.M. Integracija v sisteme obshhego obrazovaniya i novye zadachi psihologov // Sistemnaja psihologija i sociologija. 2015. № 3 (15). S. 38-43.
 27. Lubovskij V.I., Valjavko S.M. O psihodiagnosticheskom znachenii testovoj instrukcii // Special'noe obrazovanie. 2016. № 2. S. 65-76.
 28. Lubovskij V.I., Valjavko S.M. Terminologicheskie problemy special'noj psihologii i special'noj pedagogiki // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2010. № 1. S. 51-54.
 29. Lubovskij V.I., Zhuravleva M.V. Problema izuchenija individual'no-tipologicheskikh osobennostej u podrostkov s narushenijami zrenija // Aktual'nye problemy psihodiagnostiki lic s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej. M., 2011. S. 75-82.
 30. Lubovskij V. I., Korobejnikov I. A., Valjavko S. M. Novaja koncepcija psihologicheskaj diagnostiki narushenij razvitija // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2016. T. 21. № 4. C. 50–60.

31. Lubovskij V.I., Peresleni L.I., Semago M.M. O publikacijah psihodiagnosticheskih materialov // Voprosy psihologii. 1997. № 1. S. 133-13. URL: http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1997/971/971133.htm
32. Luchkov V.V. Znachenie teorii L.S. Vygotskogo dlja psihologii i defektologii / V.V. Luchkov, M.S. Pevzner // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija. 1981. № 4. S. 60-70.
33. Osnovy obuchenija i vospitanija anomal'nyh detej / pod obshej redakciej prof. A.I. D'jachkova. M.: Prosveshhenie, 1965. 343 s.
34. Pevzner M.S., Lubovskij V.I. Dinamika razvitija detej-oligofrenov osnovnogo klinicheskogo varianta // Tezisy dokladov tret'ej nauchnoj sessii po voprosam defektologii. 22-25 marta 1960 g. /Red. N.G. Morozova i V.I. Lubovskij. M.: Iz-vo APN RSFSR, 1960. S. 159-160.
35. Pevzner M.S., Lubovskij V.I. K voprosu ob jetiologii oligofrenii. // Tezisy dokladov четвртој nauchnoj sessii po voprosam defektologii. 26-29 marta 1962 g. / Red. V.I. Lubovskij. M.: Iz-vo APN RSFSR, 1962. S. 211-212.
36. Pevzner M.S., Lubovskij V.I. Dinamika razvitija detej-oligofrenov. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1963. 229 s.
37. Psihologicheskij leksikon. Jenciklopedicheskij slovar' v shesti tomah / Red.-sost. L.A. Karpenko. Pod obshh. red. A.V. Petrovskogo. M.: PER SJe, 2005. 784 s.
38. Special'naja psihologija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij / V.I. Lubovskij, T.V. Rozanova, L.I. Solnceva i dr.; Pod red. V.I. Lubovskogo. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2005. 464 s.
39. Chuprov L.F. Problema neuspevaemosti mladshih shkol'nikov v trudah V.A. Suhomlinskogo // Tvorcheskoe ispol'zovanie pedagogicheskogo nasledija V.A. Suhomlinskogo v processe perestrojki obshheobrazovatel'noj, professional'no-tehnicheskoi, srednej special'noj i vysshej shkoly. Cheboksary, 1988. S. 45-48.
40. Shmelev A.G. i kollektiv. Osnovy psihodiagnostiki: Uchebnoe posobie dlja studentov pedvuzov. Moskva, Rostov-na-Donu: Feniks, 1996. 544 s.
41. Jubilej // Special'noe obrazovanie. 2013. № 3. S. 6-7.

Сведения об авторах:

Завоеванная Наталья Сергеевна, педагог-психолог, Экспертное сообщество профессиональных психологов (ЭСПП), Российский государственный профессионально-педагогический университет, Факультет педагогической психологии (Екатеринбург, Россия).

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, главный редактор журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», и ЭНЖ «РЕМ:Psychology. Educology. Medicine» (Черногорск, Россия).

Конгенитальность идей гуманистической психологии А.Г. Маслоу и субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна и А.В. Брушлинского

Калашников Владимир Васильевич

*Смоленский филиал АНОО ВОЦ РФ «Российский университет кооперации»,
Россия*

e-mail: Vivat.evrika@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается потенциал сравнительного анализа теории самоактуализации личности А. Маслоу и субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна и его последователей. Сопоставляется эвристическая суть гуманистической психологии и творческая сущность субъекта в деятельности и общении, на основании принципов отечественной психологии.

Ключевые слова: самоактуализация, гуманистическая психология, А. Маслоу, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, субъект, личность, субъектно-деятельностный подход, пиковые переживания, немгновенный инсайт.

Congeniality of ideas of A.H. Maslow's humanistic psychology and S.L. Rubinshtein and A.V. Brushlinsky's subject-activity approach

Kalashnikov Vladimir Vasilievich

Russian University of Cooperation, Smolensk Branch, Russia

e-mail: Vivat.evrika@mail.ru

Abstract. The article reveals the potential of the comparative analysis of the A. Maslow's theory of self-actualization of the personality and the subject-activity approach of S.L. Rubinshtein and his followers. The heuristic essence of humanistic psychology and the creative essence of the subject in activity and communication are compared, on the basis of the principles of Russian psychology.

Keywords: self-actualization, humanistic psychology, A. Maslow, S.L. Rubinshtein, A.V. Brushlinsky, subject, personality, subject-activity approach, peak experiences, insensitive insight.

Обращение к проблемам гуманистической психологии в современном обществе получает все новую актуальность, обеспечивающуюся стремлением к безопасности, как общественной, так и личной, в условиях экономической и внешнеполитической нестабильности в ряде стран мирового сообщества. Интерес к психологическим взглядам Абрахама Гарольда Маслоу обнаруживается в связи с упоминанием В.В. Знакова о неосуществленных (вследствие трагической гибели) планах А.В. Брушлинского «написать развернутую статью с анализом творчества А. Маслоу» [8, С. 16].

В нашей статье предпринимается попытка подойти к проблеме сопоставления психологических воззрений одного из пионеров гуманистической психологии А. Маслоу и ключевых идей субъектно-деятельностного подхода, прежде всего, в трактовке его основателя – С.Л. Рубинштейна [2].

Идея самоактуализации личности выступает центральной в психологической системе А. Маслоу, представляется смыслом и целью человеческой жизни. «Говоря о самоактуализации, – А. Маслоу имеет в виду – стремление человека к самоосуществлению, к воплощению в действительность потенциально присущих ему возможностей» [14, С. 47]. Однако он отмечает, что потребность в самоактуализации зависит от индивидуальных различий, тогда как первоначальное значение термина самоактуализация, предложенного К. Гольдштейном, основу которого составляет «формирование определенного уровня напряжения, такого, который сделает возможной дальнейшую упорядоченную деятельность» [13, С. 195-196], в большей степени отражает общую тенденцию организма. «Как правило, – отмечает А. Маслоу, – человек начинает ощущать потребность в самоактуализации только после того, как удовлетворит потребности нижележащих уровней» [14, С. 47]. Обращение во второй половине 20 века к гуманистическим проблемам, в частности, иерархии потребностей (А. Маслоу) и ценностей личности (Маслоу А., Рокич М. и др.) имеет известное сходство с исследованием проблемы нравственного развития субъекта (Брушлинский А.В., Воловикова М.И., Кольберг Л., Пиаже Ж. и др.). Не просто постулирование, а обоснованное практикой внедрение в психологический багаж таких категорий как «Я-концепция» (Бернс, Маслоу А., Роджерс К. и т.д.), самость (Маслоу А., Юнг К. и т.д.), конгруэнтность личности (Роджерс К.), индивидуальность, уникальность (Брушлинский А.В., Маслоу А., Роджерс К., Рубинштейн С.Л., Селиванов В.В. и т.д.) стало (со временем) не только брендом, но основой для изучения этических, нравственных (Анцыфирова Л.И., Аристотель, Братусь Б.С., Воловикова М.И., Журавлев А.Л., Колберг Л., Купрейченко А.Б., Мюнстерберг Г., Пиаже Ж.,

Рубинштейн С.Л., Темнова Л.В. и т.д.) и духовных (Ассаджоли Р., Бим-Бад Б.М., Братусь Б.С., Брушлинский А.В., Воловикова М.И., Василюк Ф.Е., Гостев А.А., Гроф С., Дворецкая М.Я., Дильтей В., Маслоу А., Франкл В., Шпрангер Э. и т.д.) проблем общества.

Не останавливаясь здесь на анализе широко известной иерархической структуры потребностей (а также ее пересмотре К. Альдерфером), целесообразно отметить, что А. Маслоу рассматривает самоактуализацию как высшую ступень развития мотивационно-потребностной сферы человека, как особое условие проявления потенциала личности. Подобная трактовка свободы развития индивида созвучна психологическому пониманию философской категории субъекта, развиваемой родоначальником одной из крупнейших школ отечественной психологии С.Л. Рубинштейном. «Субъект в специфическом смысле слова (как «Я») — это субъект сознательной, произвольной деятельности, ядро его составляют осознанные побуждения — мотивы сознательных действий... «Я» как субъект — это верхушечное образование, неотделимое от многоплановой совокупности тенденций, составляющих в целом психологический склад личности» [9, С. 235]. В этом отношении субъект (по С.Л. Рубинштейну) представляет собой самоактуализирующуюся личность (в терминах А. Маслоу).

Одним из перспективных путей разработки принципа субъекта стало представление А.В. Брушлинского о субъекте как более широком образовании, по отношению к личности, где субъект понимается как человек (люди), находящиеся на высшем (для каждого из них) уровне активности, системности, автономности всех психических качеств. «Человек как субъект — это высшая системная целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного. Такая целостность формируется в ходе исторического и индивидуального развития. Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности [6, С. 10]. Человек характеризуется совокупностью различных, часто — противоречивых качеств и «важнейшее из них — быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути: инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности — творческой, нравственной, свободной» [3, С. 4]. Тем самым соотношение между субъектом и личностью определяется как источник активности (субъект) и условия ее осуществления (личность). «На определенном этапе своего жизненного пути

ребенок становится личностью, а каждая личность есть субъект (хотя последний... не сводится к личности)». [3]. «Субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью» [5, С. 9]. Существенным основанием признания субъекта более широкой психологической категорией, чем личность является существование группового (коллективного) субъекта (А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев). «В самом полном и широком смысле слова субъект – это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» [3, С. 4]. Близким к понятию самоактуализации выступает акмеологический уровень развития личности, разработанный в отечественной психологии в рамках деятельностного подхода (К.А. Абульханова-Славская). «Впервые термин «акме» предложил Н.А. Рыбников для обозначения особого раздела психологии – психологии зрелости, или взрослости, Б. Г. Ананьев в книге “Человек как предмет познания” (1968) определил место акмеологии в системе наук о человеке и поставил ее в ряд: “педагогика – акмеология – геронтология”» [7]. При этом целесообразно понимать, что акме не является статичным вершинным уровнем развития человека, оно заключается в незавершенности движения к совершенству, но не в значении перфекционизма, максимализма, а в потребности субъекта действовать в соответствии с познавательной, преобразовательной позицией по отношению к предметному и социальному миру, и через это – происходит преобразование самого себя.

Однако не сам по себе определенный период жизни человека однозначно указывает на акмеологический уровень его жизненного пути, а уровень осознания жизненных событий, формирующий опыт человека и его мировоззрение, складывающиеся в процессе жизни и деятельности человека. «При этом постоянные усилия в своей деятельности на предыдущих этапах приводят к удовлетворенности на последующих» [1, С. 46].

Таким образом, гуманистические взгляды А. Маслоу (так называемого «бруклинского» периода его научного творчества) относительно психологической характеристики самоактуализирующейся личности близки к пониманию философско-психологической концепции субъекта, разработанной отечественным психологом С.Л. Рубинштейном.

Проблема творчества в трудах А. Маслоу выступает особенно рельефно, когда личность испытывает пиковые переживания, выражающиеся в

вершинных проявлениях аффективного переживания и имеющие положительную валентность. Человек, создавая произведение искусства или переживая экстатические ощущения, находится в определенных состояниях (например, вдохновения и проч.) и возникновение этих вершинных проявлений психического сопровождается расширением сознания, постижением истины и т.д. В отечественной психологии одним из первых обратился к творческой сущности человека С.Л. Рубинштейн, заложивший в труде «Проблемы творческой самодеятельности» (в 1922 г.) [11] основы систематического изучения проблемы творческого процесса в деятельности и психологических закономерностей субъекта при взаимодействии с познаваемым объектом. В дальнейшем на переднем крае исследовательской работы были особенности мыслительного процесса как основы творчества (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.В. Давыдов, Б.О. Есенгазиева, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев, В.В. Селиванов и др.). Одним из наиболее специфичных и ярких проявлений творческого процесса, который отмечал А. Маслоу является пиковое переживание, при этом знание, полученное путем переживания пиковых озарений, может быть проверено и может быть ценно [15]. В этой связи интересна еще одна грань конгениальности представлений А. Маслоу и А.В. Брушлинского, выступающая в сопоставлении проблемы пиковых переживаний (по А. Маслоу) и проблемы немгновенного инсайта (А.В. Брушлинский). В теории А. Маслоу не раскрывается механизм возникновения пиковых переживаний и тем более не анализируются условия деятельности, влияющие на детерминацию данных образований. В отечественной психологии мышления были выявлены эмоциональные реакции (вторичные эмоции), сопровождающие решение задач (О.К. Тихомиров). Существенным критерием мысленного прогнозирования искомого является открытый и подробно обоснованный А.В. Брушлинским немгновенный инсайт, который в отличие от келеровского инсайта, имеет не только продолжительность, но и специфические предпосылки в мышлении субъекта, формируемые по мере продвижения субъекта в анализе решаемой мыслительной задачи, проблемы. Таким образом, и пиковые переживания и феномен немгновенного инсайта объединяет высший (для каждого из субъектов) уровень проявления своей творческой активности в деятельности (познавательной – практической или теоретической).

Корневое сходство концепций самоактуализации личности (А. Маслоу) и философско-психологической категории деятельности и роли субъекта в ней (С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского и их учеников и последователей) выступает в признании свободы выбора

жизненного пути личности, где самоопределение субъекта позволяет ему быть подлинным творцом собственной истории, утверждать своим бытием бытие другого (по С.Л. Рубинштейну) [9]. Личность у А. Маслоу и субъект у представителей субъектно-деятельностного подхода определяется как цельный, психически (и психологически) здоровый, ценный человек, находящийся на высшем (персонифицированно для каждого субъекта) уровне активности, автономности (самостоятельности), интегративности всех его психических явлений. Значимое отличие трактовки субъекта (А.В. Брушлинский) от понимания самоактуализирующейся личности (по А. Маслоу) заключается в двух основных планах. Во-первых, понятие субъект является более широким по отношению к личности – за счет существования коллективного (группового) субъекта (А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев), тогда как не существует коллективной личности. Во-вторых, в описании А. Маслоу прослеживается редукция к индетерминизму в движущих силах самоактуализации и тем самым недооценка внешних и внутренних факторов развития личности. Замыкание в личности как самоценной системе приводит А. Маслоу к нивелированию характера деятельности в детерминации мотивационно-потребностной сферы личности, когнитивного, смыслового, эмоционального и волевого аспектов, а также ценностных когниций, что в синтезе (совершающемся через анализ) образует склад личности.

Можно выделить, по нашему мнению, как минимум два критерия реализации потенциальных возможностей человека.

Первый критерий сводится к раскрытию движущих сил развития самоактуализирующейся личности (А. Маслоу) и субъекта (в терминах представителей субъектно-деятельностного подхода). Проблема наиболее полной реализации потенциальных возможностей человека у А. Маслоу, и раскрытия закономерностей формирования внутренних условий развития личности во взаимодействии с окружением у С.Л. Рубинштейна находит принципиально различное решение. А. Маслоу видел механизм развития личности (ее самоактуализации) в метамотивации. Как отмечал А. Маслоу: «Самоактуализирующиеся личности (то есть более зрелые, более человеческие), по определению, уже достигли достаточного удовлетворения своих базовых потребностей, и теперь ими движет мотивация более высокого порядка, которую мы будем называть "метамотивация"» [16]. С.Л. Рубинштейн понимал развитие личности как увеличение удельного веса внутренних условий, где личность выступает как совокупность внутренних условий, через которые только и действуют внешние причины, соответственно развитие выступает сложным процессом «...общественно исторической обусловленности

психического применительно к реальному онтогенетическому становлению человека (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Г.С. Костюк, С.Л. Рубинштейн и др.)» [12]. Так, «Основной закон исторического развития психики человека, – писал С.Л. Рубинштейн, – заключается в том, что человек развивается трудясь: изменяя природу, изменяется сам, порождая в своей деятельности – практической и теоретической – предметное бытие очеловеченной природы, культуры, человек вместе с тем изменяет, формирует, развивает свою собственную природу» [10]. Таким образом, актуализация личностного потенциала (интеллектуального, творческого), безусловно, предполагает мотивацию в качестве одного из условий развития, но сам многоплановый процесс развития не сводится к мотивации, а предполагает внутренним условием именно взаимосвязь внешних и внутренних факторов, формирующихся в ходе взаимодействия субъекта с объектом (познания, действия).

Вторым критерием выступает категория активности человека, прежде всего, преобразовательной, направленной на создание нового. Активность самого человека выступает в качестве изначально присущего ему как представителю *homo sapiens* свойства существования. Если у А. Маслоу в основе активности лежит мотивация по отношению к биологическим (физиологическим) факторам и далее аксиологическим (и отчасти нравственным) ориентирам, то в отечественной традиции (идущей от С.Л. Рубинштейна), активность обуславливается действием, направленным на объект (восприятия, познания и т.д.). Мотивация (по А. Маслоу) соотносится не с какой-то частью индивидуума, а со всем индивидуумом как таковым [14, с. 28], подобное понимание согласуется с мнением представителей субъектно-деятельностного подхода (Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В., Рубинштейн С.Л.), где раскрываются процессуальные особенности перехода от неспецифической к специфически познавательной мотивации в мыслительном процессе (Воловикова М.И.). Из этого следует, что мотивация формируется в зависимости от уровня обобщения условий и требования решаемой субъектом задачи на каждой фазе мыслительного поиска искомого. Во второй половине 40-х годов 20 века С.Л. Рубинштейном был введен ряд системных, основополагающих принципов: единства сознания и деятельности, диалектико-материалистического детерминизма, личностный принцип и др., которые легли в основу советской психологии и дали импульс развития субъектно-деятельностному подходу, в рамках которого нашли объяснение проблема активности и направленности личности, познавательного, этического,

нравственного отношения субъекта с миром на основе взаимодействия субъекта с объектом.

Субъект понимается как вершина самоактуализации, но самоактуализация здесь представляет собой именно процесс (с его недизъюнктивностью, неизоморфностью и т.п.), а не только свойство или состояние личности. Самоактуализирующийся субъект становится по мере формирования жизненного багажа переживания, осмысления событий, ситуаций, решения встающих перед ним проблем. Самоактуализация наряду с пониманием ее как процесса – всегда становящегося, никогда не завершенного пока живет человек (независимо от условий его существования) выступает целью и вместе с тем условием бытия субъекта, его профессиональной и иной деятельности.

Идея самоактуализации согласно основателю психотерапевтического крыла гуманистической парадигмы К. Роджерсу, выражается в той силе, что заставляет человека развиваться на самых различных уровнях – от овладения моторными навыками до высших творческих взлетов [4]. В отечественной психологии самореализация (Гегель Г., Маслоу А., Роджерс К., Фромм Э.), самораскрытие (Амяга Н.В., Джулард С., Майерс Д. и т.д.), саморазвитие (Аристотель, Гегель Г., Маркс К., Абульханова-Славская К.А., Анциферова Л.И., Асеев В.Г., Брушлинский А.В., Мерлин В.С., Рубинштейн С.Л. и др.) и т.д. раскрывается при специальном анализе движущих сил вышеуказанных процессов. Венцом исследований в данной области выступает изучение самодетерминации человека как личности (Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В., Деси Э., Райан Р., Ричлак Дж., Рубинштейн С.Л., Тэйджсон У., Холт Р. и т.д.); как субъекта деятельности – практической (Ерастов Н.П., Завалишина Д.Н., Карпов А.В., Корнилов Ю.К., Пиаже Ж., Пушкин В.Н., Рубинштейн С.Л., Теплов и т.д.), и теоретической (Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В., Воловикова М.И., Дункер К., Есенгазиева Б.О., Крутецкий В.А., Кузнецова И.В., Няголова М.Д., Павлюченкова Т.В., Персиянцев С.А., Плетеневская Н.Н., Побокин П.А., Поликарпов, Рубинштейн С.Л., Селиванов В.В. и др.); как субъекта в общении (Андреева Г.М., Анциферова Л.И., Бодалев А.А., Выготский Л.С., Леонтьев А.А., Ломов, Поликарпов, Потенбя, Рубинштейн С.Л. и т.д.); как субъекта понимания (Дильтей, Знаков В.В., Шпрангер и др.); как субъекта жизни (Абульханова-Славская К.А., Адлер А., Ананьев Б.Г., Брушлинский А.В., Рубинштейн С.Л. и т.д.).

Таким образом, самоактуализации как ведущей потребности индивида отводится значительная роль в объяснении поведения, ценностей, убеждений и проч. Будучи потребностью потребностей, самоактуализация, тем не менее, не

является самоцелью существования индивида. Самоактуализация, являясь интегративным мотивационным образованием (имея смысловое, ценностное ядро), зависит от условий жизни человека и от склада его личности (где второе производно от первого, но не фатально предопределяет его). Неповторимость внутренних условий каждого субъекта создает уникальную для каждого человека вариативность развития его личности, в частности внешние причины, действуя через внутренние условия, способствуют (или нет) раскрытию потенциала субъекта в деятельности, его самоактуализации в жизни.

Список литературы:

1. Абульханова К.А. Стратегия жизни. М.: Издательство «Мысль», 1991.
2. Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления (философские проблемы психологии). М.: Изд-во «Высшая Школа», 1968.
3. Брушлинский. Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994. 109 с.
4. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 1998.
5. Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 95-106.
6. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 6-10.
7. Пряжников Е.Ю. Психология труда: теория и практика. М.: Юрайт, 2012.
8. Психология субъекта / отв. Ред. проф. В.В. Знаков. М.: Институт психологии РАН; СПб: издат. «Алетейя», 2003. 272 с.
9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2004.
11. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101-107.
12. Селиванов В.В. Психология сознания. Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.
13. Godstein K. The organism. New York: American Book Co., 1939.
14. Maslow A.H. Motivation and Personality (2nd ed.) N.Y.: Harper & Row, 1970; СПб.: Евразия, 1999.
15. Maslow A.H. Religions, values and peak-experiences. N.Y.: Viking, 1970.
16. Maslow A.H. The Farther Reaches of Human Nature. Harmondsworth: Penguin, 1971.

References:

1. Abul'hanova K.A. Strategija zhizni. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1991.
2. Brushlinskij, A.V. Kul'turno-istoricheskaja teorija myshlenija (filosofskie problemy psihologii). M.: Izd-vo «Vysshaja Shkola», 1968.
3. Brushlinskij. Problemy psihologii sub#ekta. M.: Institut psihologii RAN, 1994. 109 s.
4. Golovin S.Ju. Slovar' prakticheskogo psihologa. M.: AST, Harvest, 1998.
5. Znakov V.V. Psihologija sub#ekta kak metodologija ponimaniya chelovecheskogo bytija // Psihologicheskij zhurnal. 2003. T. 24. № 2. S. 95-106.
6. Brushlinskij A.V. Problema sub#ekta v psihologicheskoy nauke // Psihologicheskij zhurnal. 1991. № 6. S. 6-10.
7. Prjazhnikov E.Ju. Psihologija truda: teorija i praktika. M.: Jurajt, 2012.
8. Psihologija sub#ekta / otv. Red. prof. V.V. Znakov. M.: Institut psihologii RAN; SPb: izdat. «Aletejja», 2003. 272 s.
9. Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957.
10. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshej psihologi. SPb: Piter, 2004.
11. Rubinshtejn S.L. Princip tvorcheskoj samodejatel'nosti // Voprosy psihologii. 1986. № 4. S. 101-107.
12. Selivanov V.V. Psihologija soznaniya. Smolensk: Izd-vo SGU, 1999.
13. Gotdstein, K. The organism. New York: American Book Co., 1939.
14. Maslow A.H. Motivation and Personality (2nd ed.) N.Y.: Harper & Row, 1970; SPb.: Evrazija, 1999.
15. Maslow A.H. Religions, values and peak-experiences. N.Y.: Viking, 1970.
16. Maslow A.H. The Farther Reaches of Human Nature. Harmondsworth: Penguin, 1971.

Сведения об авторе:

Калашников Владимир Васильевич, старший преподаватель кафедры товароведения и таможенного дела, Смоленский филиал АНОО ВОЦ РФ «Российский университет кооперации» (Смоленск, Россия)

Об истоках психологической концепции В.А. Снегирева

Костригин Артем Андреевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Россия

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются положения психологической концепции психолога и философа В.А. Снегирева (1841-1889). Прослеживаются истоки его идей в работах философов и психологов Нового времени.

Ключевые слова: история психологии, Снегирев, дореволюционная психология, философская психология, методология психологии, теория психологии.

On origins of V.A. Snegirev's psychological concept

Kostrigin Artem Andreevich

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art);

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract. The article discusses the provisions of the psychological concept of the psychologist and philosopher V.A. Snegirev (1841-1889). The sources of his ideas are traced in the works of philosophers and psychologists of the Modern Age.

Keywords: history of psychology, Snegirev, pre-revolutionary psychology, philosophical psychology, methodology of psychology, theory of psychology.

Методологические и историко-психологические исследования сегодня привлекают большое количество ученых как область поиска истоков и решений современных теоретико-психологических проблем [1; 3; 10; 12; 14; 15; 19; 20;]. В нашей работе мы обращаемся к творчеству пока малоизвестного, но активно

обсуждающегося сегодня психолога и философа конца XIX в. Вениамина Алексеевича Снегирева (1841-1889).

Первый русский переводчик трактата Аристотеля «О душе», разработчик подхода «психологии живой личности», он опирался на мощную философско-психологическую традицию, существовавшую до него как в Европе, так и в России. Нами уже анализировались психологические взгляды В.А. Снегирева [7; 8; 9; 21; 22; 23; 28]. Однако для более точного понимания идей мыслителя необходимо проследить и наметить истоки его психологических концепций.

К сожалению, В.А. Снегирев не дает прямых отсылок на имена ученых, чьи идеи он использует, но с помощью анализа его текстов и некролога его ученика, религиозного антрополога и философа Виктора Ивановича Несмелова (1863-1937) можно сделать попытку восстановления источников его творчества. В рамках данной статьи изложим материал в нескольких тезисах.

1. Субстанциональность души.

Отчетливо видно, что заложенный еще Р. Декартом и продолженный Г. Лейбницем, Хр. Вольфом и И. Кантом принцип разделения души и тела сохранятся и у В.А. Снегирева. Он говорит о субстанциальности души, ее принципиальном отличии от физического мира. Однако их взаимодействие он не отрицает. Он пишет: «Истина бытия особого, самостоятельного начала, лежащего в основе явлений внутренней жизни человека, иначе – бытия душевной субстанции, относится к разряду небольшого количества необходимых истин, которые, будучи ясно и отчетливо поняты, становятся очевидными, несомненными без всяких доказательств» [17, С. 70]. В.А. Снегирев считает душевные явления самой высшей формой бытия. Он перечисляет свойства душевных явлений: сознательность; идеальность; сверхчувствительность; субъективность; неделимость; непространственность.

Однако дальше обоснования субстанциальности души Снегирев не идет. Совершенно точно можно сказать, что эмпирическая психология им освещается в лекциях по психологии [17]; рациональная же психология, которая занимается вопросами происхождения души, бытия души, ее бессмертия, не представлена в его работах. В этом смысле можно сказать, что Снегирев продолжатель уже оформившейся к тому времени русской психологической школы, представителями которой являются С.С. Гогоцкий, М.М. Троицкий, П.Д. Юркевич и др.

2. Душа как простая «вещь».

Монада Лейбница, трактуемая душа как простое существо, является одним из ключевых пунктов психологии В.А. Снегирева. «Как идеальные и сверхчувственные, явления душевные оказываются, далее, не заключающими в себе никаких материальных частиц и потому не могут быть разделены на части, отдельные друг от друга. Правда, сложное душевное явление состоит из отдельных как бы частей, но все эти части тоже идеальны, и притом разложенное на свои составные части душевное явление не перестает сохранять свою целостность: разложение его тоже идеальное, кажущееся, а не действительное. Разложить явления душевные в собственном смысле, как разлагаются тела, нельзя» [17, С. 90]. Предельное разложение ученым душевных явлений соотносится с ассоцианистскими позициями.

3. Ассоцианизм.

Локковское наследие, в лице ассоцианизма, также находит свое подтверждение в работах Снегирева. Главным образом ассоцианистская теория им заимствуется у А. Бэна.

Обосновывая ощущения в качестве элементарных и основных процессов души, Снегирев говорит о механизме сочетания этих процессов. По сути, это и есть механизм ассоциаций. Мы находим у него: «<...> ощущения – идеи, волнения, стремления входят между собою в связи или сочетания, более и менее простые или продолжительные, образуя, таким образом, сложные душевные величины – состояния. Этот процесс сочетания, опять, является неизменно и постоянно в каждой душевной деятельности, в каждом явлении и составляет сущность организации каждого из сложных состояний и слагающихся из них процессов, в частности, процессов ума, чувства и воли. Он обыкновенно называется процессом ассоциации или просто ассоциацией, также ассоциацией идей. Процесс ассоциации совершается главным образом при посредстве вызова настоящими состояниями прежде бывших, что предполагает их сохранение в душе» [17, С. 129-130].

4. Физиологический аспект душевных явлений. Психофизиологическая проблема

В.А. Снегирев подчеркивает, что необходимо изучать физическую или физиологическую сторону душевного, т.к. в данной области присутствует очень много фактов, помогающих пролить свет на многие сложные проблемы эмпирической психологии. Исследования физиологического аспекта души им обозначается как материалистическая психология. Помимо упоминания об

ошибочности этого подхода в определении души как функции мозга, он подчеркивает и его достоинства: «Материалистическая психология <...> имеет опору в действительно существующем, очевидном и неоспоримом факте, что всякое душевное явление имеет связь с каким-либо изменением телесным и, в огромном количестве случаев, прямо от него зависит, как от одной во всяком случае из свих причин; что весь сложный процесс душевной жизни, открывающийся познанию, как живое, организованное сверхъестественное целое, есть в то же время не менее сложный физический или физиологический процесс, невообразимо тонкого строения, но открытый по своему существу во всех своих частях внешнему наблюдению чувствами, хотя фактически, благодаря еще несовершенству орудий исследования вообще явления жизни, доступный в весьма незначительной своей части. Из этого факта возникает для науки обязательство подвергнуть самому тщательному и основательному обследованию эту физическую сторону душевного» [17, С. 47-48].

Исходя из этого, можно утверждать, что психофизиологическая проблема В.А. Снегиревым решается следующим образом: душевные явления, по своей сути, независимы от физиологии; физиологические явления всего лишь сопутствуют душевным процессам.

5. Метод психологии.

Основным методом в психологических исследованиях Снегирев считает интроспекцию. Как видно из обзора философских концепций, сделанного выше, особый вклад произведен Д. Юмом и И. Тетенсом, хотя конечно и Декарт, и Дж. Локк, и Лейбниц применяли интроспекцию для строения психологических систем. Однако именно у Юма и Тетенса интроспекции уделяется особое внимание. К тому же, учитывая, что Снегирев не указывает, чьим последователем он является, стоит шире рассматривать ту философскую базу, которую он брал за основу своей психологической концепции.

Такой же подход наблюдается и П.С. Авсенева [2], и в каком-то смысле, можно предположить, что Снегирев наследует его идеи (к тому же, некоторые авторы так считают в действительности [26]). Снегирев указывает на значительность самонаблюдения: «<...> первый шаг в исследовании состава души есть самонаблюдение, наблюдение наблюдателем и исследователем своих собственных состояний, описание их сравненное и проверенное в каждой подробности самонаблюдением других исследователей души» [17, С. 107].

6. Чувство (ощущение) как источник душевной деятельности.

Наиболее отчетливо данный постулат выражен у Тетенса.

Такая позиция очень близка Снегиреву, и он пишет об этом так: «<...> жизнь духа несомненно начинается с ощущения и поддерживается постоянно

их притоком; что ни одна идея, - пусть это будет самая возвышенная и удаленная от чувственности – идея личности, идея вселенной, мира духовного, божества и т.п., не может осуществиться и возникнуть в духе человеческом, пока не дана будет значительная сумма ощущений» [17, С. 194]. И в другом месте он формулирует на основе этого постулата задачу психологии: «Вся задача научного исследования с этого момента состоит в том, чтобы проследить и выяснить постепенное возникновение из этого неопределенного и хаотического процесса ощущений и связанных с ними других элементарных состояний – определенных деятельностей: ума, чувства и воли, из коих слагается жизнь сформировавшегося духа человеческого» [17, С. 165].

7. Задачи эмпирической психологии

Вольф, Юм и Кант сформулировали однозначное представление о том, чем должна заниматься эмпирическая психология. Коротко это звучит так: изучение конкретных, частных проявлений души и сведение их к общим основаниям, общим способностям души.

Очевидно, что Снегирев использовал именно их наследие по данному вопросу. Он формулирует задачу психологии так: психология исследует именно такие психические явления, которые присущи все людям, при всех условиях их жизни, с помощью которых могут быть объяснены явления частного характера, индивидуальные изменения «душевной жизни».

8. Место психологии в системе философских наук

Обзор позиций русских богословов, философов и психологов на предмет позиции психологии в философии показывает, что существовали полярные точки зрения, однако, к концу XIX в. наблюдается почти всеобщее признание ценности психологии в решение философских проблем [11]. Эту традицию наследует и В.А. Снегирев.

Рассуждая о таком понятии, как «науки о человеке», В.А. Снегирев характеризует психологию как науку, которая является центральной среди гуманитарных наук. «Описание общих всем людям явлений духовной жизни, каковы: мышление, чувство, желание – анализ, анатомия духовного организма человека, рассмотрение точное строения всех его частей, определение их взаимодействия в целом процессе духовной жизни, указание законов, управляющих образованием каждого из явлений этой жизни – род физиологии духа, все это составляет задачу и содержание психологии, которая, таким образом, составляет основу и средоточие всех наук гуманитарных, наук о явлениях духа человеческого в истории» [16, С. 88-89].

Далее казанский богослов отмечает, что психология – это философская наука. Психология характеризуется тем, что она свободна «от всяких умозрений, неразлучных с философией» и является самостоятельной и опытной наукой. Исходя из того, что философия – это наука о законах вселенной, явления которой доступны нашим чувствам, уму и опыту, то психология призвана помочь философскому анализу. «Первая задача философа, пытающегося понять мир как целое – объяснить внутренние субъективные процессы, произвести психологический анализ и показать, как и из чего сложено наше представление о мире» [18, С. 448].

9. Критика физиологизма в психологии

Продолжая критику П.Д. Юркевича, Снегирев согласен с ним в отношении преувеличения значимости физиологии в психологии. Он называет физиологическую психологию материалистической и показывает ее ошибочность: «Ошибка материалистического направления в том, что, вместо этого исследования, оно сделало поспешное и неверное обобщение. Именно, - из самого факта связи душевного с физическим, факта, требующего объяснения и толкования далее из ничтожного количества подробностей, освещающих несколько этот факт и заставляющих предполагать великий механизм мысли, связанный в своей деятельности с душевной деятельностью, заставляющий подозревать, что связь эта сложнее и глубже, чем это кажется на первый взгляд, - из этого факта материалистическая психология сделала чудовищно-нелогический вывод, - что этот механизм и есть душа, что в нем и через него материя становится чувствующею, сознающею и мыслящею» [17, С. 48].

10. Немецкая или английская психология?

Говоря о связи произведения М.М. Троицкого и воззрений Снегирева, можно сказать, что прослеживается определенная связь, т.к. Снегирев так же критикует немецкую психологию, часто называя некоторые работы «совершенно бесполезными», как было показано выше. Английская психология поощряется казанским психологом, доходя в некоторых местах до восторженных отзывов.

В.И. Несмелов считает, что Снегирев сначала был увлечен немецкой метафизикой, но немецкие мыслители не придавали большого значения индивидуальному, единичному, к чему он стремился. О его отношении к кантовской «Критике чистого разума» В.И. Несмелов пишет: «Критика чистого разума, по самому характеру ее, никогда не могла понравиться Вениамину Алексеевичу, потому что все эти трансцендентальные формы и категории с их

трансцендентальной схематической связью ему казались не иным чем, как простым умерщвлением живого человеческого духа» [13, С. 139]. Ученый достаточно быстро разочаровался в данном направлении философии.

Скорее, психологическая позиция В.А. Снегирева находится на стороне английских психологов, что мы упоминали ранее, говоря о влиянии Локка, Юма, Бэна, вообще ассоцианисткой методологии на творчество казанского психолога.

11. Заключение

Несмотря на то, что В.А. Снегирев выглядит достаточно независимым мыслителем, в том смысле, что сам не указывает, какими философскими концепциями он пользовался в процессе построения собственной, при последовательном разборе философии XVII-XIX в. и сравнительном анализе с концепций В.А. Снегирева обнаруживается, что «за его плечами» стоит солидная философская традиция, традиция именно философской психологии. Стоит отметить, что, в основном, он пользуется творчеством идеалистических философов, главным образом, Вольф, Локк. Исключением является высокая оценка физиологической психологии, именно той ее части, которая не касается сомнений в субстанциальности души. Это концепция Бэна.

В.А. Снегирев использует богатую философскую традицию эмпирической и рациональной психологии при разработке предмета психологии, метода, разделения душевных явлений, формулировки задач психологии.

Список литературы:

1. Абульханова К.А., Кольцова В.А. Интеграция методологических принципов отечественной психологии на рубеже веков // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 6-52.

2. Авсенеv П.С. Из записок по психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2008. 335 с.

3. Аршинов В.И., Меськов В.С., Петровский В.А., Коломейцев А.Е. Феноменология бессознательного: догадки Демокрита // Современные гуманитарные исследования. 2017. № 2 (75). С. 43-50.

4. Васильев В. В. Философская психология в эпоху Просвещения. М., 2010.

5. Гогоцкий С.С. Несколько мыслей по поводу сочинения: «Немецкая психология в текущем столетии, историческое и критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии времен Бэкона и Локка» М. Троицкого. М., 1867.

6. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т. 2 / Сост., ред. и примеч. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1994. 633 с.

7. Костригин А.А. «Описательная психология» В. Дильтея и «Психология живой личности» В.А. Снегирева: сравнительно-исторический анализ // Международна научна школа "Парадигма". Лято-2015 сборник научни статии в 8 тома. Под редакцией А. В. Берлов, Л. Ф. Чупров. 2015. С. 169-177.

8. Костригин А.А. Русские переводы трактата Аристотеля «О душе» (В. А. Снегирев и П. С. Попов) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 294-298.

9. Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю. Жизнь и психологическое наследие В.А. Снегирева // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2017. № 15 (15). С. 191-216.

10. Леонтьев Д.А., Лебедева А.А., Костенко В.Ю. Траектории личностного развития: реконструкция взглядов Л. С. Выготского // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 98-112.

11. Мазилев В.А., Костригин А.А. Психология в системе философского знания XIX в.: богословская традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. № 3 (42). С. 97-111.

12. Мазилев В.А., Янчук В.А. Методологические проблемы исследования культурного фрейминга // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 3. С. 212-219.

13. Несмелов В.И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // Православный собеседник. 1889. № 5. С. 97-154.

14. Носкова О.Г., Шадриков В.Д. Прикладная психология в России: история, теория и методология // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 204-218.

15. Сенющенков С.П. О проблеме психической причинности в классической психологии сознания // Перспективы психологической науки и практики сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 129-135.

16. Снегирев В.А. Науки о человеке // Православный собеседник. 1876. т. III. С. 62-89.

17. Снегирев В.А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. 768 с.

18. Снегирев В.А. Психология и логика, как философские науки // Православный собеседник. 1876. т. II. С. 427-451.
19. Старовойтенко Е.Б. Персонология. Жизнь личности в культуре. М., 2015.
20. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Ярославль, 2016.
21. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. История гуманитарного образования: казанский университет // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. 2016. Т. 10. № 4. С. 105-106.
22. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Отечественные психологи конца XIX - начала XX вв. о снах и сновидениях // Психология и психотехника. 2015. № 1. С. 63-69.
23. Стоюхина Н.Ю., Мазиллов В.А., Костригин А.А. Вениамин Алексеевич Снегирев: психолог и богослов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 138-149.
24. Тетенс И. Н. О всеобщей спекулятивной М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.
25. Троицкий М.М. Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка. М., 1867
26. Цвык И.В. Снегирев Вениамин Алексеевич // Русская философия: Энциклопедия / Под. общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. 832 с. С. 578.
27. Юркевич П.Д. Язык физиологов и психологов // Философские произведения. М., 1990. С. 357-465.
28. Mazilov V.A., Kostigin A.A. The work of V.A. Snegirev: an historical and psychological study // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. № 10 (1). С. 198-210.

References:

1. Abul'hanova K.A., Kol'cova V.A. Integracija metodologičeskikh principov otečestvennoj psihologii na rubezhe vekov // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Čelovek i mir. 2017. Т. 1. № 1. S. 6-52.
2. Avsenev P.S. Iz zapisok po psihologii. SPb.: Troja Trojanova, 2008. 335 s.
3. Arshinov V.I., Mes'kov V.S., Petrovskij V.A., Kolomejcev A.E. Fenomenologija besoznatel'nogo: dogadki Demokrita // Sovremennye gumanitarnye issledovanija. 2017. № 2 (75). S. 43-50.

4. Vasil'ev V. V. *Filosofskaja psihologija v jepohu Prosveshhenija*. M., 2010.
5. Gogockij S.S. *Neskol'ko myslej po povodu sochinenija: «Nemeckaja psihologija v tekushhem stoletii, istoricheskoe i kriticheskoe issledovanie, s predvaritel'nyh ocherkom uspehov psihologii vremen Bjekona i Lokka»* M. Troickogo. M., 1867.
6. Dekart R. *Sochinenija v 2 t.: T. 2 / Sost., red. i primech. V. V. Sokolova*. M.: Mysl', 1994. 633 s.
7. Kostrigin A.A. «Opisatel'naja psihologija» V. Dil'teja i «Psihologija zhivoj lichnosti» V.A. Snegireva: sravnitel'no-istoricheskij analiz // *Mezhdunarodna nauchna shkola "Paradigma"*. Ljato-2015 sbornik nauchni statii v 8 toma. Pod redakciej A. V. Berlov, L. F. Chuprov. 2015. S. 169-177.
8. Kostrigin A.A. *Russkie perevody traktata Aristotelja «O dushe»* (V. A. Snegirev i P. S. Popov) // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2016. № 6. S. 294-298.
9. Kostrigin A.A., Stojuhina N.Ju. *Zhizn' i psihologicheskoe nasledie V.A. Snegireva* // *Trudy Nizhegorodskoj Duhovnoj seminarii*. 2017. № 15 (15). S. 191-216.
10. Leont'ev D.A., Lebedeva A.A., Kostenko V.Ju. *Traektorii lichnostnogo razvitija: rekonstrukcija vzgljadov L. S. Vygotskogo* // *Voprosy obrazovanija*. 2017. № 2. S. 98-112.
11. Mazilov V.A., Kostrigin A.A. *Psihologija v sisteme filosofskogo znanija XIX v.: bogoslovskaja tradicija* // *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 4: Pedagogika. Psihologija*. 2016. № 3 (42). S. 97-111.
12. Mazilov V.A., Janchuk V.A. *Metodologicheskie problemy issledovanija kul'turnogo frejminga* // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2013. T. 1. № 3. S. 212-219.
13. Nesmelov V.I. *Pamjati Veniamina Alekseevicha Snegireva* // *Pravoslavnyj sobesednik*. 1889. № 5. S. 97-154.
14. Noskova O.G., Shadrikov V.D. *Prikladnaja psihologija v Rossii: istorija, teorija i metodologija* // *Mir psihologii*. 2017. № 1 (89). S. 204-218.
15. Senjushhenkov S.P. *O probleme psihicheskoj prichinnosti v klassicheskoj psihologii soznanija* // *Perspektivy psihologicheskoi nauki i praktiki sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. 2017. S. 129-135.
16. Snegirev V.A. *Nauki o cheloveke* // *Pravoslavnyj sobesednik*. 1876. t. III. S. 62-89.
17. Snegirev V.A. *Psihologija*. SPb.: *Obshhestvo pamjati igumenii Taisii*, 2008. 768 s.
18. Snegirev V.A. *Psihologija i logika, kak filosofskie nauki* // *Pravoslavnyj sobesednik*. 1876. t. II. S. 427-451.

19. Starovojtenko E.B. Personologija. Zhizn' lichnosti v kul'ture. M., 2015.
20. Stojuhina N.Ju. Psihologija vozdejstvija v sovetskoj psihotehnike: 1920-1930-e gg. Jaroslavl', 2016.
21. Stojuhina N.Ju., Kostrigin A.A. Istorija gumanitarnogo obrazovanija: kazanskij universitet // Vestnik Associacii VUZov turizma i servisa. 2016. T. 10. № 4. S. 105-106.
22. Stojuhina N.Ju., Kostrigin A.A. Otechestvennye psihologi konca XIX - nachala XX vv. o snah i snovidenijah // Psihologija i psihotehnika. 2015. № 1. S. 63-69.
23. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A., Kostrigin A.A. Veniamin Alekseevich Snegirev: psiholog i bogoslov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 3. S. 138-149.
24. Tetens I. N. O vseobshhej spekuljativnoj M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2013. 336 s.
25. Troickij M.M. Nemeckaja psihologija v tekushhem stoletii. Istoricheskoe i kriticheskoe issledovanie s predvaritel'nym oчерkom uspehov psihologii v Anglii so vremen Bjekona i Lokka. - M., 1867
26. Cvyk I.V. Snegirev Veniamin Alekseevich // Russkaja filosofija: Jenciklopedija / Pod. obshh. red. M.A. Maslina. Sost. P.P. Apryshko, A.P. Poljakov. M.: Knizhnij Klub Knigovek, 2014. 832 s. S. 578.
27. Jurkevich P.D. Jazyk fiziologov i psihologov // Filosofskie proizvedenija. M., 1990. S. 357-465.
28. Mazilov V.A., Kostrigin A.A. The work of V.A. Snegirev: an historical and psychological study // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. № 10 (1). S. 198-210.

Сведения об авторе:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Москва, Россия)

Вклад В.Н. Мясищева в отечественную девиантологию

Лимонченко Роман Андреевич

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия

e-mail: romaleg@mail.ru

Научный руководитель: Белобрыкина Ольга Альфонсовна

Аннотация. В статье представлен анализ научных работ В.Н. Мясищева, посвященных проблеме подростковой девиантности. Рассмотрены «слаборазвитый» и «нарушенный» виды психологических отношений как факторы возникновения девиантного поведения в подростковом возрасте.

Ключевые слова: девиантология, теория отношений, девиантное поведение, подростки.

V.N. Myasishchev's contribution to Russian deviantology

Limonchenko Roman Andreevich

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

e-mail: romaleg@mail.ru

Scientific Advisor: Belobrykina Olga Alfonsasovna

Abstract. The article presents analysis of V.N. Myasishchev's scientific works which are devoted to description of adolescent deviance problem. The "undeveloped" and "disturbed" types of psychological relations are described as factors of genesis of deviant behavior in adolescence.

Keywords: deviantology, theory of relations, deviant behavior, adolescents.

Девиантное поведение подростков в современном обществе представляет собой социальное явление, требующее мультидисциплинарного подхода к его рассмотрению. В настоящее время исследованием возрастающего числа подростковых правонарушений, суицидов, употребления наркотических средств и других форм девиантности с разных позиций занимается широкий

круг специалистов. Однако, в истории отечественной науки имеется уникальный опыт анализа проблемы девиантности в контексте реализации междисциплинарного подхода. В частности, в начале и середине XX века русский учёный Владимир Николаевич Мясищев (1893-1973) рассматривал подростковую девиантность в единстве социальной, медицинской, психологической и педагогической позиций. Данный подход исследователя реализован в теории отношений.

Согласно определению В.Н. Мясищева, *психологические отношения личности* – это целостная система индивидуальных связей человека с различными сторонами объективной действительности. Избирательность как свойство отношения свойственна для *предотношений* ребенка (по современным данным, до 3 лет, когда возможность осознавать себя как «отдельного человека» [9, С. 217.] еще не сформирована), а избирательность и сознательность – для высших форм отношений (отношений «развитого вида» [13, С. 210] – интересов, оценок, убеждений и др.). Формирование таких высших форм отношений как принципов поведения, убеждений и идеалов характерно для подросткового периода [13], в котором, согласно мнению Л.С.Выготского, происходит переход к мышлению в понятиях: «Без мышления в понятиях нет понимания отношений, лежащих за явлениями. Целый мир глубоких связей, лежащих за внешней видимостью явлений, мир сложных взаимозависимостей и отношений внутри каждой сферы действительности и между отдельными её сферами раскрывается только перед тем, кто подходит к нему с ключом понятия» [3, С. 58.]. Отношения к себе и окружающим людям в единстве с отношением к нормам морали представляют собой *социальные эмоции* [2; 13].

На развитие отношений, как полагал исследователь, влияет вся система условий, в которых воспитывается ребенок. Предпосылки девиантного поведения подростков формируются в неблагоприятных семейных условиях развития личности, при этом, «чем ранее возникли неблагоприятные условия, чем более устойчивы они были, тем глубже запущенность и вытекающие из нее аномалии» [10, С. 47].

В.Н.Мясищев предлагал отграничивать *педагогически-запущенных подростков* от *подростков с невротическим развитием*. Первую группу, по мысли ученого, характеризует недоразвитость высших психических функций, асоциальная направленность, злоупотребление вредными привычками, изолированность от школьного коллектива, сдержанность и рациональность в выгодных ситуациях, нормальное функционирование нервной системы. У второй группы подростков, напротив, недоразвитие и асоциальная

направленность не отмечаются, для них характерны аффективные вспышки и иррациональность в критических ситуациях, быстрая утомляемость, нарушенный сон и аппетит, повышенное давление.

Невроз, как пояснял В.Н. Мясищев, детерминируется *нарушением отношений*, приводящим к расстройству психических функций, то есть внутриличностным конфликтом, который разрешить конструктивными способами личность не может [11; 12]. Расстройства эмоциональной сферы проявляются в повышенной агрессивности, тревожности, преобладающей центрированности на собственных переживаниях. Поиск путей разрешения конфликта, снятия психического напряжения негативно влияет на интеллектуальную деятельность: «Из болезненного отношения к действительности, повышенной требовательности, вытекает повышенная аффективность; с повышением аффективности нарушаются и интеллектуальные процессы. Диспропорция интеллектуальных и аффективно-волевых свойств личности сказывается нарушением всей деятельности и поведения, и из этих нарушений вытекает ряд трудностей, столкновений с окружающими, в свою очередь, обостряющих аффективность, перевозбуждающих и истощающих нервную систему» [11, С. 11]. По сути, В.Н.Мясищев предлагал выявлять условия, предрасполагающие к формированию мотивации девиантного поведения подростков, среди которых преобладающими являются либо *слабая развитость социальных эмоций к началу подросткового возраста*, либо *нарушения в протекании социальных эмоций в подростковом возрасте*. Очевидно, педагогически-запущенный подросток, у которого искажена потребность в интимно-личностном общении, не сформированы навыки этого общения и разрешения межличностных проблем, обладает высоким риском невротизации: «Ребенок становится психоневротиком, не находя выхода из той противоречивой конфликтной ситуации, в которую он попал. Аффективное напряжение не находит удовлетворительного выхода и влечет за собой болезненную реакцию» [11, С. 17].

В настоящее время исследователи в качестве одной из причин возникновения девиантного поведения в подростковом возрасте также обозначают *нарушенное развитие социальных эмоций*, которое, однако, по их мнению, чаще всего проявляется у подростков с задержкой психического развития или с легкой умственной отсталостью [4; 5; 14]. Очевидно, что выявление причин и условий необходимо для эффективной организации комплексного сопровождения подростков с девиантным поведением. Хотя, как отмечал В.Н. Мясищев, «чистые случаи» педагогической запущенности или невротического развития подростков с девиантным поведением [11, С. 17], а,

учитывая современные исследования, и интеллектуальных нарушений, диагностируются крайне редко. Так, например, подросток с делинквентным поведением, в зависимости от того, какой специалист, какими методами, и по каким критериям диагностирует его личность, одновременно может иметь диагнозы: социальный – «педагогическая запущенность» (при диагностике социальным педагогом), медицинский – «несоциализированное расстройство поведения» (при диагностике клиническим психологом, психиатром), дефектологический – «ЗПР психогенного происхождения» (при диагностике дефектологом; если подростку менее 15 лет). Не смотря на возможную вариативность в сочетании перечисленных диагнозов, главный, который допустимо диагностировать у подростков с девиантным поведением, по нашему предположению (основанному на эмпирическом исследовании [1] и анализе литературы [6; 8; 11; 14]), является психологический, а именно – низкая эмпатичность и выраженность алекситимических тенденций. Поэтому задача педагога-психолога в системе сопровождения подростков данной категории – нормализация эмоциональной сферы за счет амплификации её высших форм посредством психолого-педагогических методов, в частности, формирующего эксперимента [7]. При этом, целесообразно осуществлять сопровождение не только самого подростка, а также его микросоциального окружения (семьи, школьного коллектива, а, по возможности, и референтную для него группу). В целом, анализ работ В.Н. Мясищева свидетельствует, что его идеи актуальны в настоящее время и их осмысление необходимо для современной девиантологической науки и практики.

Список литературы:

1. Белобрыкина О.А., Лимонченко Р.А. Дескриптивные характеристики социальных эмоций у подростков с отклоняющимся поведением // Смальта. 2016. № 1. С. 15-21.
2. Бреслав Г.М. Психология эмоций. М.: Смысл, 2004. 544 с.
3. Выготский Л.С. Развитие мышления подростка и образование понятий //Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б.Элькониной. М.: Педагогика, 1984. 432 с. С. 40-110.
4. Защирина О.В. Эмоциональный компонент невербальной коммуникации // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г.

- Леонтьева /Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, Н.Я. Большуновой. Новосибирск: НГПУ, 2015. С. 156-164
5. Защиринская О.В. Невербальная коммуникация лиц с умственной отсталостью: теоретический абрис проблемы с позиции когнитивно-поведенческого подхода // Наука. Мысль. 2016. № 6-2. С. 80-87.
 6. Кошенова М.И. Дефицитарность социального интеллекта как предиктор делинквентного поведения подростков // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография /А.Л.Журавлев [и др.]; под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: НГПУ, 2017. С. 89-102.
 7. Лимонченко Р.А. Психологическое обоснование использования метода формирующего эксперимента при сопровождении подростков группы риска в условиях образовательного учреждения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 1621-1625. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970651.htm>.
 8. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: учебное пособие. М.: МЕДпресс-информ, 2008. 432 с.
 9. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2006. С. 170-219.
 10. Мясищев В.Н. Личность и труд аномалийного ребенка // Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960. С. 32-51.
 11. Мясищев В.Н. Личность ребенка невротика // Дети психоневротики и учебно-воспитательная работа с ними / под ред. В.Н. Мясищева, Н.И. Озерецкого. М.-Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. С. 5-19.
 12. Мясищев В.Н. Личность ребенка-невротика // Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960. С. 52-67.
 13. Мясищев В.Н. Проблема отношения человека и её место в психологии // Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960. С. 209-230.
 14. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон: монография / под ред. А.А. Реана. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 479 с.

References:

1. Belobrykina O.A., Limonchenko R.A. Deskriptivnye harakteristiki social'nyh jemocij u podrostkov s otklonjajushhimsja povedeniem // Smal'ta. 2016. № 1. S. 15-21.

2. Breslav G.M. Psihologija jemocij. M.: Smysl, 2004. 544 s.
3. Vygotskij L.S. Razvitie myshlenija podrostantka i obrazovanie ponjatij //Sobranie sochinenij: v 6-ti t. T. 4. Detskaja psihologija / Pod red. D.B.Jel'konina. M.: Pedagogika, 1984. 432 s. S. 40-110.
4. Zashhirinskaja O.V. Jemocional'nyj komponent neverbal'noj kommunikacii // Psihologija motivacii: proshloe, nastojashhee, budushhee materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 85-letiju doktora psihologicheskikh nauk, pochetnogo professora NGPU V. G. Leont'eva /Pod nauch. red. O.A. Belobrykinoj, N.Ja. Bol'shunovoj. Novosibirsk: NGPU, 2015. S. 156-164
5. Zashhirinskaja O.V. Neverbal'naja kommunikacija lic s umstvennoj otstalost'ju: teoreticheskij abris problemy s pozicii kognitivno-povedencheskogo podhoda // Nauka. Mysl'. 2016. № 6-2. S. 80-87.
6. Koshenova M.I. Deficitarnost' social'nogo intellekta kak prediktor delinkventnogo povedenija podrostantkov // Social'no-psihologicheskaja ocenka riskov sovremennoj real'nosti: ochevidnoe i verojatnoe: monografija /A.L.Zhuravlev [i dr.]; pod nauch. red. O.A. Belobrykinoj. Novosibirsk: NGPU, 2017. S. 89-102.
7. Limonchenko R.A. Psihologicheskoe obosnovanie ispol'zovanija metoda formirujushhego jeksperimenta pri soprovozhdenii podrostantkov gruppy riska v uslovijah obrazovatel'nogo uchrezhdenija // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2017. T. 39. S. 1621-1625. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970651.htm>.
8. Mendeleevich V.D. Klinicheskaja i medicinskaja psihologija: uchebnoe posobie. M.: MEDpress-inform, 2008. 432 s.
9. Muhina V.S. Vozrastnaja psihologija. Fenomenologija razvitija: uchebnyk dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M.: IC «Akademija», 2006. S. 170-219.
10. Mjasishhev V.N. Lichnost' i trud anomalijnogo rebenka // Lichnost' i nevrozy. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1960. S. 32-51.
11. Mjasishhev V.N. Lichnost' rebenka nevrotika // Deti psihonevrotiki i uchebno-vospitatel'naja rabota s nimi / pod red. V.N. Mjasishheva, N.I. Ozereckogo. M.-L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1934. S. 5-19.
12. Mjasishhev V.N. Lichnost' rebenka-nevrotika // Lichnost' i nevrozy. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1960. S. 52-67.
13. Mjasishhev V.N. Problema otnoshenija cheloveka i ejo mesto v psihologii // Lichnost' i nevrozy. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1960. S. 209-230.
14. Psihologija deviantnosti. Deti. Obshhestvo. Zakon: monografija / pod red. A.A. Reana. M.: JuNITI-DANA, 2016. 479 s.

Сведения об авторе:

Лимонченко Роман Андреевич – студент 5 курса факультета психологии по направлению подготовки «Педагогика и психология девиантного поведения», Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).

Научный руководитель – Белобрыкина Ольга Альфонсасовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии НГПУ.

Фредерик Ч. Бартлетт и его теория схемы: современный взгляд

Макарова Елена Александровна

Таганрогский институт управления и экономики, Россия

e-mail: makarova.h@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вкладу британского психолога Фредерика Бартлетта в изучение памяти в частности и роли, которую сыграла его «теория схем» в развитии когнитивной психологии в целом.

Ключевые слова: визуализация, запоминание, теория схем, фоновые культурные знания, содержательная теория обучения, бессознательное, реконструкция.

Frederic Charles Bartlett and his schema theory: modern view

Makarova Elena Aleksandrovna

Taganrog Management and Economics Institute, Russia

e-mail: makarova.h@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a British psychologist Frederic Bartlett's contribution to remembering study in particular and the role his "schema theory" played in cognitive psychology development as a whole.

Keywords: visualization, remembering, schema theory, background cultural knowledge, meaningful learning theory, unconscious, reconstruction.

Роль визуальных образов в современном обществе, таких как рекламные ролики и щиты, видеоряд, пиктограммы, эмоджи и компьютерные заставки, возрастает с каждым днем. Визуализация особенно относится к образованию и к организации информации для учения и обучения в схемы, называемые когнитивными моделями, для лучшего запоминания и долгого хранения этой информации в памяти.

В повседневной жизни люди также часто полагаются на когнитивные модели или схемы того, как работает мир, чтобы организовать свое восприятие

событий и определить, как действовать в той или иной ситуации. Эти модели составляют большую часть структуры бессознательного, на котором основано наше сознательное мышление и принятие решений. Схемы подсказывают нам, что такое повседневные объекты и поведенческие нормы; как идентифицировать ситуации; типы людей и роли, которые они играют в жизни. В самом широком смысле схемы - это модели физического, социального и психологического мира, в котором мы живем, и размещаем в нем физически и психологически других членов общества. Несомненно, существуют случаи, когда мы решаем отдельную конкретную задачу, не опираясь на общую модель, но чаще всего процесс идентификации и «подгонки» в общую модель является автоматическим и мгновенным. Так, например, каждый день обычный человек выполняет большое количество прекрасно адаптированных и скоординированных движений. Всякий раз, когда они располагаются в серии, каждое последующее движение выполняется так, как если бы оно находилось под контролем и направлением предыдущих движений в той же серии. Однако, как правило, адаптивные механизмы организма не требуют какого-либо определенного осознания, когда это касается изменения положения или изменения вектора движения. Однако при каждом телесном движении происходит огромное количество микро-движений, и каждое движение выполняется так, как если бы положение, достигнутое движущимися конечностями на предыдущем этапе, каким-то образом регистрировалось, и информация хранилась в памяти.

То, как происходит запоминание новой информации, как эта новая информация «входит» составной частью в уже имеющиеся в памяти схемы, как происходит хранение фактов в памяти и актуализация их по мере необходимости, - все это объяснил сэр Фредерик Чарльз Бартлетт, известный британский психолог, который изучал память и ее особенности, в 1932 году в своей главной работе «Запоминание: исследование в области экспериментальной и социальной психологии» [4]. Ф. Бартлетт выдвинул концепцию, согласно которой воспоминания о прошлых событиях и переживаниях являются фактически умственными реконструкциями, которые окрашены культурными установками и личностными смыслами, а не являются прямыми воспоминаниями о наблюдениях, сделанных во время запоминания, тем самым он заложил основу для более позднего исследования своей «теории схем».

Ф. Бартлетт показал, что очень мало событий действительно воспринимается во время их возникновения, но при восстановлении этих событий в памяти пробелы в восприятии заполняются с помощью хранящегося

в памяти предыдущего опыта. Более поздняя работа «Мышление: экспериментальное и социальное исследование» (1958) не сломала новую теоретическую основу, но добавила замечания о социальном характере человеческого мышления [5].

Главным в трудах Ф. Бартлетта стало понятие «схемы» - бессознательной ментальной структуры, которая представляет собой общие (видовые) знания человека о мире. Благодаря схемам старые знания влияют на новую информацию. Схемы используются в социальных науках как ментальные структуры, которые человек использует для организации знаний и руководства когнитивными процессами и социально приемлемым поведением. Люди используют схемы для категоризации объектов и событий на основе общих элементов и характеристик и, таким образом, интерпретируют и предсказывают мир и события в нем. Новая информация обрабатывается в соответствии с тем, как она вписывается в эти ментальные структуры или правила. В социальных науках, особенно в когнитивной науке, понимается, что люди извлекают знания из разных областей, чтобы делать выводы о недостающей или еще не доказанной информации, например, при принятии решений или политической оценке. Схемы представляют собой способ охарактеризовать определенные события или объекты, определяемые самопознанием и культурно-политическим фоном. Примеры схем включают воспринимаемые социальные роли, культурные стереотипы и эмоционально-психологическую и познавательно-интеллектуальную сторону мировоззрения.

Ф. Бартлетт воспринимал организованные знания как сложную сеть абстрактных ментальных структур, которые представляют понимание мира человеком, и изучал влияние культурного фона на толкование и запоминание определенных событий. Например, в одном из своих наиболее известных исследований он изучил вопрос о том, могут ли испытуемые вспомнить события в рассказе, которые сильно отличаются от их собственного культурного фона, и показал, что чем больше отличается собственный культурный фон от того, который представлен в истории, предъявляемой для запоминания, тем менее вероятно то, что участники смогли бы запомнить эту историю. Ф. Бартлетт пришел к выводу, что участники исказили представленную историю в пользу своих собственных культурных стереотипов, а детали, которые было трудно интерпретировать, были забыты, поскольку они не соответствовали представлениям и не подходили к собственным ментальным схемам участников.

В общем, при использовании теории схем любой обучаемый активно строит схемы и пересматривает их в свете многократного воздействия новой

информации. Здесь важно отметить, что каждая схема уникальна и зависит от опыта конкретного человека и когнитивных процессов.

Исследование дало толчок использованию теории схем в различных сферах и разными учеными, одни из которых полностью поддержали теорию Ф. Бартлетта и внесли немалый вклад в ее развитие, другие не соглашались и опровергали ее, тем самым тоже внося вклад в науку.

Американский психолог Дэвид Аусюбель представил свою «содержательную теорию обучения» [3], в которой утверждал, что существует иерархическая организация знаний и что новая информация может быть включена в уже существующую иерархию. В отличие от него, швейцарский психолог Жан Пиаже утверждал, что для учащихся доступно не более одного уровня знаний, что существует сеть контекстно-специфических знаний и что люди применяют эти знания в соответствии с конкретными ситуациями [1].

Схемы позволяют воспринимать всю картину события или объекта на основе частичных информационных структур и когнитивного равновесия. Такая ссылка возможна, потому что каждая схема имеет основную категорию, так называемый «слот», который соединяет разные семантические решетки. Например, в главном слоте «дом» хранятся информация «стена», «крыша» и «пол», и в контексте взаимоотношений между частями можно сделать вывод о том, что в доме есть стена, крыша, пол и какие функции они выполняют. Более того, каждая схема разрабатывается таким образом, чтобы упростить выводы представленной концепции. Например, если известно, что объект является дверью, то, согласно определению «двери» в схеме, мы можем предположить, что у нее есть замок, ручка и петли, а также предположить ее функции.

В 1981 году американские исследователи Уильям Брюэр и Джеймс Трейнс изучили влияние схем на человеческую память. В их исследовании 30 человек были доставлены в кабинет главного следователя, и им было предложено подождать. Через 35 секунд испытуемым было предложено покинуть комнату и перечислить все, что они могли вспомнить, находясь там. Эксперимент показал, что испытуемые могли вспомнить все те объекты, которые вписываются в их схему «офисной комнаты», однако у них было ошибочное воспоминание о тех предметах, которые не были частью подобной схемы. Например, 29 из 30 испытуемых вспомнили, что в офисе есть стул, письменный стол и стены, но только восемь могли вспомнить анатомический череп на столе или блокнот. Интересно, что девять участников эксперимента упомянули, что видели книги, но на самом деле в офисе не было книг. Возможность запоминать книги, которых не было среди этих объектов,

показывает, что память об определенных местах зависит от схем, связанных с этими типами мест [1].

Некоторые стратегии упрощения схем включают в себя стереотипы и архетипы, которые используются в процессе принятия решений. Предварительные знания играют определенную роль в когнитивной обработке, поскольку ранее существующие схемы часто необходимо активировать для связи с новой информацией. Это описано в литературе как «стимулирующий фон прежнего знания». Учителя, например, активируют предварительные знания учеников, читая заголовок и подзаголовок, прежде чем начинать новый текст, рассматривают рисунки и графики в учебнике вместе с учениками, чтобы ученики могли «оттолкнуться» от имеющихся у них знаний для изучения нового учебного материала.

Сэр Фредерик Бартлетт по праву считается одним из пионеров современной когнитивной психологии. После его смерти известный текст «Запоминание» (1932) становится общепризнанным и имеет непосредственное отношение к современной когнитивной психологии по сей день. Ф. Бартлетт не только остается одним из самых цитируемых авторов в когнитивной психологии, его вклад в современную психологию является общепризнанным.

Предложение о том, что запоминание не является репродуктивным, а скорее реконструктивным, а, следовательно, неизбежно ненадежным, используется не только в когнитивной психологии, но и в других ее отраслях.

Теоретические подходы к памяти варьировались по ряду полярностей, в том числе процедурные или репрезентативные, явные или неявные, декларативные против недеklarативных, когнитивные и социальные. Но, возможно, одна из самых простых полярностей была между репродуктивными и реконструктивными теориями запоминания.

Репродуктивная теория утверждает, что память может основываться на «неизменяемых следах» и, как правило, идентифицируется с З. Фрейдом: то, как ведет себя память во сне, безусловно, наиболее важно для любой теории памяти в целом, «каждое впечатление, даже самое незначительное, оставляет неизменный след» [2, С. 19]. Прямо противоположное положение, что память по своей сути является реконструктивной, отождествляется с Ф. Бартлеттом и его классическим текстом «Запоминание» (1932). Этот труд Ф. Бартлетта, безусловно, согласуется с общим субъективистским подходом в современной когнитивной психологии и с активной, преобразующей ролью «знающего».

У. Найссер, самый современный последователь конструктивистского подхода к памяти, признавал свой долг перед Бартлеттом на протяжении многих лет: «Следуя Бартлетту, я сам часто метафорически описывал

воспоминания как конструкции, то есть как искусно изготовленные изделия из доступных частей, предназначенных для конкретных целей. Из-за того, что они - конструкции, а не копии, они часто могут быть ошибочными, даже если человек явно нацелен на запоминание», У. Найссер использовал аналогию с восстановлением динозавра из нескольких костных обломков [7].

Ф. Бартлетт показал, что, когда люди читают историю, их понимание и запоминание о ней не являются достоверными изображениями. Они основаны на уникальных социальных схемах, доступных любому читателю; эти схемы усваивают характерные детали и эмоциональный тон истории и впоследствии, если нужно вспомнить, необходимо создать эту конструкцию более или менее точно [8, С. 102]. Таким образом, память, как и восприятие, является избирательной и интерпретирующей. Это предполагает воссоздание и реконструкцию событий.

Воспоминание - это не повторное возбуждение бесчисленных фиксированных, безжизненных и фрагментарных следов. Это творческая реконструкция, построенная из нашего отношения к активной массе организованных прошлых реакций или опыта и к небольшой особой детали, которая обычно появляется в образе или в языковой форме. Таким образом, воспоминание почти никогда не бывает точным даже в самых элементарных случаях повторного воспроизведения, и совсем не важно, чтобы это было так. Личностные смыслы буквально являются результатом способности памяти пользоваться своими «схемами» и непосредственно являются функцией сознания.

Список литературы:

1. Пиаже Ж. Психология интеллекта. М.: Питер, 2004. С. 2-3.
2. Фрейд З. Толкование сновидений / под общ. ред. Е. С. Калмыковой, М. Б. Аграчевой, А. М. Боковикова. М.: Фирма СТД, 2005.
3. Ausubel D.P. The psychology of meaningful verbal learning. New York: Grune&Stratton, 1963.
4. Bartlett F. C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
5. Bartlett F. C. Some problems of scientific thinking // Ergonomics. 1959, Vol. 2. № 3. (в рус. пер.- Психика человека в труде и игре, М., 1959).
6. Brewer W. F., Treyns J. C. Role of Schemata in Memory for Places // Cognitive Psychology. 1981. Vol. 13. P. 207-230.

7. Neisser U. Intelligence: Knowns and Unknowns // American Psychologist. 1996. Vol. 51. P. 77-101.
8. Oatley K. Why Fiction May Be Twice as True as Fact: Fiction as Cognitive and Emotional Simulation // Review of General Psychology. 1999. Vol. 3. № 2. P. 100-117.

References:

1. Piazhе Zh. Psihologija intelekta. M.: Piter, 2004. S. 2-3.
2. Frejd Z. Tolkovanie snovidenij / pod obshh. red. E. S. Kalmykovej, M. B. Agrachevoj, A. M. Bokovikova. M.: Firma STD, 2005.
3. Ausubel D.P. The psychology of meaningful verbal learning. New York: Grune&Stratton, 1963.
4. Bartlett F. S. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
5. Bartlett F. S. Some problems of scientific thinking // Ergonomics. 1959, Vol. 2. № 3. (v rus. per.- Psihika cheloveka v trude i igre, M., 1959).
6. Brewer W. F., Treyens J. C. Role of Schemata in Memory for Places // Cognitive Psychology. 1981. Vol. 13. P. 207-230.
7. Neisser U. Intelligence: Knowns and Unknowns // American Psychologist. 1996. Vol. 51. P. 77-101.
8. Oatley K. Why Fiction May Be Twice as True as Fact: Fiction as Cognitive and Emotional Simulation // Review of General Psychology. 1999. Vol. 3. № 2. P. 100-117.

Сведения об авторе:

Макарова Елена Александровна, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики (Таганрог, Россия).

История психологических понятий, методов, проблем

Особенности самодетерминации студентов в учебном процессе

Блохина Тамара Самвеловна

Российский новый университет (РосНОУ), Россия

e-mail: learningnow@yandex.ru

Научный руководитель: Агапов Валерий Сергеевич

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ научных подходов к понятию «самодетерминация», как к способности регулировать учебный процесс студентов. Выявлены закономерности развития и существенные признаки самодетерминации в период студенчества. В заключении автор анализирует влияние самодетерминации студента на учебный процесс.

Ключевые слова: самодетерминация, студент, учебный процесс, самоактуализация, когнитивные способности.

Specificity of self-determination of students in educational process

Blokhina Tamara Samvelovna

Russian New University, Russia

e-mail: learningnow@yandex.ru

Scientific Advisor: Agapov Valery Sergeevich

Abstract. The article presents the theoretical analysis of scientific approaches to the concept of «self-determination» as to the ability to regulate the educational process of students. The regularities of development and the essential characteristics of self-determination in the period of students. In conclusion, the author analyzes the influence of self-determination of the student on the educational process.

Keywords: self-determination, student, educational process, self-actualization, cognitive ability.

Термин «самодетерминация» был разработан американскими учеными Э. Деси и М. Райном, как способность, направленная на сознательный процесс, используя свои мотивационные ресурсы для реализации своих интересов. Самодетерминация является врожденной склонностью, направленность которого зависит от взаимодействия личности с окружающим миром. Э. Деси утверждает, что с помощью повышения уровня самодетерминации возможно понизить уровень стресса или избавиться от раздражительности и агрессии [1; 4, С.164].

Исходя из того, что теория самодетерминации включает в себя компетентность, взаимосвязь с другими людьми, основываясь на внутренней мотивации (ситуативной, ситуативно-ценностной, субъективно-ценностной), она формирует способности студентов в самостоятельности принятия личного выбора, опираясь на самоосознание и самоактуализацию.

Самодетерминация, по мнению Б.Ф. Ломова, не заключается только в том, что личность научается произвольно регулировать свое поведение. Важно то, что в процессе развития на определенной его стадии личность начинает сама сознательно организовывать свою собственную жизнь, а значит, и определять свое собственное развитие, в том числе и психическое [3].

Студенчество описывается как период развития у личности способностей логически мыслить, быстро запоминать и переключать внимание, находить решение в любых сложившихся ситуациях. Студенчество для личности является временем самоконтроля, самопознания, самообразования, самонахождения и самоактуализации в той или иной деятельности. Это время постановки и достижения желаемых целей, с преодолением возникающих препятствий на пути к этим целям, в этот период времени развиваются и укрепляются такие качества как: организованность, целеустремленность, самостоятельность, энергичность, настойчивость, инициативность и сознательность своего поведения.

Студенчество объединяет группу людей в социальное общество, которое имеет одну общую цель (получить образование), нередко на 2 курсе меняется мнение о выбранной будущей профессии, на решение этого вопроса влияют поставленные личностью цели и интересы к тем или иным видам деятельности.

Слово «студент» берет свое начало с Древнего Рима и в переводе с латинского означает "занимающийся". До начала XII века, так называли всех людей, занимающихся познанием, в современной науке слово «студент» описывает учащегося в колледже и вузе.

Характерной чертой нравственного развития в этом возрасте является усиление сознательных мотивов поведения. Заметно укрепляются те качества,

которых не хватало в полной мере в старших классах – целеустремленность, решительность, настойчивость, самостоятельность, умение владеть собой [2; 6, С. 44-45].

Развивая личность студента, необходимо раскрывать и совершенствовать когнитивные способности (мотивация к самоизменению и личностному (духовно-внутреннему) росту, приобретение средств познания и исследования окружающего мира, возможность и реализации); интеллектуальные (рассудительность, оригинальность, интуитивность, познавательность, концептуальность, проницательность); психологические (физическое и психическое развитие, формирование своего собственного Я, самосознание, личностный и эмоциональный характер мышления). Задача преподавателей, создать условия для поиска и анализа или осмысления нравственных категорий личности студента.

Преподаватель ведет студента по пути самовоспитания и самообразования, осознания своей сущности, выбирать эффективные стратегии поведения в конфликтах, договариваться, организовывать и вести совместную деятельность [5].

Таким образом, от того насколько студент самодетерминирован зависит процесс его самореализации, способность свободного выбора в самовыражении, так как объективный характер не формируется в строгих рамках контроля внешней среды. Однако невозможно, сформировать самодетерминацию в учебном процессе, так чтобы студент ощущал непринужденность в выборе, рассматривая круг своих увлечений и способностей, и имел внутренние резервы в развитии выбранной профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана // Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Академия. 2006. 332 с.
2. Кант И.О. О темпераменте // Психология индивидуальных различий. Тексты. М., 1982. С. 8.
3. Ломов Б.Ф. Системность в психологии // Под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной и В.А. Пономаренко. М.: Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
4. Мартынова М.А., Богомаз С.А. Самодетерминация в структуре личностного потенциала современной российской молодежи // Психология и педагогика. 2012. № 11. С. 164.

5. Петраков М.А., Морозов С.В. Личность студента в целостном образовательном процессе вуза // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2016. № 4 (56).
6. Пьянова Е. Н. Нравственно-психологическая устойчивость личности как фактор противодействия негативным влияниям социальной среды // Молодой ученый. 2014. № 17.1. С. 44-45.

References:

1. Gordeeva T.O. Teorija samodeterminacii Je. Desi i R. Rajana // Psihologija motivacii dostizhenija. M.: Smysl; Akademija. 2006. 332 s.
2. Kant I.O. O temperamentе // Psihologija individual'nyh razlichij. Teksty. M., 1982. S. 8.
3. Lomov B.F. Sistemnost' v psihologii // Pod red. V.A. Barabanshnikova, D.N. Zavalishinoj i V.A. Ponomarenko. M.: Voronezh: NPO «MODJeK», 1996.
4. Martynova M.A., Bogomaz S.A. Samodeterminacija v strukture lichnostnogo potenciala sovremennoj rossijskoj molodezhi // Psihologija i pedagogika. 2012. № 11. S. 164.
5. Petrakov M.A., Morozov, S.V. Lichnost' studenta v celostnom obrazovatel'nom processe vuza // Vestnik Brjanskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii. 2016. № 4 (56).
6. P'janova E. N. Nравstvenno-psihologicheskaja ustojchivost' lichnosti kak faktor protivodejstvija negativnym vlijanijam social'noj sredy // Molodoj uchenyj. 2014. № 17.1. S. 44-45.

Сведения об авторе:

Блохина Тамара Самвеловна, студентка, Российский новый университет (РосНОУ) (Москва, Россия).

Научный руководитель: Агапов Валерий Сергеевич, доктор психологических наук, профессор.

История становления понятия «нарушение пищевого поведения»

Кривова Екатерина Сергеевна

Воронежский государственный университет, Россия

e-mail: katril.m@yandex.ru

Научный руководитель: Макушина Ольга Петровна

Аннотация: В этой статье прослеживается становление воззрений на нарушения пищевого поведения от античности до современного этапа, выделение отдельных его видов – нервной анорексии и нервной булимии, анализ результатов данного исторического развития и перспективы исследований.

Ключевые слова: пищевое поведение, нарушение пищевого поведения, нервная анорексия, нервная булимия, пища, расстройство.

History of formation of concept "eating disorder"

Krivova Ekaterina Sergeevna

Voronezh State University, Russia

e-mail: katril.m@yandex.ru

Scientific Advisor: Makushina Olga Petrovna

Abstract: This article traces the development of views on eating disorders, from antiquity to the modern stage, the selection of its types – anorexia nervosa and bulimia nervosa, the analysis of the results of this historical development and future prospects.

Keywords: eating behavior, eating disorders, anorexia nervosa, bulimia nervosa, food, disorder.

Пищевое поведение – базовое поведение индивида, необходимое для выживания и существования. Поэтому пищевое поведение, которое препятствует нормальному функционированию организма, находится в фокусе внимания мыслителей и ученых со времен античности.

В культурах разных народов не приветствовалось как излишняя озабоченность едой («чревоугодие» в христианских воззрениях считается одним из грехов), так и отказ от употребления пищи. Однако, в некоторых народах, таких как культура спартанцев, аскетизм являлся признаком сильного духа. А поведение, сходное с булимией, наблюдалось в высших слоях общества. Римские императоры Клавдий и Вителлий прибегали к очищению желудка во время пиршеств. Четко сказать, что у них была нервная булимия нельзя, так как отсутствуют сведения о их желании сохранять стабильный вес. Многие врачи того времени специально прописывали слабительные, считая, что болезни тела возникают из-за пищи.

Позднее, с приходом христианства, аскетизм начал считать даже признаком святости – отказ от базовых биологических потребностей приводит к духовному росту (например, святая Катерина, жившая в 14 веке, страдала от анорексии). Здесь мы можем увидеть позитивный взгляд на нарушение пищевого поведения, связанное с отказом от пищи, который неприемлем для современной европейской культуры. И негативный взгляд на избыточное потребление пищи, что в современных терминах мы можем назвать «булимия» и «ожирение». Но существуют свидетельства, что некоторые христианские святые прибегали к очистительным мерам (святая Мария Магдалена де Паззи и святая Вероника, жившие в 16-17 веках). Рвота выполняла функцию искупления грехов.

К сожалению, долгий период времени ученые не обращались к проблеме булимии, так как было тяжело дифференцировать заболевание и его симптомы из-за внешней благополучности людей с этим расстройством.

В 1155 г. в трудах Авиценны есть описания юношей, отказывающихся от приема пищи, чье поведение схоже с признаками нервной анорексии.

И только в 1689 году английский психиатр Ричард Мортон впервые описал нервную анорексию. Он понимал под этим состояние истощения организма, вызываемым грустью и тревожной щепетильностью.

В 1860 году Луис-Виктор Марсе, учитель Шарко, описал синдром отказа от пищи, являющийся психологическим, а не соматическим заболеванием. Таким образом, данное явление перешло в разряд психологических и психиатрических феноменов, а лечение нервной анорексии заключалась в изменении внутреннего мира больного и улучшением психологического климата в семейной системе.

1873 год знаменуем тем, что Ч. Ласег опубликовал труд «Истерическая анорексия». Ч. Ласег, как и большинство его современников понимал анорексию как «форму истерии в области желудка». Он описал динамику

развития данного расстройства, выделив в ней три этапа: гастрический, борьба, кахексия. Второй этап «борьба» подразумевает вторичную выгоду пациента от его заболевания, то есть включает психологический компонент.

А в 1874 г. В. Галл опубликовал труд «Нервная анорексия», где под анорексией понимал недостаток аппетита вследствие болезненного психического состояния. В качестве причины он указывал «извращенное эго».

В 1903 году Пьер Жане указывал на сугубо психологический характер расстройства питания и выделял:

- обсессивный тип, при котором больные испытывали отвращение к собственному телу и желание потерять лишний вес.

- истерический тип, при котором аппетит полностью отсутствовал.

Так же, как и на современном этапе, в то время был более распространен обсессивный тип, что связано с общественным влиянием, желанием быть лучше и красивее.

Далее, Д. Дежерин и Е. Гаклер разделили нервную анорексию и нарушение пищевого поведения при депрессии.

Набиравшая в то время популярность психоаналитическая концепция З. Фрейда рассматривала все нарушения пищевого поведения как фиксацию на оральной стадии и неудовлетворение орального рефлекса.

В 1914 году произошло резкая смена взглядов на природу данного заболевания. Морис Симмондс указал на гипофизарную недостаточность у потерявших вес испытуемых. Данная работа помогла обратить внимание не только на психологический аспект проблемы, но и изучить его физиологические основы.

В 1930 году в своей исследовании Берман указал на вторичность физиологических симптомов и их обратимость при психотерапевтическом вмешательстве.

Джон Райл в своей работе, опубликованной в журнале «Ланцен» в 1936 г. подчеркивал не органическую природу заболевания, а сформированную пагубную привычку голодать.

1940-е годы были знаменательны возвращением психоаналитического подхода в рассмотрении расстройств пищевого поведения. Такие авторы, как Д. Валлер, М. Кауфман, Ф. Дутч в качестве причины указывали страх орального зачатия и бессознательные фантазии по этому поводу в случае нервной анорексии. В этот период начинается обращение к проблеме нервной булимии не как к случайным эпизодам, а как к заболеванию, имеющие свои симптомы, причины и возможные методы лечения. Психоаналитики указывали, что

приступы переедания могут быть вызваны бессознательным желанием получить оральное удовольствие, заполнить пустоту внутри, получить любовь.

В 1942 году публикуется книга Ф. Перлза, описывающая помимо всего прочего и нарушения пищевого поведения, под которыми понимается нарушение контакта со средой и фрустрация дентальной агрессии.

Начиная с 70-х годов XX века утвердилось понимание расстройств пищевого поведения, которое включает в себя психологический и физиологический компонент. Многие исследователи стали изучать факторы, которые способствуют формированию этого нарушения, так как симптоматика отдельных клинических случаев была описана достаточно.

Х. Рассел (1970) рассматривал нервную анорексию как болезненный страх полноты.

Д. Буч (1973) понимал под нервной анорексией борьбу пациентки за автономию, правоспособность, контроль и самоуважение.

А. Крисп (1980) нервная анорексия – это попытка субъекта справиться со страхами и конфликтами, ассоциированными с психобиологическим созреванием.

В 1980 году была опубликована DSM-III и включала в себя такое расстройство, как «булимия».

Затем, с развитием психологии как науки, ученые стали обращать внимание на более частные проявления нарушений пищевого поведения, а так же на стадию «до», то есть на предшествующие этапы, не достигших полноты клинической картины.

В России разработка данной проблемы не проходила так широко, имеются указания на работы А. А. Киселя (1894), Ю. Н. Белицкого (1906), рассматривавших заболевание в структуре невротических (в т. ч. истерических) расстройств. На современном этапе имеется ряд исследователей, разрабатывающие терапию и методы лечения данных нарушений: М. В. Коркина, М. А. Цивилько, В. В. Марилов, Е. Е. Балакирева, И. А. Козлова и др.

На современном этапе под нарушениями пищевого поведения понимают психологические нарушения, характеризующиеся ненормальными привычками в области пищевого поведения, которые могут включать недостаточное или чрезмерное потребление пищи в ущерб физическому и психическому здоровью [2].

Под нервной анорексией - нарушение приема пищи, характеризующееся потерей веса, чрезмерным страхом полноты, искаженным представлением о своем внешнем виде и глубокими обменными и гормональными нарушениями [1].

Под нервной булимией - нарушение приема пищи, характеризующееся повторяющимися эпизодами неумеренной еды, сопровождаемыми неправильным употреблением легких слабительных средств и самоиндуцированной рвотой [3].

Таким образом, представление о нарушениях пищевого поведения имело долгий путь, прежде чем оформиться и занять прочное место. Сейчас существование нервной булимии, нервной анорексии, а так же более частных понятий не вызывает сомнений. Многие личностные характеристики лиц с данными нарушениями описаны, разработаны методы лечения. Перспектива в развитии данного понятия нам видится в уточнение теории, формирование целостной концепции пищевого поведения, а так же исследование «до психиатрических» стадий, для более эффективной профилактики данных заболеваний.

Список литературы:

1. Дефектология словарь-справочник / Под. ред. Б.П. Пузанова. М.: Новая школа, 1996. 80 с.
2. Коркина М. В. Нервная анорексия непроцессуальной природы (к вопросу о ее нозологической принадлежности и взаимоотношениях с синдромом дисморфомании) // Клиническая динамика неврозов и психопатий. Санкт-Петербург, 1997. С. 138-148.
3. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера : в 2-х т: Т.1. / Пер. с англ. Чеботарева Е.Ю. М.: Вече АСТ, 2003. 592 с.

References:

1. Defektologija slovar'-spravochnik / Pod. red. B.P. Puzanova. M.: Novaja shkola, 1996. 80 s.
2. Korkina M. V. Nervnaja anoreksija neprocessual'noj prirody (k voprosu o ee nozologicheskoj prinadlezhnosti i vzaimootnoshenijah s sindromom dismorfomanii) // Klinicheskaja dinamika nevrozov i psihopatij. Sankt-Peterburg, 1997. S. 138-148.
3. Oksfordskij tolkovyj slovar' po psihologii / Pod red. A. Rebera : v 2-h t: T.1. / Per. s angl. Chebotareva E.Ju. M.: Veche AST, 2003. 592 s.

Сведения об авторе:

Кривова Екатерина Сергеевна, студентка 1 курса магистратуры факультета Философии и психологии, направление «Психология личности», Воронежский государственный университет (Россия).

Научный руководитель: Макушина Ольга Петровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Воронежский государственный университет.

Становление понятия «образ тела» в психологической науке

Сушкова Елена Вячеславовна

Воронежский государственный университет, Россия

e-mail: lenka.s.v@mail.ru

Аннотация: История становления понятия «образ тела» насчитывает не одно десятилетие. С годами понимание данного феномена трансформировалось. Первоначально оформляясь в рамках медицины, впоследствии понятие «образ тела» приобрело психологическое содержание. Продолжающееся углубление научного понимания данного феномена позволяет проводить его эмпирические исследования, приобретающие особую актуальность в условиях повышения социальных требований к внешности человека.

Ключевые слова: дисморфофобия, Я-концепция, Образ Я, образ тела, схема тела, телесность.

Formation of concept "body image" in psychology

Sushkova Elena Vyacheslavovna

Voronezh State University, Russia

e-mail: lenka.s.v@mail.ru

Abstract: The history of the formation of the concept of "body image" totals more than one decade. Over the years the understanding of this phenomenon has changed. Originally it was formed in medicine, later the concept of "body image" acquired the psychological content. The ongoing deepening of scientific understanding of this phenomenon allows to carry out the empirical researches, which are of particular relevance in terms of increased social demands on a person's appearance.

Keywords: dysmorphic disorder, self-concept, self-image, body image, body schema, physicality.

Сегодня в психологической науке утвердилось мнение о значимости в развитии личности процессов социализации. Специфика влияния социума на человека определяется исторической средой, эпохой, в которой он живет. Наш

век – время мобильности, динамики и скорости. Предъявляемые требования вынуждают людей ориентироваться на самих себя, нести ответственность за собственные успехи и неудачи. Социум диктует каноны внешнего вида, моделей поведения. Значимым критерием успеха и одобрения является тело человека, соответствие параметрам и ожиданиям эпохи. Это оказывает актуализирующее влияние на развитие и изучение такого феномена в психологии как образ тела.

Интересен тот факт, что понятие образа тела появилось раньше, чем был сформулирован и признан психологической наукой сам термин. Раскрывалось оно в рамках медицины, после описания врачом Морселли в 1886 году искажения образа тела названного «дисморфофобией».

Понятие «образ тела» было введено в научный обиход в 1935 г. П. Шильдером, который описал его с точки зрения психоанализа. В его понимании образ тела – это визуальное представление собственного тела, которое человек формирует в сознании. Автор рассматривает его как изменяющийся феномен, находящийся в состоянии постоянного развития. В образе тела возникают изменения, вызванные движениями человека. Развитию образа тела способствуют кинестетические ощущения, которые вызваны осознанием дыхания, мышечной деятельности. Понятие образа тела отличают от понятия габитуса (П. Бурдьё), где последнее выступает как сумма индивиду-альных телесных навыков (походка, жестикуляция, манеры, а также стиль одежды) – цельное осажение опыта конкретного человека в «глубине» телесного сознания, внешний облик.

Место образу тела есть и в феномене «Я-концепции», разработанной в 1950 г. в рамках гуманистической психологии. Выделяют три уровня «Я-концепции» [1]:

1. Образ Я, когнитивная составляющая – сами знания и убеждения человека о себе;
2. Самооценка, оценочная составляющая – переживания, вызванные знаниями о себе и интерпретацией реакции окружающих;
3. Поведенческая составляющая – как человек ведет себя в действительности.

Образ тела в рамках «Я-концепции» является частью именно когнитивной составляющей, как одной из сфер, включенной в целостное представление и знание человека о себе.

Исследования содержания образа тела как одного из компонентов самосознания проводились А. А. Налчаджян, В. А. Подорога, Е.Т. Соколовой и др. Этими исследователями образ тела воспринимается в

качестве философского понятия, где категория Я не может быть определена эмпирически. Под воздействием социально-культурных компонентов образ тела изменяется, опосредуя развитие человека. Неосознанное отношение к телу со стороны субъекта делает тело уязвимым и к внешним воздействиям.

Существенное содержание человека проявляется в его опыте телесного проживания. Поэтому, с другой стороны, образ тела – психологический термин и может выступать как эмпирически наблюдаемый и исследуемый объект.

Феномен образа тела в структуре психологического знания неодно-кратно уточнялся и дополнялся. Изначально его рассматривали только в системе описанной нами выше дисморфофобии в сфере медицины. Было выдвинуто предположение о том, что у здорового человека образ тела адекватен его физическим критериям, формируется на основе переработки сенсорной информации, следовательно, является не социальным, а психофизиологическим феноменом [5].

В рамках этого подхода образ тела отождествлялся с таким понятием как «схема тела», что не является допустимым. Образ тела – это осознаваемое субъектом ментальное представление о собственном теле; а схема тела – неосознаваемое внутреннее представление, совокупность информации о структурной организации тела, его динамических характеристиках, текущем и изменяющемся положении его частей [6]. Реальность «образов» отличается от феномена телесного, объединяясь с ощущением или чувством, образ обретает реальность. Если образ тела согласован с внешним видом тела, это характеризует ментальное здоровье.

Не всегда в работах есть и дифференциация феномена образа тела, тела и телесности, хотя они не являются тождественными. В современных исследованиях психологов предполагается, что «тело – телесный – телесность» - однородные понятия, означающие материальный объект, сосуществующий с духом, но духовностью не обладающий, по мнению Е. Э. Газаровой [4]. При этом тело – биологический феномен, воспринимающийся как данное, организмическое, неподвижно существующее в определенный момент времени, обладающее протяженностью, весом, размером. Тело считается данным с рождения с какими-либо достоинствами и недостатками. Телесность же имеет еще и социальный контекст – осознание границ своего тела, самостоятельное воздействие на него, динамичность его развития, владение им. М. А. Богданова [3] указывает, что человеческая телесность есть результат онтогенетического, личностного развития и выражает культурную, индивидуально-психологическую и смысловую составляющие уникального человеческого существа. Образ тела – интегрированное психологическое образование,

складывающееся из представлений человека как о теле, так и о телесности. Это приобретаемый и в течение жизни видоизменяющийся феномен, младенец не рождается с готовым и стабильным образом тела.

Итак, сейчас в психологической науке образ тела понимается как интегральное психологическое образование, результат психического отражения в сознании собственного тела, основанный на его восприятии, эмоциональной оценке и соответствующем поведении.

С. Г. Колесов [1] выделил три доминирующих подхода в изучении образа тела:

1) образ тела как модель собственного тела, выстраиваемая на основе телесных ощущений;

2) образ тела как умственная картина, то есть то, что мы представляем и понимаем под своим телом;

3) образ тела как сложное комплексное единство восприятия, установок, оценок, представлений, связанных с внешностью и функциями тела. Этот третий подход Р. Шонца является доминирующим в психологии.

Сложившееся на сегодняшний день представление о феномене образа тела открывает для психологической науки перспективы эмпирического его изучения как с целью уточнения и наполнения содержанием самого термина, так и для организации практической работы с клиентами, имеющими психологические трудности, вызванные некоторыми телесными особенностями или особенностями восприятия своего тела и его оценки. Все это позволяет сделать вывод о продолжающихся изменениях понимания термина «образ тела».

Список литературы:

1. Белугина Е. В. Внешний облик как культурно-исторический феномен // Российский психологический журнал. 2008. № 3. С. 58-65.
2. Берн Э. Я-концепция и воспитание. М.: Прогресс, 1993. 236 с.
3. Богданова М. А. становление образа тела как проблема рождения личности // Психология телесности: теоретические и практические исследования. URL: http://psyjournals.ru/psytel2009/issue/40808_full.shtml
4. Газарова Е. Э. Гламурная телесность // Философия душевного здоровья и психотерапия. М., 2005. URL: http://telesnost.ru/psi/glamurnaya_telesnost.htm
5. Георгиева Н. Феномен образа тела в психологии URL: http://www.b17.ru/article/fenomen_obraza_tela_v_psihologii/

6. Самозванова Е.А., Андропова Л.О. Проблема телесности в истории психологии. URL: <https://www.rae.ru/forum2012/12/3187>

References:

1. Belugina E. V. Vneshnij oblik kak kul'turno-istoricheskij fenomen // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2008. № 3. S. 58-65.
2. Bern Je. Ja-koncepcija i vospitanie. M.: Progress, 1993. 236 s.
3. Bogdanova M. A. stanovlenie obraza tela kak problema rozhdenija lichnosti // Psihologija telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovanija. URL: http://psyjournals.ru/psytel2009/issue/40808_full.shtml
4. Gazarova E. Je. Glamurnaja telesnost' // Filosofija dushevnogo zdorov'ja i psihoterapija. M., 2005. URL: http://telesnost.ru/psi/glamurnaya_telesnost.htm
5. Georgieva N. Fenomen obraza tela v psihologii URL: http://www.b17.ru/article/fenomen_obraza_tela_v_psihologii/
6. Samozvanova E.A., Andropova L.O. Problema telesnosti v istorii psihologii. URL: <https://www.rae.ru/forum2012/12/3187>

Сведения об авторе:

Сушкова Елена Вячеславовна, студент первого курса магистратуры факультета философии и психологии, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Взгляды ученых на проблему познавательного развития старших дошкольников в условиях игровой компьютерной деятельности

Тарасова Александра Юрьевна

Московский гуманитарный университет, Россия

e-mail: scrash1488@lenta.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается когнитивное развитие старших дошкольников в условиях игровой компьютерной деятельности. Компьютер один из основных, современных инструментов обработки информации. Он может являться средством как обучения, так и выполнять роль важного помощника в воспитании, а также быть полезным в психическом развитии детей дошкольного возраста. Взаимоотношение дошкольников с компьютером обычно сводится к компьютерным играм. Обучающая функция является одной из важнейших в компьютерных играх. Компьютер способствует развитию интеллектуальных способностей дошкольника, помогает воспитывать волевые качества. А также знакомит ребенка с таким понятием как "сопереживание"; что проявляется в помощи героям игр, соответственно обогащает его отношение к окружающему миру.

Ключевые слова: компьютер, компьютерные игры, дошкольный возраст, познавательные способности.

Views of scientists on problem of cognitive development of senior preschool children in conditions of computer gaming activities

Tarasova Alexandra Yurevna

Moscow University for the Humanities, Russia

e-mail: scrash1488@lenta.ru

Abstract: In this article the cognitive development of senior preschool children in the conditions of game computer activity is considered. Computer is one of the main modern instruments of information processing. It can be a means as training, and to carry out a role of the important assistant in education, and also to be useful in mental development of children of preschool age. Relationship of preschool children with the computer usually comes down to computer games. The training function is one of the most important in computer games. The computer promotes development of mental abilities of the preschool child, helps to

cultivate strong-willed qualities. And it also acquaints the child with such a concept as "empathy" what is shown in the help to heroes of games, respectively enriches his relation to the world around.

Keywords: computer, computer games, preschool age, cognitive abilities.

Игра на протяжении всего дошкольного детства выступает ведущим условием развитием психики и личности ребенка. От возможностей взрослого по организации этого первого вида деятельности ребенка зависит успешность формирования личности ребенка. Вся жизнь дошкольника пронизана игровой деятельностью, только так ребенок готов открыть мир для себя и себя миру. Существует мнение многих ученых о том, что игровая деятельность выступает одной из основных форм организации процесса развития, обучения и воспитания в детском саду (Васильева М. А., Венгер Л.А., Выготский Л.С.).

Нужно отметить тот факт, что современное человеческое детство является не только физиологическим, психологическим, педагогическим, но и сложным социокультурным явлением. В данное время дошкольники живут уже в мире, который заметно отличается от того, в котором росли и воспитывались его родители. Отличия заметны в таких традиционных сферах, как игра и игрушки.

Стоит говорить о том, что компьютерные игры стали нашей частью жизни и достаточно часто используются в решении поставленных образовательных задач. Они выступают неким средством для того, чтобы расширить возможности воспитательно - образовательного процесса учебных заведений. Начиная с детского сада и школы, и заканчивая вузом.

Наше общество живет и функционирует в век информационных технологий, и именно их стремительное развитие ведет к тому, что возрастная планка юных пользователей компьютерных технологий снижается. На данный момент большинство детей уже овладели взаимодействием с компьютером. Навыки общения начинаются именно с компьютерных игр. Они заинтересовывают детей, а те в свою очередь, стремятся к экрану монитора, чем к реальным настоящим игрушкам.

Вместе с тем проблема заключается в том, что более сложные виды игр занимают в настоящее время меньшее место (Н.П.Аникеева, М.Е.Усова) в жизни дошкольника. Дети стали меньше играть наяву, их игры не носят творческого, разнообразного и развернутого характера. Нежелание играть в ролевые игры ведет к тому, что детям тяжело усваивать основную образовательную программу, ведь именно в процессе игры происходит процесс

обучения, а соответственно в дальнейшем проявляется успешность подготовки к обучению в школе.

Из-за возрастающей популярности компьютерных игр строились дискуссии среди ученых, педагогов, психологов и родителей. Они были посвящены теме положительного и отрицательного влияния компьютера на детей. И в настоящее время обосновались противоречивые взгляды на то, что компьютерные игры оказывают влияние на познавательное развитие дошкольника. Данная проблематика затрагивается в работах многих ученых-исследователей в рамках изучения развития ребенка: Марцинковская Т.Д., Венгер А.А., Шмелев А.Г., Новоселова С.Л., а также Гуляева Е.В., Соловьева Ю.А. [2, С. 10].

Здесь стоит упомянуть о термине «познавательные способности». Сюда относится широкий спектр психических процессов: ощущение, восприятие, внимание, память, мышление, эмоции, язык, а также распознавание образов, формирование понятий, обучение и процессы развития.

Как считал А.В. Запорожец, в дошкольном возрасте имеют место быть благоприятные условия для развития образных форм познания. Таких как: восприятие, воображение, наглядно-образное мышление. Именно те психологические новообразования, которые сформировались, играют огромное значение для будущей жизни человека [3, С. 122].

Г.В. Солдатова отмечает, что те дети, которые начали рано и интенсивно пользоваться компьютером, он выступает как новое культурное орудие, опосредующее формирование у них высших психических процессов.

Ранее, когда для детей не были доступны компьютеры, развитие психических процессов происходило в непосредственном социальном взаимодействии ребенка и взрослого, а также детей со сверстниками. Что же касается обстановки на сегодняшний день, то компьютер как культурное орудие в значительной степени опосредует такое взаимодействие. Соответственно, на основе культурно-исторической теории Л.С. Выготского, стоит говорить, что высшие психические функции являются социальными по происхождению и формируются обществом и его культурой [7, С. 26].

С точки зрения С.Л. Новоселовой, компьютерные обучающие игры помогают развитию теоретического мышления. Способы действия в игровой среде, а также желаемые результаты, должны быть поняты и осознаны дошкольником, ведь именно они операционально не совпадают с практическим действием ни на уровне привычного наглядно-действенного, ни на уровне наглядно-образного мышления [4, С. 51].

Тихомиров О.К. и Лысенко Е.Е. при помощи экспериментального материала показали, что компьютерные игры благоприятствуют развитию логического мышления и познавательной активности. А также помогают развивать внимание, память, волевые качества, эмоциональную сферу, навыки ориентации в пространстве, умения конкурировать и сотрудничать [8, С. 30].

Шмелев А.Г. анализировал развивающий потенциал и влияние компьютерных игр на развитие дошкольника с использованием эмпирических данных. Он отмечал, что, играя в компьютер, ребенок проявляет активность с искусственным, но все же с каким-то миром [10, С. 102].

Белавина И.Г. подмечает о том, что для того чтобы общение с компьютером преобразовалось в игру, необходимо обучение ребенка навыкам взаимодействия. Также она говорит, что требуется очередность действий, которые управляют программой компьютера, и невозможность заменить одно манипуляторное действие другим [1, С. 68]. По ее мнению, дети не организуют сюжетно-ролевую игру, если это все таки происходит, то при помощи овладения компьютером. Только с помощью определенных приемов педагогики и только вместе со взрослым, дети играют в сюжетно-дидактическую игру.

В процессе игры в компьютер ребенок развивает способность прогнозировать результат действий, планирует и выстраивает логику определенных действий и представлений. Сначала он думает, а потом делает. Все это означает одно: ребенок овладевает основами теоретического мышления, что выступает главным фактором подготовки детей к обучению в школе. В то же время при использовании компьютерных игр развивается "когнитивная гибкость", то есть ребенок находит как можно больше различных решений задачи [9, С. 163].

Компьютерные игры в жизни и развитии ребенка непременно имеют ряд достоинств. Игры являются увлекательным средством интеграции аудио- и видеозаписи, благодаря этому развивается произвольное внимание. А также развитие следует при помощи демонстрации явлений и объектов в динамике. Кроме этого, если ребенок решает правильно игровую задачу, герои сюжета сказок и мультфильмов поощряют его, тем самым у ребенка повышается уверенность в себе. Это особенно важно для детей имеющих заниженную самооценку. Компьютерные игры позволяют моделировать ситуации, которые недоступны для ребенка в повседневной жизни. Но, с другой стороны, данные игры могут нести за собой патологическую окраску. В последствии чего ребенок как бы приобретает виртуальную жизнь, где он может бороться с несуществующими героями, с которыми он никогда не столкнется в

реальности. Воспринимая тот или иной момент, который произошел в компьютерной игре, ребенок как бы отодвигает на второй план реальные жизненные события.

Компьютерные игры не могут заменить традиционную детскую игру, так как не способны удовлетворить главную потребность дошкольника – потребность в межличностном общении со сверстниками. Эмоциональный компонент общения в компьютерных играх со сверстником несколько смазывается и притупляется — эмоции в игре могут и не отражать реального настроения в жизни. Также, в общении со сверстниками путем игры отсутствуют мимика, пантомимика и жестикация. Ведь именно эти компоненты дополняют вербальный компонент межличностного общения. Соответственно, в компьютерных играх теряется богатство и разнообразие коммуникативных действий, а также эмоциональная насыщенность [5, С. 78; 6, С. 104]. Но и полностью исключать компьютерные игры из жизни дошкольника не стоит.

Подводя итог по вышесказанному, нужно отметить, что ребенок должен управлять компьютером, а не наоборот. Дошкольнику важно использование компьютера как средство для решения своих собственных задач развития. Компьютер выполняет роль исключительно как тренажер, а также позволяет развиваться деятельности дошкольника, обогащая его различными способами действий. Компьютер помогает развивать познавательную активность ребенка. Способствует благоприятному эмоциональному фону и социализации личности. Именно компьютерные игры в нашем обществе выступают моделью освоения окружающей действительности. Но не стоит забывать, что они не должны замещать игру детей, а должны дополнять.

Список литературы:

1. Белавина И.Г. Восприятие ребенком компьютера и компьютерных игр // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 62–69.
2. Гуляева Е.В, Соловьева Ю.А. Компьютерные игры в жизни дошкольников// Психологическая наука и образование. 2012. № 2.
3. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М., 1986
4. Новоселова С.Л., Петку Г.П. Компьютерный мир дошкольника. М., 1997.
5. Смирнова Е.О., Радева Р.Е. Психологические особенности компьютерных игр: новый контекст детской субкультуры // Образование и

- информационная культура. Социологические аспекты / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 330–366.
6. Смирнова Е.О., Холмогорова В.М. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция. М., 2005.
 7. Солдатова Г. В. Они другие? // Дети в информационном обществе. 2013. № 14. С. 26
 8. Тихомиров О.К., Лысенко Е.Е. Психология компьютерной игр // Новые методы и средства обучения. М.: Знание, 1988. Вып. 1. С. 30–66.
 9. Халилова Ф.С. Эффективность компьютерных игр в умственном развитии ребенка старшего дошкольного возраста // Культура народов Причерноморья. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2005. № 51. С. 162–165.
 10. Шмелев А.Г. Психодиагностика и новые информационные технологии // Компьютеры и познание. М.: Наука, 1990. С. 87–104.

References:

1. Belavina I.G. Vosprijatie rebenkom komp'jutera i komp'juternyh igr // Voprosy psihologii. 1993. № 3. S. 62–69.
2. Guljaeva E.V, Solov'eva Ju.A. Komp'juternye igry v zhizni doshkol'nikov// Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2012. № 2.
3. Zaporozhec A.V. Izbrannye psihologicheskie trudy: V 2 t. T. 1. Psihicheskoe razvitie rebenka. M., 1986
4. Novoselova S.L., Petku G.P. Komp'juternyj mir doshkol'nika. M., 1997.
5. Smirnova E.O., Radeva R.E. Psihologicheskie osobennosti komp'juternyh igr: novyj kontekst detskoj subkul'tury // Obrazovanie i informacionnaja kul'tura. Sociologicheskie aspekty / Pod red. V.S. Sobkina. M.: Centr sociologii obrazovanija RAO, 2000. S. 330–366.
6. Smirnova E.O., Holmogorova V.M. Mezhlichnostnye otnoshenija doshkol'nikov: diagnostika, problemy, korrekciya. M., 2005.
7. Soldatova G. V. Oni drugie? // Deti v informacionnom obshhestve. 2013. № 14. S. 26
8. Tihomirov O.K., Lysenko E.E. Psihologija komp'juternoj igr // Novye metody i sredstva obuchenija. M.: Znanie, 1988. Vyp. 1. S. 30–66.
9. Halilova F.S. Jeffektivnost' komp'juternyh igr v umstvennom razvitii rebenka starshego doshkol'nogo vozrasta // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. Simferopol': Mezhvuzovskij centr «Krym», 2005. № 51. S. 162–165.

10. Shmelev A.G. Psihodiagnostika i novye informacionnye tehnologii // Komp'jutery i poznanie. M.: Nauka, 1990. S. 87–104.

Сведения об авторе:

Тарасова Александра Юрьевна, магистрант, факультет общей психологии, педагогики и социологии Московского гуманитарного университета (Москва, Россия).

Психолого-педагогическое измерение понятия «воля»

Тимощук Алексей Станиславович

Владимирский юридический институт ФСИН России, Россия

e-mail: human@vui.vladinfo.ru

Аннотация. Ценностно-смысловое образование личности без волевой компоненты подобно созданию красивого самолета неспособного летать. Волевые качества постоянно востребованы в повседневной жизни сложного и рискогенного общества. Без воли невозможно достичь результатов, выдерживать профессиональные нагрузки и стрессовые ситуации. Воспитание волевых качеств является частью всесторонней подготовки современного человека. Особое внимание в нравственно-волевой подготовке уделяется спорту и физической культуре.

Ключевые слова: воля, воспитание воли, педагогика воли, психология воли

Psychological-pedagogical dimension of concept of "will"

Timoschuk Aleksey Stanislavovich

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russia

e-mail: human@vui.vladinfo.ru

Abstract. The value-meaning formation of a personality without a volitional component is like creating a beautiful airplane unable to fly. Volitional qualities are constantly in demand in the daily life of a complex and risky society. Without the will it is impossible to achieve results, to withstand professional loads and stressful situations. Education of volitional qualities is part of the comprehensive training of a modern person. Particular attention is paid to moral and volitional training in sports and physical culture.

Keywords: will, education of will, pedagogy of will, psychology of will

Воля представляет телеологическую, динамическую, многоаспектную структуру сознания. Наряду с разумом, чувствами, желаниями, интуицией и иными компонентами внутреннего мира, воля формирует идентичность

личности, при этом осуществляя специфическую функции побуждения к деятельности, саморегуляции, стремления к достижению цели.

В психофизиологической структуре «я» воля играет амбивалентную роль «доводчика» желаний или, напротив, их контролера. В актах воли человек реализует свои устремления, либо, наоборот, противостоит натиску вожделений. Такое поведение характеризуется как конфликтное, связанное с отказом от «хочу» в пользу «надо» и представляет большой интерес для психофизиологии. Борьба мотивов, ценностей, установок составляет нерв общественно-личной жизни, а способностям человека преодолевать ограничения, трудности и препятствия на пути к поставленной цели придается значение в деловой жизни, спорте, армии, политике. Существенно, что волевое воспитание не имеет срока давности и сегодня помещается в систему непрерывного развития личности. С волей ассоциированы такие свойства личности как упорство, целеустремленность, настойчивость, самоконтроль, упрямство, принципиальность, бескомпромиссность, суровость, самоотказ, аскетизм, стойкость, максимализм.

Волевые состояния можно расположить в диапазоне от слабой мотивации через сильную и до психического переживания «я должен это сделать». Волевой акт – это зрелый динамический феномен, которому предшествовала значительная скрытая работа в виде хотения, мотивов, обдумывания, принятия решения, осуществления. При этом волеизъявление может сопровождаться длительным чувственным самоограничением, отказом от удовольствий.

Самомобилизация с целью преодоления препятствий и трудностей – это сложный феномен, где задействованы не только интеллектуальные и моральные силы, особую роль играют физические системы, такие как дыхательная, кровеносная, мышечная, эндокринная, пищеварительная. Синтез всех антропологических комплексов создает особый синергетический продукт, который внешне воспринимается как энергетика воли.

Существует мнение об особом мудром безволии русской нации, подобной сырому тесту (Лесков Н.С. «Железная воля», Гончаров И.А. «Обломов»). Вместе с тем, нельзя сказать, что внутренний стержень воли отсутствует в национальном характере русского народа. Русские люди с железной волей – это протопоп Аввакум, А.В. Суворов, К.Э. Циолковский, А.С. Макаренко, защитники Брестской крепости. В православной аскетике волевой человек – это осознавший главенство духа над чувствами, ставящий духовные идеалы выше личных желаний. Волевой акт в православии державен и не может быть направлен на зло.

А.В. Белоусов связывает активацию волевых паттернов с реакцией восполнения дефицита мотивации и предлагает классификацию волевого поведения офицера на три типа: ведущий, ведомый, инертный [1].

Т.В. Пивоварова, подводя итог длительным дискуссиям о структуре, генезисе и факторах воли, терминологически ее как регуляцию, обусловленную характером приобретения умения управлять собой в процессе преодолеваемых препятствий; при этом нравственно-волевые новообразования личности охватывают потребностно-мотивационную, интеллектуально-чувственную и поведенческую сферы [2, С. 40].

С.В. Левшин, обращаясь к волевому поведению будущего юриста, описывает его как психофизиологический комплекс по конвергенции и автоматизации таких свернутых личностных характеристик как интерес, ответственность, целеустремленность, устойчивость, привычка, дисциплина, упорство, саморефлексия, саморегуляция, самоконтроль, самокоррекция [3].

Лиминальность воли заключается в том, что она сопровождает практически все процессы индивида, выступая как бы фокусом управления поведением и мышлением, при этом сама содержательно является пустой, в отличие от конкретных нагруженных смыслом состояний сознания (спокойствие, гнев, любовь, ожидание и пр.)

Невозможность возбуждения нейронных центров воли электромагнитными сигналами или иными средствами вынуждает исследователей опираться на общенаучные и частнонаучные методы, главным образом, теоретического уровня: изучение и обобщение документального материала, наблюдение и описание, письменный опрос, моделирование, психолого-педагогический эксперимент [4].

Отдельное внимание следует уделить фактору времени во внутренней нравственной работе. Согласно философии дзен, каждая минута – это бесценное сокровище, поэтому одной из целей стратегического менеджмента «восточных тигров» – это воспитание воли сотрудников. Японская практика управления коллективом, кайдзен, – это постоянное самосовершенствование, которое включает, в том числе, принципы личностного роста: 1) концентрируйся на цели, 2) держи в фокусе свой участок деятельности, не критикуй других, 3) развивай самодисциплину, 4) выполняй каждодневные обязанности осознанно, как медитацию. Другой психологический прием, пришедший к нам из дзен, это «правило пяти минут» или «если не можешь сделать сто шагов, сделай хотя бы шаг». Трудно всегда начать воспитание воли, но можно хотя бы захотеть это сделать, затем следующим шагом – практиковать простые действия, но каждый день, например, физические

упражнения, уборку рабочего места. Искусство деятельности «каждый день по пять минут» позволяет перевести практику воспитания воли в каждодневное усилие: если зашел в Интернет на пять минут, то отключайся через пять минут; давай себе внутренний отчет о проведенном времени, тогда каждый час будет наполнен полноценными 60 минутами.

Существенным недостатком современной государственно-политической системы в России является утрата механизмов воспитания, волевой сферы жизнедеятельности человека. Потребительские ценности, отсутствие идеологии, пресыщение и комфорт, власть техники приводят к постепенному замещению волевой компоненты общественного сознания социальной пассивностью, индивидуализмом и ситуативной моралью.

В социальной памяти еще жив пример революционеров, которые в лишениях и преследованиях формировали свой характер. Целая когорта борцов с социальной несправедливостью оказалась сильнее своих политических оппонентов именно благодаря волевым качествам. В России большевики смогли не только осуществить государственный переворот, но и провести страну через смертельные опасности контрреволюции, социальной модернизации и войны. Один из узников Владимирского централа, несмотря на то, что сам пострадал от правящего режима, восхищался его талантом к творческому преобразованию личности: «Когда мне случилось говорить о системе воспитания коммунистического, я отмечал уже некоторые из самых существенных ее достижений... К ним относились воспитание воли и твердости, правдивости и чувства товарищества, смелости и стойкости, жизнерадостности и идейности... Воспитание способности вносить во всякий труд творческое начало останется одним из краеугольных камней педагогики... жажда знаний есть стимул, всемерно и тщательно развиваемый. Коммунистическая педагогика... имела в виду развитие также еще трех свойств природы, трех отличительных свойств огромной важности: подчинения личного общему, духа интернационализма и устремления к будущему.... Тезис интернационализма – это грандиозная сила, и в основе ее лежит абсолютная правда... Такой человек мыслит перспективно. Он мечтает и верит в солнце грядущего, он вдохновляется благом будущих поколений, он чужд себялюбивой замкнутости» [5].

Общеизвестно, что советская педагогическая система во многом была демонтирована без адекватной замены. Как указывает в своей статье специалист Сибирского государственного аэрокосмического университета Арутюнян Т.Г., общий показатель годности к военной службе юношей, прибывших на призывные комиссии, ежегодно снижается, а значительная часть

призывников не справляется с физическими и морально-психическими нагрузками, первых месяцев военной службы, не готова к действиям в сложных военно-служебных ситуациях [6].

Близкое мнение высказывает психолог Т.В. Пивоварова, говоря о нестабильности общества и отсутствии четких нравственных ориентиров, что приводит острым проблемам волевого развития подростков: отчужденность, тревожность, духовная опустошенность и примитивизация сознания, жестокость, цинизм, агрессивность [2, С. 13].

Идеология как источник воспитания воли относится к внутренним мотиваторам. Учитывая, что идеологический источник воспитания воли сегодня не актуализируется, зададимся вопросом, какие еще ценностно-смысловые регуляторы могли бы выступить в качестве инструмента волевого воспитания. Ближайшим субститутом идеологии является религия, выступающая для верующих мощным генератором волевой активности. Бесконечные примеры юродствующих и мучеников, аскетов и монашествующих, шахидов и камикадзе убеждают нас в высоком содержании волевой компоненты в религиозном подвижничестве. Вместе с тем, светский характер современной государственности не позволяют обратиться к педагогическим ресурсам религии в общенациональном масштабе. Поэтому в качестве основных волевых детерминант фигурируют работа психолога, а также такой «внешний» инструмент как спорт.

Разделение работы над волей на внешнюю и внутреннюю условно. Русский мыслитель С.Л. Франк справедливо полагал, что внешнее воспитание воли содействует внутренней работе, равно как и нахождение в коллективе волевых людей (т.е. личный пример воспитателя): «всякое воспитание воли начинается с внешнего ее дисциплинирования и поддерживается им: полезно человеку рано вставать, трудиться хотя бы над ничтожным делом, упорядочить свою жизнь, воздерживаться от излишеств; отсюда ряд внешних норм поведения, которые мы должны соблюдать сами и к которым должны приучать других; и работа по такому внешнему упорядочению жизни – своей и чужой – косвенно содействует основной задаче нашей жизни» [7, С. 74].

Физическая активность – мощная детерминанта личности, создающая стабильную мотивацию и программу саморегуляции. Спорт развивает компоненты волевого действия – самообладание, решительность, смелость, энергичность, терпение. В.Д. Сен особо выделил единоборства как целостное единство когнитивного, эмоционального, мотивационного и поведенческого компонентов волевого воспитания; целенаправленный процесс на основе преодоления трудностей, совместной цеховой коммуникации, восприятия

личности тренера как нравственного эталона. Технология формирования характера заключается в собственно спортивной деятельности – привыкание к физическим нагрузкам, выдержка режима тренировок, участие в тренировках и аттестациях, преодоление растерянности, страха боевого контакта, терпение боли, усталости [8].

Коррелирование воли с кинетическими маркерами является также гипотезой А.В. Белоусова, рассмотревшего особенности соматотипа, положение головы и корпуса, мимические паттерны, движения и положения рук, взаимное расположением ступней ног, распределение веса тела на ногах [1]. Очевидно, что механика тела может иметь не только индикаторный характер для волевой регуляции, но и ретрофлексный.

Исключительное место в системе волевого воспитания занимают спортивные турниры как особая педагогическая ситуация адаптации к конкурентной среде, характеризующейся ожиданием, волнением, повышенной психологической и физической нагрузкой, строгостью и формальностью судей. В этих условиях осуществляется перестройка психики под воздействием экстремальных факторов, нравственно-волевая закалка, мобилизация физических и психических сил, когда спортсмен должен не только продемонстрировать элементы боевого мастерства, но и противодействовать своим отрицательным состояниям сознания, затрудняющих выполнение боевых задач (неуверенность, подавленность, апатия, беспокойство, волнение, тревога, страх).

Список литературы:

1. Белоусов А. В. Психодиагностика волевых качеств офицеров при принятии кадровых решений : автореферат дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03. М., 2005. 19 с.
2. Пивоварова Т.В. Психолого-педагогические детерминанты формирования нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных женского пола : дис. ... канд. психолог. наук : 19.00.06, 19.00.07. Рязань, 2015. 320 с.
3. Левшин С.В. Воспитание внимания и воли как педагогическая задача в подготовке будущих юристов // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена. 2008. № 55. С. 390-394.
4. Круглеевский Н.В. Волевые качества и их воспитание у курсантов высших военно-морских училищ : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.00. М., 1967. 15 с.
5. Андреев Д. Роза мира. URL: <http://rozamira.org/rm/htm/rm12-1.htm>

6. Арутюнян Т.Г. Физическое упражнение как средство воспитания воли студента - защитника отечества // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-15032>
7. Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. 512 с.
8. Сен В.Д. Нравственно-волевое воспитание подростков средствами восточного единоборства в системе дополнительного образования : на материале занятий кудо : дис. ... канд. пед. н. : 13.00.01. Белгород, 2008. 196 с.

References:

1. Belousov A. V. Psihodiagnostika volevyh kachestv oficerov pri prinjatii kadrovyh reshenij : avtoreferat dis. ... kand. psihol. nauk : 19.00.03. M., 2005. 19 s.
2. Pivovarova T.V. Psihologo-pedagogicheskie determinanty formirovaniya нравstvennyh i volevyh kachestv nesovershennoletnih osuzhdennyh zhenskogo pola : dis. ... kand. psiholog. nauk : 19.00.06, 19.00.07. Rjazan', 2015. 320 s.
3. Levshin S.V. Vospitanie vnimanija i voli kak pedagogicheskaja zadacha v podgotovke budushhih juristov // Izvestija Rossijskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gercena. 2008. № 55. S. 390-394.
4. Krugleevskij N.V. Volevye kachestva i ih vospitanie u kursantov vysshih voennomorskikh uchilishh : avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.00. M., 1967. 15 s.
5. Andreev D. Roza mira. URL: <http://rozamira.org/rm/htm/rm12-1.htm>
6. Arutjunjan T.G. Fizicheskoe uprazhnenie kak sredstvo vospitanija voli studenta - zashhitnika otechestva // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-15032>
7. Frank S.L. Smysl zhizni // Frank S.L. Duhovnye osnovy obshhestva. M., 1992. 512 s.
8. Sen V.D. Nравstvenno-volevoe vospitanie podrostkov sredstvami vostochnogo edinoborstva v sisteme dopolnitel'nogo obrazovanija : na materiale zanjatij kudo : dis. ... kand. ped. n. : 13.00.01. Belgorod, 2008. 196 s.

Сведения об авторе:

Тимощук Алексей Станиславович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России (Владимир, Россия).

Психологическая проблема агрессивного поведения и методы коррекции в старшем подростковом возрасте

Хитрова Надежда Александровна

Московский гуманитарный университет, Россия

e-mail: hitrova-nadezhda@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена психологической проблеме агрессивного поведения старших подростков. Обобщены научные подходы к изучению агрессии в подростковом возрасте. Отмечено, что актуальность профилактики агрессии в подростковой среде обусловлена ее способностью к развитию и трансформации в устойчивые личностные качества, что приводит к снижению возможностей полноценной социализации и реализации личностного потенциала.

Ключевые слова: агрессия, агрессивное поведение, агрессивность, профилактика агрессии, коррекция, старший подростковый возраст.

Psychological problem of aggressive behavior and methods of correction in senior adolescence

Khitrova Nadezhda Aleksandrovna

Moscow University for the Humanities, Russia

e-mail: hitrova-nadezhda@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the psychological problem of aggressive behavior of older adolescents. The scientific approaches to the study of aggression in adolescence are generalized. It is noted that the urgency of the prevention of aggression in the teenage environment is due to its ability to develop and transform into stable personal qualities, which leads to a decrease in the opportunities for full-fledged socialization and the realization of personal potential.

Keywords: aggression, aggressive behavior, aggressiveness, prevention of aggression, correction, senior teenage age.

Подростковая агрессивность является одной из серьезнейших проблем современности. Среди причин агрессивности подростков можно выделить как социальные, обусловленные социальной напряженностью, психологической неуравновешенностью всего общества, так и психологические, связанные с возрастными психологическими особенностями подростка, характером межличностных взаимоотношений. Кризис социальной системы, рост экологической и экономической нестабильности, изменения в политической ситуации – все это отразилось на сознании, чувствах и поведении подростков.

Н.В. Мартынова раскрывая проблему агрессивности подростков, отмечает: «Проявления физической жестокости, вспышки гнева, преднамеренное разрушение чужой собственности, причинение боли, унижения, часто затеваемые драки – это симптомы, напрямую связанные с одним из самых актуальных и дискуссионных вопросов психологии – феноменом человеческой агрессивности» [3, С. 210].

По мнению Р.Ю. Юсуповой, действительность чаще, чем хотелось бы, заставляет задуматься о причинах жестокости, в частности подростковой агрессии. Различные формы агрессии подростков, в особенности ее немотивированные и иррациональные проявления, приводят в замешательство их близких и знакомых. Важнейшими движущими факторами патологической агрессии являются колебания эмоций и кризис самосознания личности. Родители замечают у своих детей появление депрессивных расстройств, которые отражаются в поведении, а также фик-сируют проявления: сначала в виде отдельных случаев, потом более частых действий. Во многих случаях характер действий объясняется конфликтами в семье, школе, других социальных группах [7, С. 257].

Агрессивное поведение в подростково-молодежном среде негативно отражается на личности: затрудняет качественное обучение, спортивную и трудовую деятельность, деформирует психику, нарушает социальные связи, снижает общий интеллектуальный и духовный уровень подростка.

Проявления агрессивности в подростковом возрасте необходимо предупреждать, ведь у растущего ребенка агрессивность трансформируется в индивидуально-типологическое свойство, у подростка возникает не просто привычка к агрессивному реагированию, а внутренне-личностная потребность реализовывать собственные действия, применяя элементы агрессивности.

Механизм перехода агрессивности на индивидуально-типологический уровень проявления характеризуется тем, что у подростка формируются устойчивые внутренние взгляды и убеждения, которые провоцируют враждебность по отношению к другим. Как следствие, подросток считает

агрессивные проявления в собственной поведении приемлемыми, укрепляет агрессивно окрашенные паттерны поведения.

Исходя из вышесказанного, целесообразно направлять внимание на разработку комплекса мероприятий, которые не только задействуют поведенческие (то есть внешне проявления) аспекты подростковой агрессивности, но и учитывают личностный аспект. Таким образом, программа коррекции агрессивного поведения в подростковом возрасте должна быть направлена на расширение спектра ключевых продуктивных социальных и личностных умений подростков с агрессивными проявлениями в поведении.

Наряду с изучением феномена агрессивности и природы ее возникновения, внимание исследователей привлекали вопросы профилактики и коррекции агрессивных проявлений личности. Подростковая агрессивность неоднократно становилась предметом прикладного изучения. В частности основные аспекты коррекции агрессивных тенденций и профилактики проявлений агрессии в подростковом возрасте всесторонне раскрыта в трудах отечественных и зарубежных авторов (К. Бютнер, Л.В. Зубова, М.А. Исаева, О.В. Кобзева, Ю.Б. Можгинский, А. Налчаджян, А.А. Реан, Т.Г. Румянцева, Ф.С. Сафуанов, Л.М. Семенюк, Е.В. Тарасова, А.А. Ушанова, И.А. Фурманов и др.).

Актуальность и значимость данных разработок не вызывает сомнений, но феноменология агрессивности тесным образом связана с современными социально-экономическими и культурными тенденциями общественного развития, в связи с этим постоянно трансформируется специфика агрессивных проявлений. Основной задачей в рамках представленной статьи является выделение условий и средств коррекции агрессивности подростков в современных условиях жизнедеятельности подрастающего поколения.

Статистические данные показывают неутешительную динамику роста различных форм агрессивного поведения среди современной молодежи. Особенно многочисленной является категория подростковой агрессии.

Вопрос агрессии и агрессивного поведения в психологической литературе характеризуется сложностью и многогранностью, так как, несмотря на значительное число источников, проводящих анализ данного феномена, в психологии на настоящий момент не было сформулировано как единого и общепринятого определения агрессии и агрессивного поведения, так и определения границ их сущности и проявлений. В основе данной статьи лежит точка зрения И.А. Фурманова, который разделяет понятия «агрессия» и «агрессивность», отмечая, что агрессивность – это готовность человека к реализации агрессивной модели поведения. Агрессия, по мнению автора, представляет собой модель поведения, обеспечивающая адаптацию человека,

один из способов удовлетворения актуальных потребностей в кризисной ситуации развития и жизнедеятельности [6, С. 147].

Агрессивное поведение старших подростков имеет свою специфическую природу и рассматривается как результат социализации, который продолжается под влиянием различных целенаправленных, организованных и стихийных, неорганизованных воздействий на личность подростка. Большую роль среди причин отклонений выполняют социально-психологические, психолого-педагогические и психобиологические детерминанты, знание которых необходимо для эффективной воспитательной профилактической деятельности.

Согласно концепций этиологии агрессии, А.А. Томская выделила несколько факторов агрессивного поведения подростков, а именно: воспитание в официальных институтах социализации; система образования, то есть школа; влияние группы сверстников; специфика подростковой и юношеской субкультуры; влияние средств массовой коммуникации; компьютерные технологии; социальные фрустраторы современности; ситуативные факторы агрессивного поведения [5, С. 163].

Агрессивное поведение подростков, по мнению А.А. Андреева, предстает как способ удовлетворения потребности в общении; самовыражения и самоутверждения; реакция на неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в семье, и на жестокое отношение со стороны родителей; достижения значимой цели [1, С. 99]. Механизм формирования мотива агрессивной поведенческой реакции в конфликтной ситуации основывается, собственно, на возникновении конфликтной ситуации и формирование потребности (желания) устранить психическое напряжение. При таких внешних (стимулирующих) обстоятельствах подросток осуществляет выбор варианта конкретного агрессивного действия на другом этапе. На основе определенных внутренних (личностных) свойств подросток формирует намерение осуществить конкретное агрессивное действие в отношении определенного объекта.

Итак, в подростковом возрасте агрессивное поведение представляет собой своеобразный защитный механизм.

Агрессивные и асоциальные действия подростки проявляют по отношению к одноклассникам, так и в отношении взрослых (родителей, педагогов). Усиливается тенденция к демонстративной агрессивности, патологические формы приобретает и жестокость по отношению к окружающим. Усиление агрессивных проявлений в поведении служит существенной неблагоприятной характеристикой подростковой среды, отражая одну из ключевых социальных проблем современного общества, в котором, с одной стороны, растет молодежная преступность, а с другой - наблюдается

повышение количества внутренне-личностных нарушений и психических расстройств подростков [2, С. 101].

Учитывая все вышесказанное, можно констатировать необходимость разработки коррекционных мероприятий с учетом подхода к агрессивности как к индивидуально-типологическому свойству личности. Исходя из этого, коррекции следует подвергать не только поведенческие проявления агрессивности, но и внутриличностные [3, С. 107]. Конечная цель любой формы психокоррекционной или психотерапевтической работы заключается в изменении ситуации в когнитивной, эмоциональной и конативной сферах. Однако стоит отметить, что вероятность и динамика изменений в каждой из них зависит именно от форм работы психолога. Традиционно принято считать, что наиболее эффективной является групповая работа через наличие фактора групповой динамики и группового влияния. В частности, групповой опыт противодействует отчуждению, помогает решению межличностных проблем.

Анализ научно-психологических источников показал целесообразность разделения агрессивности на три ключевые составляющие (качественные показатели):

- 1) эмоциональный (переживания гнева, злости, раздражительности, ярости);
- 2) когнитивный (склонность к наличию агрессивных мыслей, установок, мстительности с вынашиванием соответствующих планов и фантазий, восприятия поведения окружающих как враждебную);
- 3) поведенческий (готовность к реализации намеченных агрессивных усилий, направленных на определенную цель, а также непосредственное агрессивное действие).

Поэтому понимание феномена агрессивности как многокомпонентного образования дает возможность всесторонне подойти к коррекционной работе по преодолению агрессивных проявлений в поведении и деятельности подростка. Бесспорным является утверждение, что формы и методы работы должны быть научно обоснованы: учитывать возрастные особенности, типологические свойства, содержание психолого-экономической проблемы, фазу ее обострения [5, С. 163].

По моему мнению, к основным методам для организации коррекционной работы по преодолению и профилактике агрессивного поведения с подростками, относятся: дискуссии и обсуждения, работа в парах, групповые формы работ, психологические игры, работа в малых группах, визуализация, интерактивные игры.

Одной из основных задач коррекционной программы по профилактике агрессивных проявлений поведения подростков, является улучшение взаимоотношений подростка со сверстниками и педагогами с целью

повышения уровня психологического комфорта подростка в школьном коллективе. Актуальной является работа с родителями подростков, направленность которой определяется теми же потребностями в обеспечении психологической защищенности подростка в коллективе и психологического комфорта, то есть таких состояний, которые бы исключали необходимость агрессивных реакций.

Важнейшим компонентом психологической работы является работа по осознанию собственных внутренне-личностных переживаний и связанных с ними эмоциональных реакций. Основными задачами является, во-первых, выработка умения отделять конструктивные эмоции от деструктивных, а во-вторых, стимуляция умения понимать эмоции других людей; как следствие, понимать мотивацию их поведения и деятельности. Такая работа будет способствовать овладению подростками приемами контроля собственных проявлений гнева и агрессии, а также способствовать развитию адекватной самооценки.

Поэтому работу с агрессивными подростками в пределах представленных направлений, по моему мнению нужно целесообразно строить как в индивидуальном порядке (в частности, на первичных этапах работы, направленных на эмоциональное от реагирования ситуаций и ощущений), так и в групповой работе (в особенности на этапах работы по установлению конструктивных взаимоотношений с членами референтных групп) [4, С. 211].

Таким образом, проблема агрессивного поведения и методов его коррекции в старшем подростковом возрасте является одной из центральных психолого-педагогических проблем. Не оставляет сомнения то, что подростковая агрессивность должна подлежать психологической коррекции.

Список литературы:

1. Андреев А.А. Психологические особенности агрессивного поведения подростков // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 9-2. С. 98-101.
2. Гоношвили М.В. Особенности профилактики агрессивного поведения подростков // В сборнике: Дополнительное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Казань, 2016. С. 101-105.
3. Мартынова Н.В. Агрессия и условия формирования агрессивного поведения современного подростка // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 49. С. 105-112.

4. Мищерякова М.А., Бобченко Т.Г. Психологическая коррекция агрессивного поведения подростков // Образование и наука в современных условиях. 2016. № 3 (8). С. 210-213.
5. Томская А.А. Агрессивное поведение современных подростков // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 4-1 (10). С. 163-164.
6. Фурманов И.А. Психология детей с нарушениями поведения. М.: ВЛАДОС, 2010. 260 с.
7. Юсупова Р.Ю. Психологические особенности агрессивного поведения подростков // В сборнике: Развитие правового сознания в образовательном пространстве. 2016. С. 257-263.

References:

1. Andreev A. Psychological peculiarities of aggressive behavior of adolescents // Modern science: Problems and prospects. 2016. № 9-2. p. 98-101.
2. Gonashvili M. Features of prevention of aggressive behavior of adolescents // In the collection: Additional education: experience, problems, development prospects. Kazan, 2016. p. 101-105.
3. Martynova N. Aggression and conditions for the formation of aggressive behavior of the modern teenager // Proceedings of the SIC Sotsiosfera. 2016. № 49. p. 105-112.
4. Mishcheryakova M., Bobchenko T. Psychological correction of aggressive behavior of adolescents // Education and science in modern conditions. 2016. № 3 (8). p. 210-213.
5. Tomskaya A Aggressive behavior of modern adolescents // Actual directions of scientific research: from theory to practice. 2016. № 4-1 (10). p. 163-164.
6. Furmanov I. Psychology of children with behavioral disorders. М.: VLADOS, 2010. 260 p.
7. Yusupov R. Psychological peculiarities of aggressive behavior of adolescents // In the book: the Development of legal consciousness in educational space. 2016. p. 257-263.

Сведения об авторе:

Хитрова Надежда Александровна, магистрант по направлению психология. Факультет психологии, педагогики и социологии Московского гуманитарного университета (Россия).

Психологические ресурсы музыкального искусства в воздействии на развивающуюся личность: анализ и систематизация подходов

Шутова Наталья Вадимовна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: arhipovnn@yandex.ru

Архипова Мария Владимировна

НГПУ им.К.Минина (Мининский университет), Россия

e-mail: arhipovnn@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры музыкального воздействия на человека, представленной взаимодействием трех подсистем: психофизиологической, психологической, социально-личностной. Сущность воздействия музыки на личность прослеживается в исторической перспективе.

Ключевые слова: история психологии, музыкальное искусство, личность.

Psychological resources of music in shaping personality: analysis of approaches

Shutova Natalya Vadimovna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: arhipovnn@yandex.ru

Arkhipova Maria Vladimirovna

Minin University, Russia

e-mail: arhipovnn@yandex.ru

Abstract. The article researches the structure of musical influence on a person, represented by the interaction of three subsystems: psychological-physiological, psychological, social-personal. The essence of music influence is traced in the historical perspective.

Keywords: history of psychology, musical art, personality.

Особое активное и глубокое влияние в жизни человека занимает музыка. Она представляет собой организующее, упорядочивающее начало, является мощным средством, воздействуя на человека. Музыка способна воспроизводить целостные душевные состояния человека, а так же моделировать типы его деятельного участия в различных жизненных процессах. Это привело в последнее время к увеличению интереса к ее применению. Музыку применяют в различных видах деятельности, так, например, музыка является отличным средством, способным улучшить психо-эмоциональное состояние, повысить работоспособность и снизить утомляемость.

Тем не менее, накопленный отечественный опыт в данной области разрознен и не систематизирован. Анализируя данные научной литературы и собственные исследования, мы можем сделать предположение о структуре музыкального воздействия на человека. На наш взгляд, музыкальное воздействие на человека может быть представлено взаимодействием трех подсистем, которые являются иерархическими уровнями одной целостной системы, выстроенной по динамическому принципу и в наибольшей мере отражающую сущность воздействия музыки на личность:

1) психофизиологический уровень: активизируются зрительные, слуховые и другие рецепторы, а так же изменяются физиолого-биологические ритмы организма (кровообращение, дыхание, внутренняя секреция, и др.), чаще всего повышается физическая работоспособность, изменяются сенсомоторные реакции;

2) психологический уровень: изменения происходят в эмо-ционально-волевой сфере, изменяется психологическая активность личности, ее восприятие, внимание, память;

3) социально-личностный уровень: музыка при воздействии на личность, вызывает катарсическую реакцию, которая в свою очередь преобразует и гармонизирует личность [7].

Разнообразие и взаимосвязь уровней музыкального воздействия в реальной жизни говорит о значительной роли музыки в человеческой жизни. Проследим это в исторической перспективе.

Известно, что первоначально музыка носила характер магического управления природными силами, и использовалась как средство влияния на демонов и богов, так и способ борьбы с различными болезнями и страхами.

Из примитивнейших способов «магического лечения» (игры на простейших музыкальных инструментах, пения, движения-танца) рождались ритуальные формы. Постепенно создавались разнообразные оригинальные формы «лечения», которые охранялись как тайные магические средства и

соответствующие симптомам отдельных заболеваний. Священные песнопения являлись эффективным способом излечения болезней, заживления ран, повышения жизненной «животной силы».

В медицинских науках Египта, Греции, Рима отмечались лечебные свойства музыки, где музыкальное искусство достигло более высокого уровня развития.

Одним из важных понятий этики Пифагора было учение об эвритмии - способность человека находить верный ритм во всех жизненных проявлениях: не только в пении, танце, игре на музыкальных инструментах, но и в мыслях, поступках, речах. В работах Пифагора можно найти сравнение общественной жизни с музыкальным ладом и с оркестром, в котором каждый человек выполняет свою роль. Платон и его последователи считали, что в государстве допустима только такая музыка, которая способствует возвышению личности до уровня общественных требований и позволяет человеку осознавать свой собственный мир как единство с полисной общиной [4].

Идея использования музыки в качестве эффективного средства гармонизации индивида с общественной жизнью развивалась в учениях Аристотеля, в трудах которого разрабатывается учение о мимесисе, раскрывающего представления о внутреннем мире человека и способах воздействия на него при помощи искусства. Аристотель подробно описал музыкальные лады, которые способны изменить психику в различных направлениях [1, С. 11].

Демокрит изложил идеи использования музыки для лечения инфекционных заболеваний. Он предлагал своим пациентам лекарства, но в это время нужно было обязательно слушать магические песни - считалось, что иначе лекарство не подействует.

В библейской истории также можно найти примеры воздействия музыки на человека. Библейский пророк Давид своим пением и игрой на кифаре вылечил царя Саула от уныния и тоски.

В процессе исторического развития использование музыки в воздействии на человека постепенно освобождается от обязательной связи с немзыкальными компонентами художественной образности. Музыка становится самостоятельным средством. Появляется большой пласт исследований, посвященный вопросам влияния музыки на психофизиологическое состояние человека (И.М. Догель, 1880; И.Р.Тарханов, 1894; П.Менц, 1895; М.П.Патриций, 1896; Ж. Куртье, 1896; И. Вашида, 1902; Х. Лян, 1902; В.М. Бехтерев, 1916; А. Бине, 1986; Е Подольский, 1954; Л.Я. Дорфман, 1980, 1986; В.Н. Мясичев, 1981; А.Л. Готсдинер, 1981).

В 1884 году И.Р. Тарханов, выступая на Международном медицинском конгрессе в Риме с докладом, предоставил впечатляющие данные о реституционном воздействии, оказываемом бодрой, оживленной, веселой музыкой на мышечную активность человека [6].

Наблюдения И.Р. Тарханова были во многом подтверждены и дополнены экспериментами И.М. Догеля, описанными в работе “Влияние музыки на человека и животных”. В работе исследуется значение высоты, силы и тембра звуковых раздражителей, выявляется зависимость определенных реакций на музыку от индивидуальных особенностей организма, и таким образом, раскрываются физиологические основы не только общего, но и глубоко индивидуального в восприятии музыки [2].

В статье В.М.Бехтерева “Вопросы, связанные с лечебным и гигиеническим значением музыки” (1916), можно найти обобщенные данные, накопленные к тому времени отечественными и зарубежными исследователями. Особое внимание уделяется ритму, являющимся важнейшим компонентом музыки. Опыты позволили установлению того факта, что даже простые удары метронома, отбивающего определенный ритм, способны вызвать замедление пульса и вместе с ним состояние удовольствия или, напротив, убыстрение пульса. Анализируя исследования по проблеме влияния музыки на работу мышц, В.М. Бехтерев высказал мнение о том, что работу мышц способно стимулировать как расширение, так и сокращение артерий под влиянием музыки.

В начале XX века специальными исследованиями было обнаружено изменение электрической активности мозговых клеток при действии музыкальных стимулов. В работах Ж. Урбанович объясняются механизмы психофизиологического воздействия музыки, и устанавливается зависимость снижения порогов цветового различия от музыки.

В работах В.Б.Поляковой (1969), А.Л.Готсдинер (1975), Т.К.Метельницкой (1977), Л.П.Трегубовой (1977), Т.С.Князевой (2001), Н.А.Отмаховой (1983), О.В.Лаврова (1996), Г.Ю.Маляренко (1996), Т.П. Хризмана (1991), M.Critchley, R.Henson (1987), N.M.Weinberger (1999) представлены исследования воздействия музыкального искусства на деятельность мозга, устанавливается характер внутрислоушарных и межполушарных отношений. В процессе прослушивания музыки у испытуемых отмечался высокий уровень межцентральных связей по сравнению с фоном и большее число межполушарных асимметричных связей.

Следует заметить, что большинство выше представленных работ носит исключительно эмпирический характер. Полученные в них данные, к

сожалению, не анализируются с позиции возможного их использования в психолого-педагогической практике. Исследований, посвященных изучению влияния музыки на оптимизацию интеллектуальной и творческой деятельности испытуемых, практически нет. Отечественные авторы (Л.Н. Трегубова, 1972; В.И. Петрушин, 1986; Л.П. Новицкая, 1984; Т.О. Гордеева, 1992) дают некоторую информацию по этому вопросу, состоящую, главным образом, в описании конкретных случаев применения музыки.

Многие авторы отмечают, что музыкальное искусство способно нормализации характеров изменения общих активационных процессов, происходящих в связи с обучением. В экспериментальных исследованиях отмечаются факты, свидетельствующие об изменении содержания эмоционального состояния и интеллектуального процесса. Так, по данным И.М. Трахтенберга и С.М. Рашмана, положительные эмоции увеличивают работоспособность на 20-40%. И.М.Трахтенберг отмечает о возможном устранении напряжения, нерешительности, усталости при помощи музыкального воздействия

В наших исследованиях мы использовали музыкальное воздействие на обучающегося как психологическое средство оптимизации его труда. Было доказано, что музыка может выступать как метод стимуляции, который способствует пробуждению интереса к изучаемому материалу, удивлению, любопытству. Положительные эмоции, вызванные музыкой, увеличивают мотивацию, активизируют деятельность обучающихся. Музыка в целом стимулирует познавательный процесс [9].

Воздействие музыки на социально-личностное развитие прослеживают В работах Г.Н. Кечхуашвили (1960); В.В. Медушевского (1969); В.А. Асафьева (1971); И.Л. Вахнянсийко (1980), В.И. Петрушина (1986); Г.С. Тарасова (1994) рассматривается музыкальное воздействие на социально-личностное развитие человека.

В работе В.П. Петрушина установлено, что инструментальная музыка разного характера стимулирует воображение слушателей и способствует созданию перспективных рассказов [3]. Работа И.В. Курышевой (2004) указывает, что комплексное развитие музыкальности старшеклассников способствует и развитию их творческого потенциала (в совокупности мотивационных, эмоциональных, волевых, интеллектуальных и духовных компонентов).

Таким образом, музыка – это психофизиологический, интеллектуальный, духовный опыт, и мы считаем, что познаваться она должна в интеграции этих трех «доминант», ни одна из которых не может игнорироваться. Такой

концептуальный подход, на наш взгляд, открывает новые перспективы, при которых музыка одновременно выступает средством оптимизации эмоционально-психической деятельности и ведет к духовному росту и нравственному совершенствованию личности.

Список литературы:

1. Аристотель. Политика. М., 1911. С. 11.
2. Догель И.М. Влияние музыки на человека и животных. Казань, 1988.
3. Петрушин В.И. Музыкальное восприятие как средство изучения личности школьника // Вопросы психологии. 1986. №1. С. 74.
4. Платон. Соч. в 4т. Т.4. М.: Мысль, 1994.
5. Смоловик О.В., Шутова Н.В. Особенности мотивационной направленности студентов к достижению успеха, избеганию неудач при изучении иностранного языка // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54-7. С. 227-233.
6. Тарханов И.Р. О влиянии музыки на человеческий организм. СПб., 1893.
7. Шутова Н.В. Интегрированное психическое развитие проблемных детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального воздействия. Диссертация на соискание ученой степени доктора психол. наук Н.Новгород, 2009.
8. Шутова Н.В. Теоретические и организационные подходы к оптимизации психического развития детей с ЗПР средствами музыкального воздействия // Коррекционная педагогика: теория и практика. 2014. №4 (62). С.17-24.
9. Шутова Н.В. Теоретико-методологические подходы к изучению и коррекции психического развития детей с ЗПР средствами структурно-динамической системы музыкального воздействия // В книге: Специальная педагогика и специальная психология: методологические подходы. Коллективная монография. Под ред. Богдановой Т.Г., Назаровой Н.М. Москва, 2013. С.83-91.

References:

1. Aristotel'. Politika. M., 1911. S.11
2. Dogel' I.M. Vlijanie muzyki na cheloveka i zhivotnyh. Kazan', 1988
3. Petrushin V.I. Muzykal'noe vosprijatie kak sredstvo izuchenija lichnosti shkol'nika // Voprosy psihologii. 1986. №1. S. 74.

4. Platon. Soch. v 4t. T.4. M.: Mysl', 1994.
5. Smolovik O.V., Shutova N.V. Osobennosti motivacionnoj napravlenosti studentov k dostizheniju uspeha, izbeganiyu neudach pri izuchenii inostrannogo jazyka // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2017. № 54-7. S. 227-233.
6. Tarhanov I.R. O vlijanii muzyki na chelovecheskij organizm. SPb., 1893.
7. Shutova N.V. Integrirovannoe psihicheskoe razvitie problemnyh detej starshego doskol'nogo vozrasta sredstvami muzykal'nogo vozdejstvija. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora psihol. nauk N.Novgorod, 2009.
8. Shutova N.V. Teoreticheskie i organizacionnye podhody k optimizacii psihicheskogo razvitija detej s ZPR sredstvami muzykal'nogo vozdejstvija // Korrekcionnaja pedagogika: teorija i praktika. 2014. №4 (62). S.17-24.
9. Shutova N.V. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniju i korrekcii psihicheskogo razvitija detej s ZPR sredstvami strukturno-dinamicheskoj sistemy muzykal'nogo vozdejstvija // V knige: Special'naja pedagogika i special'naja psihologija: metodologicheskie podhody. Kollektivnaja monografija. Pod red. Bogdanovoj T.G., Nazarovoj N.M. Moskva, 2013. S.83-91.

Сведения об авторах:

Шутова Наталья Вадимовна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Архипова Мария Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики НГПУ им.К. Минина (Нижний Новгород, Россия).

Анализ психологии личности в отечественной психологии

Юров Игорь Александрович

Московский инновационный университет, Россия

e-mail: sov36@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ описания психологии личности в отечественных учебниках и учебных пособиях.

Ключевые слова: теория, парадигма, психология, личность, учебник, пособие, подход, деятельность, субъект, анализ.

Analysis of personality psychology in Russian psychology

Yurov Igor Aleksandrovich

Moscow Innovation University, Russia

e-mail: sov36@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the description of personality psychology in Russian textbooks and teaching aids.

Keywords: theory, paradigm, psychology, personality, textbook, manual, approach, activity, subject, analysis.

Анализ отечественной психологической литературы свидетельствует, что когда речь заходит о теориях личности, авторы, как правило, описывают парадигмы теории личности зарубежных психологов. Теории, позиции, мнения отечественных психологов представлены крайне скудно, несмотря на то, что проблемами психологии личности занимались и занимаются более 100 отечественных специалистов (только из числа тех, кто пишет учебники, учебные пособия, и кто обладает докторской степенью). А отечественные парадигмы психологии и парадигмы теории личности до сих пор являются

terra incognita. Поэтому до сих пор в отечественных учебниках описываются только зарубежные и парадигмы и теории личности.

В учебном пособии «Основы психологии» Л.Д.Столяренко (Ростов н/Д: Феникс, 1996) глава 5 «Современные психологические теории личности» (С. 114–153) состоит из следующих параграфов: 1. Фрейдизм, психоанализ (С. 114–117). 2. Бихевиоризм (С. 118–124). 3. Когнитивные теории личности (С. 124–126). 4. Гуманистические теории личности (С. 126–153). Как видно, отечественные теории личности в этой главе не представлены. В главе 6 «Типология личности и личностный рост» (С. 154–246) в параграфе 1 (Психологическая структура личности) кратко представлена структура личности по К.К.Платонову и описываются черты личности по Р.Кеттеллу. В параграфе 2 (Темперамент – биологический фундамент личности) представлены позиции по этой проблеме Гиппократовы с добавлением экспериментальных данных И.П.Павлова, затем дается описание позиций К.Юнга и Г.Айзенка. В параграфе 3 (Конституционные и клинические типологии) представлена теория личности Э.Кречмера.

В учебном пособии «Психология и педагогика» под ред. К.А.Абульхановой, Н.В. Валиной, Л.Г.Лаптева, В.А. Сластенина (М.:Изд-во «Совершенство», 1998) в главе 3 (Лекция 3) представлено два параграфа. В параграфе 3.1. «Проблема личности в психологии» (С. 43–50) авторы пишут: «Для выработки истинно научного психологического знания о личности важно всесторонне учесть достижения зарубежной психологии. Здесь можно выделить такие фундаментальные, признанные и полезные ориентации в зарубежной психологии, как:

1. Традиционные теории личности (В.Дильтей, К.Левин, В.Штерн, З. Фрейд, К.Юнг и др.);
2. Новые теории (Г.Айзенк, Р.Кеттелл, А.Маслоу, Г.Оллпорт, К. Роджерс, К. Хорни и др.);
3. Новейшие теории (Э.Берн, К.Леонгард, Д.Мид, Г. Салливан, П. Сирс, Э.Фромм и др.).

Содержательно все они представлены следующими теориями: психоаналитические концепции фрейдизма, постфрейдизма и неопрейдизма; бихевиористские и необихевиористские концепции; гуманистические теории; интеракционистские (интерперсональные) концепции; экзистенциалистские; социологические (в т.ч. марксистки ориентированные); эклектические и др.» (С. 43). Далее в этой главе идет анализ традиционных теорий личности (З. Фрейд, К.Юнг, К.Левин). Затем авторы представляют новые теории личности, которые, по их мнению, объединяют идеи, взгляды и концепции, касающиеся такого круга вопросов, как антропологизация и психологизация личности (А.Адлер, Г. Оллпорт, К.Роджерс, А.Маслоу, Г.Айзенк). В конце

параграфа представлены новейшие теории личности (Э.Берн, Э. Фромм, Д. Мид, Г.Салливен, К.Леонгард, Дж. Келли). В параграфе 3.2. «Психологическая структура личности» (с. 50–74) на одной страничке (С. 50-51) авторы пишут, что в отечественной психологии проблема личности представлялась длительное время несколько обособленно от представлений, которые формировались в различных зарубежных школах, а с 50-х годов в связи с разоблачениями культа личности Сталина начались более активные исследования личности. В Москве сформировалась самобытная школа А.Н.Леонтьева., а Ленинграде в школе Б.Г.Ананьева получило развитие новое антропологическое направление. Таким образом, в учебном пособии описываются зарубежные теории личности (отечественных там нет), а психологическая структура (перечисление без анализа) предлагается по С.Л.Рубинштейну.

В учебнике «Психология» (М.: Гуман. изд. центр ВЛАДОС, 2000 г.) Р.С. Немова в разделе «Современные теории личности» (С. 341-356) на менее чем одной страничке из 16 дается характеристика современным отечественным теориям личности. Автор пишет: «В отечественной психологии наиболее известные исследования в области личности связаны с теоретическими работами представителей школы Л.С. Выготского. Значительный вклад в решение проблемы личности внесли, в частности, А.Н.Леонтьев, Л.И.Божович". Далее автор теорию, предложенную Л.И.Божович, относит к разряду психодинамических, экспериментальных, структурно-динамических, и отмечает, что А.Н.Леонтьев представил свою концепцию структуры личности и развития личности, в которой центральное место отведено понятию деятельности. На других 15 страницах Немов дает развернутые характеристики личности З. Фрейда, А.Маслоу, К.Роджерса, Р.Кеттелла, Г.Оллпорта, упоминает К.Левина. В разделе «Формирование и развитие личности» (С. 356-362) нет даже упоминания отечественных специалистов по личности, а представлено развернутая точка зрения на личностное развитие Э.Эриксона.

В «Учебнике нового века» «Общая психология» (СПб.: Питер, 2000 г.) А.Г.Маклакова в разделе 21.1 «Теории личности» только на неполной одной странице из 20 (С. 490-510) дается анализ отечественных теорий личности, упоминая учебник Р.С.Немова и позицию Б.Ф.Зейгарник, которая выделяет следующие группы теорий: теории личности фрейдизма и неофрейдизма, гуманистические теории личности, теории личности экзистенциальной психологии, теории личности французской социологической школы и др. (А где отечественные? - *И.Ю.*) и рассматривает в общих чертах некоторые из них (на 20 страницах).

В учебнике «Психология» для гуманитарных вузов под ред. В.Н. Дружинина (СПб.: Питер, 2001) в главе 15 «Теории личности» (С. 273–294) в параграфе 15.1. «Проблема личности в психологии» автор В.М. Русалов пишет: «В современной психологии выделяют семь основных подходов к изучению личности... Теория личности – это совокупность гипотез, или предположений о природе и механизмах развития личности. Теория личности пытается не только объяснить, но и предсказать поведение человека (Хьелл А., Зиглер Д., 1997) (С. 273). В параграфе 15.2. (С. 273–275) представлена «Психодинамическая теория личности» по З. Фрейду. В параграфе 15.3.(С. 275–277) «Аналитическая теория личности» представлена позиция К.Юнга. В параграфе 15.4. (С. 277–280) представлены позиции К. Роджерса. и А. Маслоу. В параграфе 15.5. (С. 280–283) «Когнитивная теория личности» представлены позиции Дж. Келли, Ф. Франселла, Д. Баннистера. В параграфе 15.6. (С. 283–285) «Поведенческая теория личности» представлены позиции Дж. Уотсона, Б. Скиннера, А. Бандуры и Дж. Роттера. В параграфе 15.7.(С. 285–288) «Деятельностная теория личности» отмечается, что эта теория получила наибольшее распространение в отечественной психологии: «Среди исследователей, внесших наибольший вклад в ее развитие, следует назвать, прежде всего, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, К. А. Абульханову-Славскую и А. В. Брушлинского.» (С. 285) и подчеркивается, что в деятельностном подходе наиболее популярной является четырехкомпонентная модель личности, которая в качестве основных структурных блоков включает в себя направленность, способности, характер и самоконтроль. В параграфе 15.8. (С. 288–294) «Диспозициональная теория личности» отмечается, что среди исследователей данного направления наиболее известным является Г. Оллпорт – основоположник теории черт (только один психолог). Итак, авторы учебника представляют одну отечественную «деятельностную» теорию личности (только 3 стр. из 22, посвященных зарубежным теориям личности), при этом подчеркивая, что данная теория имеет ряд общих черт с поведенческой теорией личности, особенно с ее социально-наученческим направлением, с гуманистической и когнитивной теориями, т. е. с зарубежными теориями личности.

В учебнике «Общая психология» (М.: Изд-во Рефл-Бук, 2007) авторы Р.Х.Тугушев, Е.И. Гарбер в главе 5 «Учение о личности в психологии» (С. 130–159) пишут, что среди теорий личности в отечественной психологии наибольшее влияние приобрели три направления: психодинамические; культурно-исторические и поведенческие; гуманистические и духовно-ориентированные. Именно в области общепсихологических учений

происходит прорыв и сближение академической и практической психологии. Первой такой общепсихологической теорией стала теория З. Фрейда. Далее авторы представляют теорию личности по З. Фрейду, А. Адлеру, К.Г. Юнгу. В параграфе 5.3. «Культурно-исторические личности» в 5.3.1. на трех страницах из 30 представлены культурно-историческая теория Л.С. Выготского и психологическая теория деятельности (А.Н. Леонтьев). В параграфе 5.4. «Развитие конкретно-психологических подходов к личности в отечественной психологии» авторы выделяют три подхода в понимании личности. Первый ставит акцент на социальной сущности личности и опирается на марксистское учение о личности. Вторым подходом ставил акцент на природном, биологическом в личности (Э. Кречмера, У. Шелдона). Третий подход ставит акцент на духовном в личности (В.С.Соловьев, А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, П.А. Флоренский). Концепция Л. И. Божович непосредственно примыкает к культурно-историческим теориям школы Л. С. Выготского. Концепция личности Б. И. Додонова относится к гуманитарным. Теория личности В.С. Мерлина носит более целостный характер, обобщает достижения отечественной и зарубежной психологии личности 70-х гг. XX в. В параграфе 5.5. представлены «Гуманистические и духовно-ориентированные теории личности» (концепции А. Маслоу и В. Франкла). Отечественные концепции не представлены.

В учебно-методическом пособии «Общая психология» (М.: Изд-во Ось-89, 2007) под ред. М.В.Гамезо в главе 16 «Личность» отмечается, что в различных психологических направлениях и концепциях (в психоанализе, бихевиоризме, в концепциях К. Левина, А. Маслоу, Г. Олпорта, К. Роджерса) личность трактуется по-своему. В отечественной психологии личность выступает в единстве биологического и социального, но природные свойства и особенности индивида выступают в личности как социально обусловленные элементы (С.Л. Рубинштейн). В пособии подчеркивается, что в науке сложилось восемь устойчивых теорий личности: психоаналитическая (З. Фрейд), аналитическая (К. Юнг), индивидуальная (А. Адлер), когнитивная (Дж. Келли), гуманистическая (А. Маслоу, К. Роджерс), поведенческая (А. Бандура), деятельностная (А.Н. Леонтьев), диспозиционная (Г. Олпорт). Это повторение теорий личности, представленных в учебнике «Психология» под ред. В.Н.Дружинина. Авторы посвящают 11 страниц текста этим теориям личности, уделяя отечественной «деятельностной» теории 8 строчек, и пишут, что существуют и другие подходы, а также постоянно возникают новые. Но другие в данном учебно-методическом пособии не представлены.

В учебном пособии «Психология и педагогика» (СПб.: Питер, 2010) Реан А., Бордовская Н., Розум С. в главе 6 «Личность в психологии» в параграфе 6.1(С. 122–145) отмечается, что в целом, в настоящее время существует множество теорий личности, которые развиваются в рамках таких направлений, как психоанализ, неопрейдизм, когнитивно-бихевиоральный подход, гуманистическая психология, структурно-типологическое направление и на 24 страницах представляют модели личности по З.Фрейду, А.Адлеру, Г.Айзенку, А.Маслоу. И только одна страница посвящена концепции личности К.К. Платонова.

В таблице 1 проанализированы количественные данные о соотношении вклада в теорию личности зарубежными и отечественными психологами, представленные негде-нибудь, а в учебниках и учебных пособиях, изданных солидными издательствами в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону.

Таблица 1

Количественные данные о соотношении вклада в теорию личности зарубежными и отечественными психологами, представленных в учебниках и учебных пособиях

№	Название учебника (учебного пособия)	Кол-во зарубеж. авторов	Кол-во страниц	Кол-во отечеств. авторов	Кол-во страниц
1.	Основы психологии (Л.Д.Столяренко)	20	133	2	1
2.	Психология и педагогика (коллектив авторов)	21	31	3	1
3.	Психология (Р.С.Немов)	20	21	3	1
4.	Общая психология (А.Г.Маклаков)	20	20	2	1
5.	Психология (В.Н.Дружинин)	21	21	4	3
6.	Общая психология (Р.Х.Тугушев, Е.И. Гарбер)	18	29	3	3
7.	Общая психология (М.В.Гамезо)	18	11	1	8 строчек
8.	Психология и педагогика (А.Реан, Н.Бордовская, С.Розум)	18	24	1	1

Выводы: 1. В литературе не представлена отечественная парадигма психологии личности. 2. Зарубежные теории личности исходят из основных парадигм психологии. 3. В отечественных учебниках по психологии при анализе психологии личности (теории личности) преимущественно представляются зарубежные теории, лишь изредко – одного-двух отечественных ученых. 4. Понятие личности трактуется от очень узкого до самого широкого понимания. 5. Одни психологи особенно подчеркивают социальные, а другие — биологические компоненты личности. 6. При экспериментальном описании психологии личности практически не учитываются возрастные, квалификационные, гендерные особенности. 7. Часто наблюдается такое явление, как связь дефиниции из одной парадигмы с эмпирическими данными для подтверждения теоретической позиции – из другой (других) 6. Много работ по отдельным уровневым подструктурам личности, но очень мало — комплексных описаний психологии личности. Отсюда следуют три умозаключения. Первое – интегрировать все отечественные теории личности в одну парадигму. Второе – конвергировать зарубежные и отечественные теории личности, т. к. между ними помимо расхождений есть и общее. И третье – взять за основу имеющиеся зарубежные и отечественные теории личности и совместными усилиями (по методу мозаики) создавать свою современную отечественную теорию личности и ее психологическое обоснование [1-8].

Список литературы:

1. Мельников В.М., Юров И.А. Структура личности в отечественной психологии // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 4-2 (33). С. 158–162.
2. Юров И.А. С.Л.Рубинштейн: диалектико-материалистическая и гуманистическая психологии // Психолог. 2015. № 4. С. 37-81.
3. Юров И.А. Парадигмы в отечественной психологии // Материалы Межд. научно-практ. конф. «Человек. Искусство. Вселенная». М.: Центр развития человека. 2015. С. 10-13.
4. Юров И.А. Две парадигмы отечественной психологии // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. С. 311-317.
5. Юров И.А. Личность в спортивной психологии // Вестник по психологии и педагогики Южной Сибири. 2016. № 3 С. 231-241.

6. Юров И.А. Психологические свойства спортсменов. М.: РУСАЙНС, 2017. 108 с.
7. Юрова К.И., Юров И.А. Проблема личности в юридической психологии// Вестник УРАО. 2016. №5. С. 84-91.
8. Юрова К.И., Юров И.А. Психология личности: структура и функции // Дружининские чтения. Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции. г. Сочи. Киров: МЦНИП, 2014. 465 с. С. 190-192.

References:

1. Mel'nikov V.M., Jurov I.A. Struktura lichnosti v otechestvennoj psihologii // Izvestija Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4-2 (33). S. 158–162.
2. Jurov I.A. S.L.Rubinshtejn: dialektiko-materialisticheskaja i gumanisticheskaja psihologii // Psiholog. 2015. № 4. S. 37-81.
3. Jurov I.A. Paradigmy v otechestvennoj psihologii // Materialy Mezhd. nauchno-prakt. konf. «Chelovek. Iskusstvo. Vselennaja». М.: Centr razvitija cheloveka. 2015. S. 10-13.
4. Jurov I.A. Dve paradigmy otechestvennoj psihologii // Gumanitarnye osnovanija social'nogo progressa: Rossija i sovremennost'. М.: FGBOU VO «MGUDT», 2016. S. 311-317.
5. Jurov I.A. Lichnost' v sportivnoj psihologii // Vestnik po psihologii i pedagogiki Juzhnoj Sibiri. 2016. № 3 S. 231-241.
6. Jurov I.A. Psihologicheskie svojstva sportsmenov. М.: RUSAJNS, 2017. 108 s.
7. Jurova K.I., Jurov I.A. Problema lichnosti v juridicheskoi psihologii/ Vestnik URAO. 2016. №5. S. 84-91.
8. Jurova K.I., Jurov I.A. Psihologija lichnosti: struktura i funkcii // Druzhininskie chtenija. Sbornik materialov XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. g. Sochi. Киров: МСНИП, 2014. 465 s. S. 190- 192.

Сведения об авторе:

Юров Игорь Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии физической культуры, Московский инновационный университет (Москва, Россия).

Интеграция и междисциплинарность психологического знания

Духовность в современном психологическом знании

Белоус Елена Ивановна

Дальневосточный федеральный университет, Россия

e-mail: belelena68@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме духовности в контексте современного психологического осмысления. Духовность раскрывается как психологический феномен, проявляющий себя через различные сферы личности. В работе выделены основные формы проявления духовности: трансформация сознания личности, способность по-новому воспринимать реальность, желание служения личности как ее особой миссии.

Ключевые слова: духовность, духовное сознание, осознанность, трансформация сознания, служение, миссия.

Spirituality in modern psychology

Belous Elena Ivanovna

Far Eastern Federal University, Russia

e-mail: belelena68@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of spirituality in the context of modern psychological understanding. The spirituality is revealed as a psychological phenomenon manifesting itself through the various realms of the individual. The paper identifies the main forms of manifestation of spirituality: the transformation of consciousness of the personality, the ability to perceive a new reality, the desire of service of the person as its special mission.

Keywords: spirituality, spiritual, consciousness, awareness, transformation of consciousness, service, mission

Психологическое знание в разных формах своего существования в те или иные времена развития человеческой цивилизации всегда уделяло внимание духовной тематике, а именно: проблемам понимания процесса духовной трансформации личности, этапов достижения духовности, осознанности как важному фактору развития духовности. Безусловно, психология как древнее знание на протяжении длительной истории человеческого существования занималась проблемой души человека, оставаясь неявным знанием, будучи включенным в различные духовно ориентированные традиции: религия, астрология, алхимия, нумерология и другие духовно-эзотерические учения. В той или иной мере эти учения решали задачи духовного развития личности. Актуальной эта проблема остается и сегодня в современном научном психологическом знании. Более того, можно утверждать, что интерес к духовности даже возрастает на современном этапе развития общества. Думается, что этот интерес будет только усиливаться с точки зрения анализа общих тенденций развития социально-экономических, социально-политических и культурных процессов и явлений, происходящих в современном мире.

Важно подчеркнуть то, что духовность сейчас определяется как психологический феномен. В ней выделяются определенные психологические структуры личности (ценности, смыслы, потребности, мотивы и т.д.), а сама духовность рассматривается в контексте развития духовного сознания и самосознания личности.

Вопросы духовности исследованы в целом ряде работ ведущих российских психологов, лидеров отечественной психологии. Среди этих ученых С.А. Белорусов, Б.С. Братусь, А.В. Брушлинский, С.Л. Братченко, Н.А. Буравлева, Ф.Е. Василюк, Ю.Б. Гиппенрейтер, Р.М. Грановская, Г.В. Залевский, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, В.В. Козлов, Е.Н. Костылев, А.А. Костылева, Д.А. Леонтьев, Р.Л. Лившиц, В.Х. Манеров, Н.В. Марьясова, Е.Б. Моргунов, В.А. Пономаренко, В.Н. Порус, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, Т.А. Флоренская, В.Д. Шадриков и многие другие. Будущее в развитии российской психологии духовности связано с идеями известных отечественных православных философов: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского, архиепископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого) и других, известных российских философов и публицистов В.В. Розанова, Г.Г. Шпета, а также основоположников отечественной психологии С. Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева и многих других

Среди известных зарубежных психологов этого направления Д. Ш. Болен, К. и С. Гроф, А. ван Каам, Р. Коллин, Р. Либермайстер Свагито, А. Маслоу, А.

Менегетти, А. Минделл, Р. Мэй, Б. Плоткин, В.Э. Франкл, Э. Шпрангер, К.П. Эстес, К.-Г. Юнг, И. Ялом и ряд других исследователей [1].

В психологии духовности отсутствует единое понимание феномена духовности, что осложняет задачу формулирования критериев с целью предложить практические рекомендации в этом вопросе.

В целом же можно сказать, что в современной психологии духовность определяется как сущностная черта человека, предопределяющая его бытие и утверждающая человека в его «онтологической истинности». Духовность можно определить как ощущение целостности, гармонии с бытием, окружающим миром, осознание себя единой частью этого бытия. Духовность – это постижение и открытие бытия, устремление и приближение к истине. Духовность – это высшая природа человека, его сознание и самосознание, воля и образ мира. Человек способен выйти на уровень познания своей самости – духовного центра личности в процессе своего развития, находясь в гармонии реального и идеального, осознавая ситуацию «здесь и сейчас». Истинная духовность проявляется в способности к выстраиванию отношений с самим собой (архетипическими структурами своей души), с другими людьми, с миром в целом, с Богом.

Именно дух и его социальное воплощение – духовность – дают возможность человеку достичь его потенциального самопонимания, самоуглубления, самоидентичности, самораскрытия, самоосуществления, самоактуализации.

Духовность всегда связывается с трансформацией сознания личности, с трансцендентным выходом за пределы своей личности, с тем, что во многих духовных традициях называют расширением сознания или развитием осознанности.

Что такое осознанность? Осознанность предполагает знание и глубокое понимание процессов, происходящих в телесных (физиологических) и психических структурах личности. Это знание и понимание основывается на опыте, полученном личностью в тех или иных видах деятельного освоения действительности, поведенческих актах. Поэтому знания становятся содержанием сознания. Существует мнение, что осознанность связана с развитием мышления, интеллекта. Но применительно к духовности важно говорить, что осознанность развивается на основе глубокого развития эмоционально-чувственного и интуитивного, довербального, опыта личности, с одной стороны, и рефлексивного опыта личности, с другой, возникающих в моменты особых переживаний мистического характера, которые личность не может объяснить рациональным образом. Переживание духовного характера –

это всегда выход в особое трансцендентное состояние, состояние за пределы своей личности, своего Эго, состояние, характеризующееся неким сакральным переживанием, опытом постижения себя, своей души. С точки зрения психофизиологии, это всегда состояние трансовое. И именно в этом измененном состоянии сознания личность приобретает особый уникальный опыт постижения своего Высшего Я, своей Сущности, своей души. За подобным опытом люди прибегают к помощи религии или различных духовных практик (молитва, медитация, аскеза, йога, даосские практики, тантра, ци-гун, тайцзицюань и др.). Так, в частности, практика Кундалини йоги традиции Йоги Бхаджана считается йогой осознания [2]. Йоги Бхаджан по этому поводу писал: «Существует много разных видов йоги. То, к чему относится Кундалини йога, это Йога Осознания. Человек учится осознавать свой потенциал. Все известное имеет неизвестный потенциал, и ваше право узнать его. Почему вы не познали свой потенциал до сих пор? Потому, что у вас не было метода. Кундалини йога, как метод, была оставлена для нас великими Учителями и сегодня находится в нашем распоряжении» [2, С. 3]. Во всех духовных традициях есть свои методы развития осознанности (различные виды медитации, молитвы, аскеза, исповедь, служение, телесные практики и др.). Осознанность в данном случае понимается, как умение услышать и понять свой внутренний голос, голос своей души, посредством уединения, внутренней тишины и развития интуиции. Вот почему важна работа по отключению своих мыслей, концентрации на своих эмоциях, состояниях, чувствах, переживаниях без внутреннего анализа причин данных явлений. Это сложно. Но именно такая практика позволит личности войти в контакт со своей Сущностью, Духом, Высшим Я, Истинным Я, Богом, Божественным Присутствием, Абсолютом, Атманом, Брахманом, Дао, Тотом, Абсолютным Разумом, Космосом, Вселенной. Имен у феномена Духа много с точки зрения различных религиозных и духовных традиций.

Именно психология сегодня играет ключевую роль в понимании феномена духовности с точки зрения научных позиций, выявляя те сферы личности, которые напрямую связаны с осуществлением духовности: ценностно-смысловая, потребностно-мотивационная, эмоционально-волевая, интеллектуальная, творческая, деятельностная сферы личности. Все эти структуры личности претерпевают колоссальные изменения в процессе духовной трансформации сознания личности, развития духовного сознания человека. На данном этапе трансформации сознания можно говорить о том, что не потребности, а именно ценности, причем ценности высшего, духовного порядка, становятся руководящими в жизнедеятельности личности. Личность

становится ориентированной на высшие, духовные, ценности. Она руководствуется такими задачами как поиск смысла жизни, осмысленности всего бытия и собственного самоосуществления в деятельности, личной жизни. Личность пересматривает всю свою потребностно-мотивационную сферу, четко встраивая ее в систему смысложизненных ориентаций. Более того, личность все чаще задается вопросами экзистенциального характера, вопрошая о таких экзистенциалах как жизнь, смерть, одиночество, добро, зло, любовь, благо, справедливость, честность и др. И человек не чувствует себя одиноким в этом мире, несмотря на изначально постулируемый экзистенциальной психологией тезис об экзистенциальном одиночестве человека. Личность чувствует свою связь с Богом, Высшей Сущностью, что уже размыкает круг одиночества. Хотелось бы обратить внимание, что люди, вступившие на путь духовной трансформации, становятся более склонными к уединению, намеренному одиночеству, благодаря чему и происходит серьезный и глубокий контакт со своей душой, со своей внутренней сущностью, со своим Высшим Я. Различные коллективные духовные практики не мешают личности ощущать и чувствовать свое внутреннее уединение, интенсифицируя этот процесс за счет коллективной энергетике, поля участников практики.

Трансформации подвергается и вся эмоционально-волевая сфера личности. Эмоции становятся все более контролируемы разумом с точки зрения высших ценностей и смыслов. Личность все чаще испытывает позитивные или нейтральные эмоциональные состояния. Ее эмоциональная сфера становится более стабильной и сгармонизированной. Пропадает суетливость и нервозность. Личность осознает, что вполне может контролировать свою жизнь, а выпадающие на ее участь неприятные события подвергать зрелой и здоровой оценке и рационализации, извлекая максимальную пользу из каждой сложной ситуации.

Интеллектуальная сфера личности так же претерпевает трансформацию. Интеллект как сложный инструмент обработки информации с целью лучшей адаптации личности к изменяющимся условиям становится более целостным. Познавательные функции развиваются в направлении их интеграции и целостности. Можно констатировать выравнивание в развитии многих познавательных функций и свойств. Наряду с невербальным (образно-символическим) интеллектом мощно развивается вербальный (словесный). И в целом у личности в полной мере развиваются следующие виды интеллекта: ментальный, эмоционально-чувственный, социальный, духовный, экзистенциальный, внутриличностный, словесно-речевой, творческий. Благодаря такой интеграции интеллекта и его развитию личность выходит на

новый уровень обработки информации и, как следствие, на новый уровень понимания различных явлений реальной действительности, связывая ее с иными конструктами, нежели было ранее.

Происходит актуализация творческого потенциала личности с учетом ее глубокого самопознания и самопонимания исходя из потребностей в самреализации и самосовершенствовании. Личность заново выстраивает свой жизненный путь, находя огромное удовольствие в различного рода деятельности творческого характера. Часто у людей появляются способности образно-символического и художественного самовыражения.

Деятельность и поведение личности также претерпевают серьезную трансформацию. У личности появляется желание и все возможности для обнаружения и раскрытия собственных жизненных ресурсов с целью проектирования собственной жизни по сценарию особой миссии, особого рода служения на основе глубокого понимания своего предназначения, когда внутреннее и внешнее претерпевают такую трансформацию, что личность начинает руководствоваться категориями любви, блага, сострадания, добра, справедливости и другими духовными ценностями. Важно отметить, что связь «давать – получать» становится взаимотождественной: желание посвящать себя, свои деяния и устремления людям, миру, служить другим и при этом получать особенное наслаждение от бескорыстности такого деяния. И служение становится одновременно Даром другим и себе, что приносит особую радость.

Таким образом, духовность как психологический феномен, являясь ощущением целостности, гармонии с бытием, окружающим миром, осознанием себя единой частью этого бытия, предполагает следующие проявления в психике личности:

1. Трансформацию сознания в направлении развития осознанности личности
2. Изменение в различных сферах личности, позволяющих ей достичь зрелости: ценностно-смысловой, потребностно-мотивационной, эмоционально-волевой, интеллектуальной, творческой, деятельностной
3. Способность по-новому, более широко, полно, объемно, глубоко и многогранно, воспринимать реальную действительность за счет интеграции развития различных видов интеллекта
4. Желание проектировать свою жизнь и всю жизнедеятельность как служение, облакая это служение в формы особой миссии, связанной с предназначением человека в этой жизни.

Список литературы:

1. Белоус Е.И. Психология духовности: монография [худож.-иллюстр. М. В. Марина]. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2014. 474 с.
2. Гуру Раттана Каур. Йога осознания. Перев. с англ. 3-е изд. М.: ООО «Йога Экс-Пресс», 2009. 240 с. С. 3.

References

1. Belous E.I. Psihologija duhovnosti: monografija [hudozh.-illjustr. M. V. Marina]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2014. 474 s.
2. Guru Rattana Kaur. Joga osoznanija. Perv. s angl. 3-e izd. M.: ООО «Joga Jeks-Press», 2009. 240 s. S. 3.

Сведения об авторе:

Белоус Елена Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент департамента социальных и психологических наук, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия).

Когнитивное литературоведение и концепция эстетического объекта М.М. Бахтина

Лазаренко Любовь Витальевна

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Россия

e-mail: lazarenko.kashtan@yandex.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка интерпретации некоторых аспектов концепции «общей эстетики», разрабатываемой М. М. Бахтиным в «Вопросах методологии эстетики словесного творчества», в связи с современной ситуацией в когнитивном литературоведении; в частности рассматривается представление Бахтина об эстетическом объекте в аспекте возможности его исследования методами когнитивных наук.

Ключевые слова: нейроэстетика, когнитивное литературоведение, когнитивная поэтика, Бахтин, эстетический объект, содержание, форма.

Cognitive literary science and concept of aesthetic object by M.M. Bakhtin

Lazarenko Lyubov Vitalyevna

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Russia

e-mail: lazarenko.kashtan@yandex.ru

Abstract: The article attempts to interpret some aspects of the concept of "general aesthetics" developed by M.M. Bakhtin in "Questions of methodology of the aesthetic of verbal creativity", in connection with the situation in cognitive literary science, in particular, Bakhtin's concept of the aesthetic object in terms of possibility his comprehension with the help of methods cognitive sciences.

Keywords: neuroaesthetic, cognitive literary science, cognitive poetics, Bakhtin, aesthetic object, content, form.

В трудах о литературном творчестве обращение к исследованиям из других областей гуманитарного знания является распространенной практикой. Значительное влияние на литературоведение оказали в свое время труды по психоанализу. За последнее столетие интерес к психоаналитическим проекциям на литературный текст претерпел заметные изменения и несколько ослабел. Сегодня все большее внимание представителей смежных дисциплин привлекают когнитивные науки. Сформировалось новое обширное поле междисциплинарных исследований: когнитивное литературоведение, когнитивная поэтика, когнитивная стилистика, когнитивная нарратология, нейроэстетика (см. например, Ахапкин [2], Burke [8]). Однако положение «пограничных» исследований художественного текста довольно неустойчиво. Относительно неопределенными или лишенным эстетической специфичности для всей области знания оказывается сам объект подобных исследований. Имеют значение и отношения, которые складываются между когнитивистикой и литературоведческими когнитивными исследованиями (далее когнитивные исследования литературно-художественного текста, как и работы, обращающиеся к проблеме аффекта в области эстетического, мы объединим в одну группу с условным названием «когнитивное литературоведение»). Речь идет о сложности интеграции когнитивных исследований литературного текста в когнитивистику и о не меньшей, если не большей, сложности интеграции методов когнитивных наук в литературоведение без риска полностью трансформировать объект исследования, во всяком случае, в его привычном понимании. Вполне очевидно также, что две эти области знания традиционно используют разные «языки поиска истины». Несмотря на то, что литературоведение «располагает тысячелетними богатыми текстовыми инстанциями человеческого познания и почти столь же продолжительной историей их изучения» [8, С. 146], чем оно преимущественно и интересно когнитивным наукам, промежуточное положение междисциплинарных исследований оказывает неизбежное влияние на их результаты и отношение к ним.

В настоящей публикации предпринимается попытка интерпретации некоторых аспектов концепции «общей эстетики», разрабатываемой М.М. Бахтиным в «Вопросах методологии эстетики словесного творчества» (первая треть XX в.) в связи с современной ситуацией в когнитивном литературоведении. Это может иметь значение, поскольку имя Бахтина периодически появляется в статьях отечественных исследователей, «освящая», в некотором смысле, как предупреждения о рисках междисциплинарных исследований этого типа [6], так и выбор «в пользу» использования

достижений когнитивистики для анализа художественного текста [5]. Между тем, бахтинский эстетический объект (в отличие от формы) кажется недостижимым для когнитивных исследований уже хотя бы в силу того, что он представляет собой не только субъективно переживаемое, но и объективно существующее художественного произведения в динамическом единстве его ценностно маркируемого содержания и множественных сложноподчиненных актуализированных им этических, эмоциональных и познавательных связей. Когнитивному же исследованию (как и любому другому специализированному исследованию) всегда доступна только одна из частей этого целого. С другой стороны, эстетический объект предстает как оформленное содержание, и это «оформление» протекает в субъекте восприятия как специфическая психическая активность: «Форма развеществляется и выносится за пределы произведения как организованного материала, только становясь выражением ценностно определенной творческой активности эстетически деятельного субъекта» [3, С. 312]. Разнообразные психологические и нейробиологические проявления этой активности становятся предметом когнитивных исследований, которые центрированы на эстетическом переживании, но остается открытым вопрос, насколько они приближают нас к пониманию эстетического объекта именно как содержания, «претворяемого» активностью субъекта (субъекта-творца и субъекта, «переживающего» творение в восприятии), но не сводимого ни к характеру, ни к результату этой активности.

Принципиально важно отметить последовательную критику «материальной эстетики» - концепции, выводимой Бахтиным на основе анализа идей формальной школы, и утверждение, что исследование формы как использованного материала, имеет существенные ограничения. Бахтин признает за материальной эстетикой способность ответить на вопросы, касающиеся материала в его отвлечении от эстетического объекта, полагая ее инструментальной адекватной для понимания «строения» произведения на одной из ступеней эстетического анализа. Однако средствами психологии, физиологии, лингвистики, с точки зрения философа, может быть решена только одна из задач, важная, но не единственная. Для решения других он предполагает создать философско-эстетическую концепцию, считая, что это именно тот путь, который позволит приблизиться к произведению искусства именно как к эстетическому объекту. Бахтин утверждает наличие эстетического объекта как производного от социального, исторического, культурного контекста, эта «общая эстетика» Бахтина не предполагает погружения в анализ нейробиологических или психологических оснований эстетического восприятия и производства. Более того, на наш взгляд, между эстетическим,

философско-литературоведческим видением Бахтиным предмета искусства и современными когнитивными исследованиями произведения в вещественности его материала (как лингвистического, так и психологического) существует не выговоренное в силу временного разрыва отношение напряжения. Несовпадение эстетической позиции Бахтина и когнитивных исследований литературного текста (их устремленность к разным целям) можно проиллюстрировать двумя цитатами, в которых, кажется, слышно эхо несостоявшейся дискуссии: а) «Необходимо, по-видимому, допустить момент содержания, который позволил бы осмыслить форму более существенным образом, чем грубо гедонистически» (Бахтин) [3, С. 274], б) «<...> когнитивная поэтика, поскольку она фокусируется на чтении, а не просто на тексте, позволяет включать в свои исследования явления, редко изучаемые, начиная с удовольствия ...» (Шмитт) [10].

Современное когнитивное литературоведение (по большей части) - продолжение, новая жизнь формализма, выросшего на почве тоски по эмпирической точности исследования, по сути, утверждает научную «доксу» о тождестве эстетического объекта и комплекса реакций на произведения искусства. Вернее, речь обычно не идет об эстетическом объекте в том виде, в каком он предстает на страницах эстетики Бахтина – не как удобное обобщение, а как еще один аспект действительности, флуктуирующей на границе произведения искусства.

На когнитивные исследования литературы (как и любого другого вида искусства) может быть ретроспективно спроецировано утверждение философа о стремлении формальной эстетики «<...> понять художественную форму, как форму данного материала, не больше, как комбинацию в пределах материала в его естественнонаучной и лингвистической определенности и закономерности <...> » [3, С. 270]. Бахтин говорит преимущественно о языке, но как материал сегодня возможно рассматривать и различные формы психической активности, состояния воспринимающего произведение искусства сознания. Формальному методу Бахтин противопоставляет понимание художественного произведения как эстетического, независимо от видов материала, которым оно оформлено, и как органически связанного с контекстом культуры, вне которого оно не может быть эстетическим объектом. Неслучайно исследователи подчеркивают возможность сближения позиций М. Ю. Лотмана и М. М. Бахтина [1, С. 187]. Лотман был исследователем, который рассматривал художественное произведение в его взаимосвязях с «большой» культурой, здесь структуралист Лотман перекликается с Бахтиным. В этой же точке пересекаются с позицией Бахтина и некоторые современные когнитивные исследования, которые

подходят к пониманию природы искусства как специфической деятельности, могущей быть понятой только во взаимосвязи с другими областями человеческой культуры в ее историческом развитии. Например, статья М. Крэйна, опубликованная в «The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies» [9]. В статье исследуются тексты английской литературы XVI века в связи с «противостоянием интуитивных моделей знания» [2, С. 333], эпистемологическим «разрывом», повлиявшим на литературу и культуру в целом. Подобные связи эпистемологической матрицы культуры и текста могут, вероятно, рассматриваться как бахтинский архитектурный элемент, разумеется, при этом следует учесть, что и представление о культуре как трансцендентальном и относительно статичном объекте не характерно для когнитивных наук. Автор статьи подчеркивает сложность перенесения исторического подхода к культурным артефактам на почву когнитивистики и настаивает на необходимости использования не только когнитивных, но и традиционных литературоведческих теорий. Сама эта проекция социальных и когнитивных феноменов на художественное произведение позволяет обнаружить моменты сопряжения между разными явлениями культуры, давая возможность исследовать произведение в его связи с более широким контекстом. Центром притяжения подобных исследовательских стратегий становится то, что Бахтиным называется содержанием эстетического объекта («Действительность познания и этического поступка, входящую в своей опознанности и оцененности в эстетический объект и подвергающуюся здесь конкретному интуитивному объединению, индивидуации, конкретизации, изоляции и завершению, т.е. всестороннему художественному оформлению с помощью определенного материала <...>») [3, С. 289].

Понятие содержания эстетического объекта М. Бахтина перекликается с «содержанием» субъективной жизни Г. Зиммеля, не сводимым ни к когнитивному содержанию сознания художника, ни к содержанию сознания «созерцателя»: «Дух производит бесчисленные порождения, которые порождают собственное самостоятельное существование, независимое как от души, их сотворившей, так и от любой другой воспринимающей или же отклоняющей их души» [7, С. 421]. Юдин А. подчеркивает, что граница здесь проходит не в традиционной плоскости: между сознанием и бытием, а внутри самого сознания [7, С. 421]. Индивидуально действующее сознание – это то же бытие, а культурная «форма», которая воспроизводится средствами этого индивидуального бытия, нечто самообусловленное, «объективированный дух». Сравним: «Эстетический объект как содержание художественного видения и его архитектоника, как мы уже указывали, есть совершенно новое бытийное

образование, не естественнонаучного, и не психологического, конечно, и не лингвистического порядка: это своеобразное эстетическое бытие, вырастающее на границах произведения путем преодоления его материально-вещной, внеэстетической определенности» [3, С. 305].

В понятии «завершения», используемом Бахтиным, словно связывается объективно протекающее событие с его эмоционально-рефлексивной (воспользуемся термином, к которому прибегает Бахтин) «транскрипцией», образующей собственную действительность. Эстетический анализ направлен на выявление познавательного и этического моментов в этом состоявшемся завершении. Однако Бахтин не утверждает безусловную познаваемость этического завершения в произведении искусства: «Самый момент этического свершения или свершается, или художественно созерцается, но никогда не может быть адекватно теоретически формулирован» [3, С. 298]. Так проблема эстетического объекта становится проблемой эпистемологической (объективное познание эстетического объекта фактически приводит к его редукции), которую Бахтин снимает, отказывая эмпирической науке в адекватности ее методов объекту: «В какой мере анализ содержания может иметь строго научный общезначимый характер? <...> анализ содержания чрезвычайно труден, а известной степени субъективности избежать вообще невозможно, что обусловлено самым существом эстетического объекта <...>» [3, С. 299]. Аргументом против попыток считать последним решением проблемы эстетического эмпирические исследования можно считать и следующее высказывание: «Все недоразумения, <...> возникающие вокруг не-словесного, вообще не-материального эстетического объекта, в конечном счете, объясняются совершенно не правомерным стремлением найти чисто эмпирический, даже пространственно и временно — как вещь — локализованный эквивалент эстетическому объекту или даже стремлением сплошь познавательно эмпиризовать эстетический объект. В художественном творчестве имеются два эмпирически наличных момента: внешнее материальное произведение и психический процесс творчества и восприятия — ощущения, представления, эмоции и пр.; в первом случае мы имеем естественнонаучную, или математическую, или лингвистическую закономерность, во втором — чисто психологическую (ассоциативную связь и т. п.). За них цепляется исследователь, боясь в чем-либо выйти за их пределы, полагая обыкновенно, что далее лежат уже только метафизические или мистические сущности. <...> важно понять именно своеобразие эстетического объекта как такового и своеобразие чисто эстетической связи его моментов» [3, С. 308].

Области современного когнитивного литературоведения располагаются на «территориях» вполне обозначенных Бахтиным, но маркированных им же как непродуктивные для «общей эстетики». Бахтин противопоставляет познавательной активности исследователя, направленной на материал, познавательную активность, направленную на содержание, понимаемое им как основной момент эстетического объекта, который не сводим ни к материалу, ни к формам психической активности творящего и воспринимающего сознания, соответственно эмпирические исследования материала, форм психической активности, в которых конституируется содержание, только подступают к эстетическому объекту, исследуют его границы, но сам он остается скрытым, непознанным.

Для когнитивных исследований художественного произведения, очевидно, не представляет трудности как работа с теми или иными особенностями композиции (в бахтинском понимании этого термина), так и со свойствами материала (в уже указанном нами — широком - значении) «без оглядки <...> на эстетический объект». Сложное целое эстетического объекта как пережитое событие осмысления «ценностного состава действительности», которое у Бахтина включает в себя активную позицию творца, «оформляющую» содержание изнутри, не кажется доступным для методов когнитивных исследований.

Важно и то, что для Бахтина существует эстетическое и неэстетическое, требующие использования разных методов, но для большинства когнитивных исследований анализ произведения художественного принципиально не отличается от анализа текстов политического, рекламного и иного характера. А это означает, что метод не изоморфен эстетическому объекту, а изоморфен, скорее, тем условиям, в которых он существует наряду с другими объектами.

Бахтин не отрицает возможности эмпирических исследований процессов оформления содержания, провидчески заявляя о возможных перспективах изучения «эмоционально-волевой напряженности формы»: «Это содержание акта вчувствования может быть осмыслено и переработано в различных направлениях: можно сделать его предметом познания (психологического или философско-этического)...» [3, С. 294], заметим, что пророческий характер «манеры письма» М. Бахтина уже ранее отмечался исследователями [4, С. 427]. Однако эстетический объект ускользает от точных исследований, возможно, в силу того, что граница между формой и содержанием (оцененным этическим поступком, художественно завершаемым произведением) проходит в той же области, что и граница между эмпирией деятельности мозга и множественными субъективно схватываемыми манифестациями сознания, постигаемыми только в интроспекции.

Список литературы:

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
2. Ахапкин Д. Когнитивное литературоведение: от порядка к хаосу и обратно // НЛО. 2017. № 143. С. 332-345.
3. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Изд-во «Русский словарь», изд-во «Языки славянской культуры», 2003.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.
5. Сидорова Т.А. Текстовая мотивация как когнитивный процесс эстетической коммуникации (на материале рассказов Т. Толстой) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1(42). 2015. С. 91-103.
6. Тарасова И. А. О зонах риска в междисциплинарных исследованиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 2. С. 45-49.
7. Юдин А. Георг Зиммель и Михаил Бахтин // Зиммель Г. Избранные работы. К.: Ника-Центр, 2006.
8. Burke M., Troscianko E. T. Mind, brain, and literature: A dialogue on what the humanities might offer the cognitive sciences // Journal of Literary Semantics. 2013. Vol. 42(2). P. 141-148.
9. Crane M. T. Cognitive Historicism: Intuition in Early Modern Thought // The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies / Ed. L. Zunshine. N.Y.: Oxford University Press, 2015. XVIII, 656 p. P. 15-33. DOI 10.1515/jls-2013-0006
10. Schmitt A. De la poétique cognitive et de ses (possibles) usages // Poétique, 2012/2 № 170. P. 143-162. DOI: 10.3917/poeti.170.0143. URL : <https://www.cairn.info/revue-poetique-2012-2-page-143.htm>

References

1. Avtonomova N. S. Otkrytaja struktura: Jakobson – Bahtin – Lotman – Gasparov. M.: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2009.
2. Ahapkin D. Kognitivnoe literaturovedenie: ot porjadka k haosu i obratno // NLO. 2017. № 143. S. 332-345.

3. Bahtin M. M. K voprosam metodologii jestetiki slovesnogo tvorchestva // Bahtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 1. Filosofskaja jestetika 1920-h godov. M.: Izd-vo «Russkij slovari», izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury», 2003.
4. Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. s franc., sost., vstup. st. G.K. Kosikova. M.: IG Progress, 2000. S. 427-457.
5. Sidorova T.A. Tekstovaja motivacija kak kognitivnyj process jesteticheskoj kommunikacii (na materiale rasskazov T. Tolstoj) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. № 1(42). 2015. S. 91-103.
6. Tarasova I. A. O zonah riska v mezhdisciplinarnyh issledovanijah // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2013. T. 13. № 2. S. 45-49.
7. Judin A. Georg Zimmel' i Mihail Bahtin // Zimmel' G. Izbrannye raboty. K.: Nika-Centr, 2006.
8. Burke M., Troscianko E. T. Mind, brain, and literature: A dialogue on what the humanities might offer the cognitive sciences // Journal of Literary Semantics. 2013. Vol. 42(2). P. 141-148.
9. Crane M. T. Cognitive Historicism: Intuition in Early Modern Thought // The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies / Ed. L. Zunshine. N.Y.: Oxford University Press, 2015. XVIII, 656 p. P. 15-33. DOI 10.1515/jls-2013-0006
10. Schmitt A. De la poétique cognitive et de ses (possibles) usages // Poétique, 2012/2 № 170. P. 143-162. DOI: 10.3917/poeti.170.0143. URL : <https://www.cairn.info/revue-poetique-2012-2-page-143.htm>

Сведения об авторе:

Лазаренко Любовь Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)

Психология как междисциплинарная метанаука о сознании человека

Никитина Елена Сергеевна

ФГБУН Институт языкознания РАН, Россия

e-mail: m1253076@yandex.ru

Аннотация. Втянув в сферу своих интересов образование космического масштаба – сознание – психология начала перестройку в методологической базе научного исследовательского инструментария. Междисциплинарный синтез знаний через метаязыковые коммуникации выступает одним из аспектов постклассических научных интервенций.

Ключевые слова: сознание, голограмма, понимание, полидисциплинарность, метатеория, знак, психосемиотика, психогерменевтика, психолингвистика

Psychology as interdisciplinary metascience about human consciousness

Nikitina Elena Sergeevna

Institute of Linguistics RAS, Russia

e-mail: m1253076@yandex.ru

Abstract. Drawing into the sphere of its interests the formation of a cosmic scale – consciousness – psychology began restructuring in the methodological base of the scientific research toolkit. Interdisciplinary synthesis of knowledge through meta-linguistic communications is one of the aspects of post-classical scientific interventions.

Keywords: consciousness, hologram, comprehension, polydisciplinarity, metatheory, sign, psychosemiotics, psychohermeneutics, psycholinguistics

Два исследователя нашего времени: Дэвид Бом, профессор Лондонского университета, ученик Эйнштейна, один из выдающихся специалистов в области квантовой физики, и Карл Прибрам, нейрофизиолог при Стэнфордском

университете, автор книги «Языки мозга» выдвинули гипотезу, что наш мир есть голограмма, проекция некоего уровня реальности, который находится далеко за пределами нашего привычного мира – настолько далеко, что там исчезают сами понятия времени и пространства. Утверждение Прибрама о том, что наш мозг сам конструирует объекты, равно-радикально заключению Бома, что мы сами конструируем пространство и время. Принцип голограммы – «все в каждой части» – позволяет принципиально по-новому подойти к вопросу организованности и упорядоченности мира. Если мы будем рассекасть что-либо, устроенное голографически, мы не получим частей из которых оно состоит, а получим то же самое, но меньшего размера. И в отличие от обычной фотографии, каждый участок голограммы содержит всю информацию о предмете. Так работает человеческая память – связной механизм сознания.

Постнеклассическая наука рассматривает объекты как саморазвивающиеся сложные системы, естественно-культурные комплексы, включающие человека. Основная особенность таких объектов обозначается как «человекоразмерность». Реальность характеризуется на основе взаимодополняющих подходов – исторического и системного: реальность как процесс и реальность как сеть взаимосвязей, в которую включен человек. Ключевые идеи постнеклассической науки – нелинейность, самоорганизация, глобальный эволюционизм, системность. Становление постнеклассической науки сопровождается расширением эпистемологического горизонта. В проблематику естественных наук вошла тема понимания. Притом в одной из наиболее радикальных трактовок понимания как диалога.

В постклассическом научном понимании сознание уже не может рассматриваться в классической познавательной схеме субъект-объектных отношений. Вначале стала очевидной ограниченность представления о том, что самосознание является «прозрачным» для самого себя, наиболее фундаментальным и предельным основанием знания (*cogito ergo sum*), где объект знания и средства познания совпадают. Ведь сознание как таковое (а не его понимание) не может быть нами жизненно пережито, иначе, не может быть для нас феноменом жизни, и поэтому оно не может быть объектом позитивного знания. И дело не только в том, что оно не может быть объектом личного опыта, хотя и это очень важно, а в том, что для нас оно не может быть никаким объектом. Мы говорим, что работаем с сознанием, что занимаемся пониманием сознания именно потому, что описывать сознание, работать с самим сознанием, а не с его пониманием, невозможно. Семиотическое совпадение языка описания с самим предметом исследования здесь наиболее ярко выражено. Поэтому должны были быть введены новые термины, понятия, которые надо отнести не

к сознанию как предмету работы, а к «работе» с ним и таким образом эти термины и понятия будут фиксироваться как свойства самой работы с сознанием. Об этом писали в своей книге «Символ и сознание» М.К. Мамардашвили и А. М. Пятиговский [4, С. 31].

Понимание есть условие работы с сознанием (не «работа сознания», а «работа с сознанием»), которая есть совершенно особый источник познания. «Здесь особую роль играет некоторая внутренняя отрицательная способность, выражающаяся в своего рода "борьбе с сознанием". Борьба с сознанием происходит от стремления человека к тому, чтобы сознание перестало быть чем-то спонтанным и самодействующим. Сознание становится познанием, и на это время (слово "время" здесь не имеет физического смысла) перестает быть сознанием, и как бы становится метасознанием, – и тогда термины и утверждения этого последнего мы условно назовем метатеорией. И то, что нас с необходимостью толкает к метатеории сознания, есть необходимость борьбы с сознанием. Задача в том, чтобы, во-первых, определить условия, в которых возникает проблема борьбы с сознанием и, во-вторых, – раскрыть эту борьбу с сознанием как являющуюся саму по себе источником познания. Борьба с сознанием вытекает из самого способа существования отдельного человека как сознательного существа и является проявлением этого способа, и в этом смысле это прагматическая проблема, потому что человек наталкивается на нее, какой бы деятельностью он ни занимался. Человек решает эту проблему как проблему своего способа существования» [4, С. 28].

В метатеории сознание не есть один из психических процессов, но есть уровень, на котором синтезируются все конкретные психические процессы (могут быть и иные уровни, например, бессознательный, надсознательный, сверхсознательный), и которые здесь уже не являются самими собой, так как на этом уровне они относятся к сознанию. Потому на каждый психический процесс можно смотреть как со стороны сознания, так и со стороны объектов. Учет предметного аспекта стороны сознания предполагает синтез знаний из дисциплин его изучающих.

Знаки, символы, тексты выступают в качестве материальных носителей человеческих способов жизнедеятельности и трансляции из поколения в поколение специфически человеческих способностей, сознания как интегратора этих способностей. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком – писал А.Р. Лурия, – заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который

входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. ...Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром» [3, С. 37]. Изучив предварительно законы работы с сознанием, добавим мы.

В последние десятилетия среди философов, психологов, лингвистов, культурологов возрос интерес к формирующимся междисциплинарным областям знаний, освещающих проблемы общих для них культурных феноменов знака, значения, символа, смысла, слова, текста, интерпретации, понимания и т.д. Сформировавшиеся на базе этого интереса психолингвистика, психосемиотика и психогерменевтика как новые отрасли гуманитарного знания вводят фактор сознания и способы его функционирования в науки о знаковых системах, в проблему понимания текстов, выраженных на разных языках, в вопросы интерпретации действительности и построения картины мира. Однако каждая из этих дисциплин имеет свой предмет в конструируемом коммуникативном пространстве науки.

Психолингвистика возникла как междисциплинарная область изучения «говорящей головы». История направлений и школ в психолингвистике подтвердила ту научную мысль, что метод формирует предмет изучения. Поэтому многообразие методов выявило и многообразие предметов исследования от ассоциативно организованного сознания в духе Павлово-Осгудовского детерминизма, вербально-мозговой организации (Хомский-Черниговская), до теоретически не разработанного, но имеющего мощную практическую базу деятельностного подхода к изучению психики человека. Почти все направления в психолингвистике формировали свое особое психотерапевтическое направление – практическую базу – в качестве доказательства предлагаемых гипотез о работе речевого аппарата. В деятельностном подходе практики, в том числе и психотерапевтические были осознанно разработаны в зарубежной (европейской) психолингвистике. Тем не менее, психолингвистике как академической дисциплине пока не удалось построить специальную онтологическую картину, задающую особую «действительность» данной науки, и найти ей место в научной картине мира. Смысл работ по психолингвистике, на наш взгляд, состоял и состоит в том, что они расширили область эмпирического материала, в отношении которого ставится задача научного анализа, «втянули» его в науку и позволили ставить в эмпирической форме новые научные проблемы.

«Говорящая голова» у большей части населения обслуживает прихоти тела. Поэтому вербальный язык является лишь одним из языков культурно-

семиотического континуума. Это понимали и утверждали практически все основоположники учений о языке от Ф.де Соссюра до Ю.С.Степанова. Режимы работы сознания (подсознания) – будь то сон, игра, безумие, искусство, ремесло, наука, религия и т.п. – обслуживаются разнообразными знаковыми системами. Изучение и координация их в пространстве культурного взаимодействия есть проблема психосемиотики. «Дело прежде всего в том, что о человеке, о его мире (социальном, культурно-историческом, психологическом), о том, что, как и почему он в нем делает и что вообще происходит с ним, мы в принципе знаем только из того, что произошло на основании суждений и осознаваемых состояний самого агента действия. Это и ставит с особой остротой вопрос о языке описания. Ясно, что в определенном смысле можно рассматривать события и явления мира как материально (через вещественный результат действия) или идеально (через речь) сообщаемое выполнение или воплощение человеком определенных содержаний и смыслов. Этим сообщенным человек выделяет себя в качестве субъекта, который сам входит в состав процессов мира. Природа же нам ничего не сообщает, не говорит с нами ни на каком языке. Физик резонно скажет нам, что она ничего такого просто не содержит, что природные явления никоим образом не выделяют себя индивидуально. Ведь нельзя же предположить, что, например, состояние атома экранируется (осознанием) в нем и этим сообщается нам, представляется в качестве явления. А вот в случае живых, наделенных сознанием существ мы именно это предполагаем, даже если в итоге нам удастся выделить исследованием нечто отличное от того, как это нечто пережито, осознано, то есть от языка внутреннего ("захотел, чтобы", "почувствовал, что", "увидел, что" и тому подобное, выраженное субъектом или нами "вчитываемое" в него). И как бы далеко мы ни прошли назад во времени, мы не найдем эти существа вне культуры, сознания и языка.

Иными словами, у исследуемой реальности есть еще и язык в самом широком смысле этого слова, и она никоим образом не дана познанию вне его. Эту реальность нельзя в чистом виде наблюдать отдельно от ее же языка, кроме разве что хорошо известных случаев патологической полной реактивности поведения, крайнего распада деятельности и сознания» [2].

Семиотика, возникшая на рубеже столетий, во-первых, не предложила собственного метода исследования, если под методом понимать совокупность операций, позволяющих теоретически или практически осваивать действительность. Точнее говоря, семиотика в принципе вбирает в себя любые методы, отрицая какую-либо связь между методом и мировоззрением. Во-вторых, семиотика практически игнорирует различие объекта описания и языка

описания, рассматривая то и другое в качестве двух изоморфных друг другу языков. «Семиотика – это способ существования человека внутри создаваемого им языка. Как только иллокутивный акт перестает быть чистым действием и перемещается в сферу рефлексии, мы объективно попадаем в пространство семиотики. Исторически семиотика представлена тремя векторами развития. Однако нетрудно представить себе гипотетическую ситуацию с максимально большим числом таких векторов, имеющих, однако, общую точку, имя которой – знак» [6, С. 47]. Только сознание может быть одновременно и во «вне» и «внутри» означенного им образования, поскольку само не имеет закрепленного за собой места (согласно Канту, метафизическая задача о месте души не только неразрешимая, но и внутренне противоречивая). Сознание человека пишется на языке смыслов (не дискретных образований в отличие от значений), семиотика же пытается описать законы смыслопорождения [5].

Методы смыслопорождения предлагает психогерменевтика как наука о понимании, как попытка создать у читающих чужую субъективность в виде текста, как способы стимулировать волю и понимание, развить способность понимать в качестве одной из важнейших сущностных сил человека. «Герменевтика же как деятельность в конечном счете имеет цели практические: понять, понимать, делаться понимающим (то есть умнеть), помогать другим делаться понимающими (умными), улучшать взаимопонимание между людьми и народами, объяснять основания своего или чужого понимания (интерпретировать) и помогать другим интерпретировать что-то, избавляться от глухого непонимания и помогать в этом другим, шире – обогащать духовную жизнь индивида и рода, делая людей умнее, лучше и чище» [1].

Понимание соединяет в единый узел познание, общение и расширение сознания (как метатеоретического образования).

Проблемы и материал, структура и онтология, методы и процедуры предполагают объединение таких дисциплин как психолингвистика, психосемиотика и психогерменевтика в единый академический комплекс, описывающий жизнь сознания.

Заключение

Психолингвистика, Психосемиотика. Психогерменевтика могут развиваться только в диалогической парадигме социокультурного взаимодействия. Они и возникли как ответ на межличностные, межкультурные, междисциплинарные, полидисциплинарные, межъязыковые и иные межвзаимодействия в современном мире. Для каждой из этих дисциплин две другие выступают комплементарной проекцией в познавательном пространстве познающего себя сознания.

Список литературы:

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. Тверь, 2001. 731 с.
2. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109-125 (Второе издание: "Постнеклассическая психология". 2004. № 1. С. 45-71).
3. Лурия А.Р. Язык и сознание./ Под редакцией Е. Д. Хомской. М: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
4. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
5. Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Трикста, 2006. 528 с.
6. Шатин Ю.В. Три вектора семиотики // Журнал "Дискурс". 1996. № 2. С. 41-47.

References:

1. Bogin G.I. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v germenevtiku. Tver', 2001. 731 s.
2. Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K. Problema ob#ektivnogo metoda v psihologii // Voprosy filosofii. 1977. № 7. S. 109-125 (Vtoroe izdanie: "Postneklassicheskaja psihologija". 2004. № 1. S. 45-71).
3. Lurija A.R. Jazyk i soznanie./ Pod redakciej E. D. Homskoj. M: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979. 320 s.
4. Mamardashvili M.K., Pjatigorskij A.M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdenija o soznanii, simvolike i jazyke. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. 224 s.
5. Nikitina E.S. Semiotika. Kurs lekcij: Uchebnoe posobie dlja vuzov. M.: Akademicheskij Proekt; Triksta, 2006. 528 s.
6. Shatin Ju.V. Tri vektora semiotiki // Zhurnal "Diskurs". 1996. № 2. S. 41-47.

Сведения об авторе:

Никитина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва, Россия).

Гармонизация личностного развития как междисциплинарная духовно-психологическая проблема

Павлык Наталья Васильевна

*Институт педагогического образования и образования взрослых,
Национальная Академия педагогических наук Украины, Украина*

e-mail: kirilitsa07@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена освещению междисциплинарности научно-психологической проблематики. В частности, в статье рассматривается психологическая проблема гармонизации личностного развития в аспекте интеграции философской, духовно-религиозной (христианско-антропологической), психотерапевтической и научно-психологической парадигм.

Ключевые слова: гармонизация, личностное развитие, междисциплинарность, парадигмы психологии

Harmonization of personal development as interdisciplinary spiritual-psychological problem

Pavlyk Natalia Vasilievna

Institute of Pedagogical Education and Adult Education, National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Ukraine

e-mail: kirilitsa07@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the discussion of interdisciplinarity of the scientific-psychological problems. In particular, the article deals with the psychological problem of harmonization of personal development in the aspect of integration of philosophical, spiritual-religious (Christian-anthropological), psychotherapeutic and scientific-psychological paradigms.

Keywords: harmonization, personal development, interdisciplinarity, paradigms of psychology

Сегодня, в период реформации современного общества, в условиях маргинализации социальных эталонов, размытости духовных идеалов, разрушении института брака в отечественной культуре преобладают дух прагматизма, цинизма, корысти при снижении общего уровня нравственности. Обострение политического и экономического кризиса, рост безработицы, вынужденная миграция населения – выступают показателями нарушения гармоничных отношений в обществе, что детерминирует дисгармоничное развитие личности у детей, молодежи и взрослых. Эмоциональная неуравновешенность, эгоцентризм, агрессивность, потеря самообладания, слабоволие, безответственность – все это – проявления личностных дисгармоний, которые становятся причинами психологических проблем наших соотечественников. В условиях отсутствия образцов гармоничного поведения современный человек вынужден искать конструктивные формы взаимодействия с окружающим миром с целью адаптации к социуму. Но, стоит отметить, что приспособление к психогенным условиям современности препятствует продуктивному развитию самосознания личности и разрушает гармонию ее внутреннего мира. Это приводит ко вступлению в самостоятельную жизнь инфантильных и психологически-дисгармоничных людей.

При условии несформированности духовно-нравственных качеств личность не способна к самостоятельной конструктивной самореализации. В связи с этим в психолого-педагогическая наука акцентирует внимание на актуальности проблемы своевременной психологической профилактики и гармонизации личностного развития наших современников путем духовно-нравственного оздоровления.

Проблеме гармоничного развития личности уделяли внимание представители античной философии (Платон, Аристотель, Теофраст), христианской антропо-логии (И. Влахос, С. М. Зарин, Г. И. Шиманский и др.), психотерапии (К. Леон-гард, Э. Фромм, К. Г. Юнг, О. Ф. Лазурский и др.), а также советской (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн и др.) и современной отечественной психологии (В. И. Абраменко, И. Д. Бех, С. Д. Максименко). Итак, проблема гармонизации личностного развития находится на стыке философии, психологии, психотерапии и духовных учений.

Целью данной статьи является теоретический анализ духовно-нравственных основ гармонизации личностного развития, которые базируются на положениях этих парадигм.

Представители античной философии классифицировали характеры личности за уровнем проявления черт на нормальные (гармоничные) и те, что

выходят за пределы нормы (Теофраст). Дисгармоничность личностного развития имеет два измерения: количественное (степень отклонения от нормы) и качественное (какая негативная черта доминирует). Результатом гармоничного развития личность обретает гармоничный характер, который проявляется системой нравственных черт и обеспечивают адекватное поведение, что сводит к минимуму социально вредные проявления неуравновешенного темперамента. Этимология слова «гармонизация» означает процесс приведения определенного психического феномена к состоянию гармонии (Аристотель), координации, упорядочение, согласование частей, сведение их к системе, приведению в соответствие к целостной структуре (Пифагор). Гармонизация личностного развития рассматривается как процесс со-здания устойчивого психологического состояния, устранение негативных психо-логических качеств, которые препятствуют гармоничным взаимоотношениям (Сократ). Стержнем гармонизации характера выступает овладение нравственно-этической культурой путем усвоения этических норм, развития нравственных добродетелей (честности, справедливости, воздержания, образованности) с целью адаптации к социуму (Эпикур, Сенека). Античная философия дифференцирует духовность и нравствен рассматривая отдельно духовно-религиозное развитие и нравственно-этическую культуру личности. Гармонизация личности сводится к овладению нравственно-этической культурой – способностью мирно сосуществовать с другими людьми. Итак, проблему гармонизации личности античная философия решала сугубо на педагогическом уровне: путем усвоения нравственно-этических норм и деятельных нравственных добродетелей (честности, справедливости, воздержания, образованности) с целью достижения социальной адаптации человека к конкретным социальным условиям. Этот вывод наталкивает на ассоциацию античной философии с современной системой образования, которое имеет такие же признаки: обретение системы знаний при условии плюрализма духовно-религиозных мировоззренческих основ. Но следует заметить, что отсутствие единого духовно-нравственного мировоззрения, препятствует целостности личности.

В восточных культурах нравственные принципы также играли ведущую роль межличностном взаимодействии членов общества. Так, у давних евреев нравственные нормы основывались на десяти заповедях. Отличительной особенностью нравственного воспитания давних египтян было воспитание любви к природе, к окружению. Нравственное усовершенствование, развитие добродетелей также получило одобрение среди суфиев.

Восточные философии представляют собой совокупность духовных практик созерцания мирового устройства (Лао-цзи, Будда), которые также имеют своим предметом гармонизацию развития личности. Основываясь на ценностях гуманизма (обязанности, справедливости, доверия), идее саморазвития, они направляют личность к осознанию своей духовной сущности, достижению чувства единства с миром (Конфуций) и способствуют обретению состояния преимущественно лишь внешней гармоничности (спокойствия, безмятежности, приподнятого настроения). Однако, данные состояния не выдерживают испытаний жизненными проблемами, которые вынуждают от человека проявления деятельных духовно-нравственных добродетелей: альтруизма, способности к прощению, признанию собственной вины (С. Роуз). Т.е., восточные духовные практики, хотя и помогают развить высшие психологические функции (чувство, воображение, волю), но не решают проблемы глубинной гармонизации характера.

Анализ подходов античной и восточной философии дает возможность кон-статировать, что обе парадигмы тщательно развивают нравственно-этическую философскую концепцию, однако отбивают нравственную сущность с разных сторон целостного процесса гармонизации личности. Античная философия предлагает педагогические принципы овладения деятельными нравственными добродетелями (честностью, образованностью, воздержанием), которые помогают человеку социально адаптироваться в обществе. Восточные духовные практики, хотя и помогают развитию определенных психологических функций (чувств, воли, воображения) и приобрести состояние психологического комфорта (покоя, беззаботности, эйфорической радости, любви), однако не решают проблему глубинной гармонизации личности, поскольку оставляют без внимания необходимость целенаправленной борьбы человека с собственным эгоизмом.

Духовно-нравственные факторы гармонизации личностного развития тщательно исследуются в период средневековья в русле христианской антропологии (И. Златоуст, Авва Дорофей и др.) и более современными богословами (И. Брянчанинов, И. Влахос и др.). Единство духа, ума, чувств и воли определяет целостность личности (Феофан Затворник).

Христианская антропология (греч. «учение о человеке») представляет собой систему знаний о человеке с точки зрения божественного замысла о нем – каким должен быть человек в гармоничном состоянии. Эта богословская наука осуществила интеграцию духовно-религиозного учения и философских знаний относительно духовно-нравственных факторов личностного развития. Несмотря на то, что эта богословская наука не употребляет научной

терминологии, тем не менее, она тщательно исследует именно психологические закономерности и методы гар-монизации духовно-нравственного личностного развития.

Проблема духовно-нравственного развития личности красной нитью проходит сквозь христианскую антропологию и сопряженные с ней дисциплины – нравственное богословие и христианскую аскетику (Макарий Великий, Авва Дорофей, Ефрем Сирий, Максим Исповедник, Григорий Нисский, Кассин Римлянин и др.). Поскольку святые отцы средневековья редко использовали современную психологическую терминологию, поэтому нами сделана попытка соотнесения научно-психологических и богословских категорий.

Представители христианско-антропологической (патристической) литературы II-XI веков стремились к согласованию библейской, философской терминологии и психологических знаний. Однако, следует отметить, что полное сопоставление церковнославянских, философских и психологических понятий оказалось практически невозможным, поскольку предмет исследования в разных областях знаний трактовался по-своему. Так, античная философия утверждала, что человек имеет душу и тело, предмет научно-психологических знаний о личности также ограничивается преимущественно психофизиологическим уровнем, а христианская антропология говорит о наличии в составе личности еще и духа - высшего состояния души, которое имеет Божественное качество. Одно не противоречит другому, поскольку святоотеческое учение рассматривает человека как духовное существо.

Итак, христианская антропология рассматривает личность в более интегрированной целостности ее духа, души и тела. Поэтому нам не удалось найти неко-торых аналогов христианско-антропологических понятий в современной философско-психологической терминологии. Именно этот факт предопределяет актуальность изучения современной психолого-педагогической наукой бесценного опыта, в частности, духовно-развивающих психологических технологий, представленных в христианской аскетике [5].

Христианская антропология разработала модель структуры личности, которую со временем позаимствовали психология и медицина. Личность состоит из духа, души и тела. Дух рассматривается как: 1) высшее Божественное качество, божественная благодать, преображающая душу и передающая ей высшие состояния (веру, надежду, любовь); 2) это Божественная Сила для развития жизни, для сотворчества с Богом; 3) как всеобщая энергия, составляющая основу явлений; 4) как источник психической энергии, обеспечивающий самосознание, рефлекссию, эмоционально-волевую

активность. Духовность – это активность духа. Назначение духа – общение с Богом и духовным миром.

Подструктура души включает мыслительную часть – ум (интеллект, познавательные способности), раздражительную часть – чувства (эмоции) и желательную часть – волю. К подструктуре тела относятся ощущения и восприятия, составляющие область психосоматики. Между духом, душой и телом существует строгая иерархия. Тело должно подчиняться душе, душа – духу, дух должен быть погружен в Бога. Душа через дух восходит к Богу, одухотворяется сама и одухотворяет тело. Сила духа зависит от Божественной силы, сила души над телом – от обладающего ею духа [3]. Так был задуман человек. Пока человек сохранял такую иерархию духа, души и тела, он был гармоничен. Но на заре истории человечества произошла трагедия: совершилось грехопадение (отпадение от Бога). Человек потерял веру в Бога, его дух ослаб и не смог нести ответственность за координацию разума, чувств, воли и тела. После грехопадения иерархия подструктур личности нарушилась: дух, отдалившись от Бога, потерял свою силу и подчинился душе, душа подчинилась телу. Разобщенные силы духа, души и тела перестали быть во власти человека и потеряли точку соединения. Когда иерархия духа, души и тела нарушилась, то ум стал обслуживать эгоистические похоти души и тела, воля стала своенравна, чувства – неуправляемы [4]. Естественные потребности человека вышли из-под контроля воли и разума. Грехопадение привело к тому, что свойства души (любовь, вера, милосердие, благость, кротость превратились в самолюбие, безверие, злобу, нетерпимость). Сегодня внутренний мир человека преисполнен беспорядка [3]. В XX веке стало очевидным, что человек – не гармоничное существо, как думали гуманисты, а глубоко противоречивое. Поэтому для духовного исцеления и восстановления иерархии духа, души, тела необходима духовно-нравственная работа над собой, иначе склонность ко злу становится непреодолимой.

Психологической основой развития дисгармоний личности выступает эгоизм, который способствует нарушению надлежащей иерархии духа, души и тела (И. Влахос). Основанные на эгоизме, природные потребности человека превращаются в страсти – устойчивые деструктивные психологические привычки.

Основой гармоничного развития личности выступает формирование нравственности – духовного внутриличностного качества, которое регулирует поведение. Чем отличается мораль от нравственности? Мораль – это система внешних общественных норм, регулирующих человеческие взаимоотношения, которые человек может принимать или не принимать. Моральные нормы

отражают усредненную систему ценностей того или иного общества. Нравственность всегда опирается на духовные ценности и направляет личность к добру. Это духовные качества, которые регулируют поведение человека, понуждая его поступать по доброй воле, считаясь со свободой и чувствами других людей, в отличие от морали, которая выступает лишь внешним требованием к поведению. Сфера нравственной свободы – когда общечеловеческие требования совпадают с внутренними мотивами человека, это область творчества, переходящего в склонность творить добро.

Психологической единицей нравственности является нравственное чувство – способность к различению добра и зла, что определяет нравственную потребность – стремление к добру и отвращение от зла. Устойчивое нравственное чувство представляет нравственный закон, который направляет волю человека в сторону добра (С. М. Зарин).

Центр внимания переносится с внешних добродетелей на внутреннее состояние человека. Нравственный закон всеобщ как и все физические законы, но к его исполнению человек только приглашается на добровольных основаниях. Внутренним нравственным законом является совесть, которая определяется духовными ценностями и нормирует поведение, выполняя функции самоосознания и самоконтроля (Г. И. Шиманский). Неисполнение нравственного закона не упраздняет его, он постоянно дает о себе знать через проявления совести, которая проявляется в чувстве вины за безнравственный поступок и выступает естественным нравственным законом личности. Совесть в зависимости от своего состояния нормирует поведение человека, выполняя функции самоосознания и самоконтроля. Она может находиться в следующих состояниях: благая (справедливая, искренняя); неведующая (слабая); колеблющаяся (несознательная); порочная (лицемерная); сожженная совесть – отсутствие совести. Функциями совести являются: различение добра и зла; честная рефлексия своих поступков.

Существует три уровня развития нравственного сознания: 1) нравственность эгоизма (осуществление внешне нравственных поступков на основе корыстных эгоистичных мотивов: страха наказания, по необходимости, жажды удовольствия, когда действует сознание долженствования); 2) нравственность симпатии (нравственные действия по мотивам жалости, сопереживания, привлекательности, любви к конкретному человеку); 3) высшая нравственность проявляется в свободной нравственной деятельности человека, когда он делает добро всем и всегда, поскольку не может поступать иначе, так как цель его жизни – всеобщее универсальное благо, чувство ответственности и свободы [6].

Христианская аскетика детально разработала учение о страстях и добродетелях, а также систему методов гармонизации личности в процессе духовно-нравственного развития. Страсть (неконтролируемый аффект) возникает при по-тере логики и меры удовлетворения естественной потребности. Неподвластные волевой саморегуляции аффективные мотивы (страсти) ослепляют человека, не давая ему судить здраво. Отсутствие духовной работы над собой способствует развитию зависимости от страстей.

Каждая страсть имеет противоположную добродетель – склонность воли в достижении добра. Нравственное развитие личности заключается в сознательной борьбе со страстями. По отношению к страстям люди могут находиться в трех состояниях: одни служат им; другие сопротивляются страстям, но увлекаются ими; третьи искореняют в себе страсти [3]. Искоренение страстей осуществляется путем сознательной борьбы человека со своей страстью и самовоспитанием нравственных добродетелей. Каждой из страстей соотносится в противоположность определенная добродетель: чревоугодию – воздержание, блуду – целомудрие, сребролюбию – милосердие, гневу – кротость, печали – надежда, унынию – терпение, тщеславию – скромность, гордости – смирение (Максим Исповедник). Сознательное овладение человеком системой духовно-нравственных добродетелей определяет гармонизацию личности (Силуан Афонский).

Принципами гармонизации являются следующие: отречение от эгоизма и изменение жизни в сторону нравственной нормы (М. Гурьев), перенесение центра внимания человека с поступков на мысли и чувства (развитие ауторефлексии): самосознание должно отслеживать состояние ума, чувств, воли, не допускать раздвоения мыслей и чувств; в случае навязчивых помыслов следует отвлекать внимание, переключая его на духовное содержание (Ефрем Сирий). В меру духовно-нравственной жизни формируется система нравственных отношений личности: к себе – это самокритичность, скромность, достоинство; к людям – честность, уважение, забота; к делу – трудолюбие, ответственность; к Богу – доверие, любовь. Нравственно относиться к жизни – означает спокойно воспринимать каждую ситуацию, делая мудрые выводы.

Еще древние греки считали, что душе человека присуще врожденное чувство гармонии. Благодаря тесной связи с телом душа имеет способность гармонизировать тело. Единство духа, души и тела – это путь к гармонии. Идея связи духа, души и тела, их взаимного влияния друг на друга развивалась со времен античной философии и поддерживается современными исследователями психосоматики. Современный российский психотерапевт Д.А. Авдеев говорит о том, что основой дисгармоний характера является

дефицит нравственности и неразвитость духа. Существует причинно-следственная связь между дефектами нравственной сферы и склонностью к заболеваниям: у тех, кто имеет склонность к зависти, развиваются нервно-психические заболевания; за непомерность в пище развивается ожирение; за унынием следует депрессия; гордость может стать духовной сущностью шизофрении; гнев провоцирует болезни сердечно-сосудистой системы [1]. Отсюда следует, что в основе разных форм болезней лежит «духовная дефектность» – комплекс вредных (основанных на страстях) привычек, являющихся психологическим механизмом запуска дисгармоничного развития личности. А болезни – это вторичное явление.

Психологическим механизмом развития дисгармоний выступает нарушение духовно-нравственной саморегуляции личности (неспособность к нравственному самоконтролю эмоций и поведения), что связано с дефицитом нравственности и самоконтроля. Дефицит нравственности проявляется в эгоцентризме, тщеславии, безответственности. Эмоциональные расстройства выражаются в раздражительности, гневе, неспособности к проявлению духовных чувств (сострадания, заботы, любви). Волевые дисгармонии проявляются в слабости, неумении противостоять соблазнам.

Итак, развитие личностных дисгармоний определяется дефицитом нравственности и самоконтроля (Д.А. Авдеев), несформированностью нравственных отношений (доверия, уважения, альтруизма). Гармонизация личности осуществляется путем сознательного духовно-нравственного саморазвития (К. В. Зорин, В. К. Невярович). Духовно-нравственные факторы, такие как совесть, честность, ответственность, определяют развитие нравственного самосознания. Гармоничность личностного развития обеспечивается духовной направленностью (Б. С. Братусь, Ф. Ю. Василук), единством ее ума, чувств и воли (Ф. Затворник), актуализацией высшей потребности в поисках смысла жизни (В. Франкл, Д.А. Леонтьев, Т.М. Титаренко), раскрытием духовного потенциала личности (Э. О. Помиткин, М.В. Савчин), что способствует духовно-нравственной самоактуализации личности (А. Маслоу, Г. О. Балл, И. П. Маноха).

Таким образом, духовно-нравственное развитие личности выступает основой ее гармонизации (В.О. Слободчиков, Л.П. Шеховцова и др).

ВЫВОДЫ. Анализ психологического феномена гармонизации личностного развития указывает на междисциплинарный характер данной психологической проблематики, поскольку с позиций философских, христианско-антропологического, психосоматического и других подходов

существуют различные детерминанты, позволяющие оптимизировать личностное развитие на психологическом уровне.

Поэтому современные психологи должны уметь рассматривать каждый психологический феномен с разных методологических позиций, четко определяя среди них ту, которая наиболее соотносится с их мировоззренческими установками.

Следует отметить, что на современном этапе развития психологии психологические механизмы и закономерности гармонизации личности окончательно не изучены. Методологические основы и практические методы ее гармонизации так-же разработаны недостаточно. Сегодня существует необходимость осовременивания исследований психологического феномена гармонизации личности, введения к тезаурусу проблемы таких новых понятий как: погружение личности в виртуальное общение, медиа-пространство, ренессанс в обращении к духовно-религиозным основам.

Резюмируя сказанное, обозначим нашу психолого-методологическую позицию как духовно-нравственный подход, который опирается на христианскую антропологию и дает четкое представление о гармонизации личности методом духовно-нравственного самоусовершенствования (борьбы со страстями, развитием добродетелей).

Гармоничная личность представляет собой целостную иерархическую систему подструктур духа, души и тела, что обеспечивает духовно-нравственную саморегуляцию и определяет уравновешенность, нравственную силу личности, конструктивность взаимоотношений человека. Поэтому основной задачей гармонизации характера является развитие духовно-нравственной саморегуляции – способности управлять своими эмоциями и действиями, руководствуясь нравственными императивами: сохранения мира, любви, взаимоуважения. Первым шагом является осознание своих страстей и развитие мотивации работы над собой. Вторым – избегать страстей (чревоугодия, блуда, праздности, гнева, сребролюбия, печали, уныния, гордости, тщеславия др.). Третьим – стремиться к самовоспитанию умеренности, терпения, смирения, доверия Богу. Гармоничными чертами являются мягкость, спокойствие, терпеливость, доброта, мирное состояние души.

Список литературы:

1. Авдеев Д.А. Нервность: ее духовные причины и проявления. 6-е изд. М.: «МБЦ Серафима Саровского», «Омега», 2009. 320 с.

2. Архимандрит Лазарь. Душе, отягощенной духом уныния. М.: Изд-во Братства Филарета Мос-ковского, 2000. 118 с.
3. Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 187 с.
4. Павлык Н. В. Духовно-нравственные основы гармонизации характера молодежи с позиции хри-стианской антропологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2014. № 1 (60). Ч. II. С. 216–220.
5. Павлик Н. В. Психологія гармонізації характеру в юнацькому віці : автореф. дис. ... докт. психол. наук : 19.00.07. К., 2017. 43 с.
6. Фаворов Н. Очерки нравственного православно-христианского учения. К., 1889. 222 с.

References:

1. Avdeev D.A. Nervnost': ee duhovnye prichiny i projavlenija. 6-e izd. M.: «MBC Serafima Sarovskogo», «Omega», 2009. 320 s.
2. Arhimandrit Lazar'. Dushe, otjagoshhennoj duhom unynija. M.: Izd-vo Bratstva Filareta Mos-kovskogo, 2000. – 118 s.
3. Arhimandrit Platon (Igumnov). Pravoslavnoe npravstvennoe bogoslovie. M.: Svjato-Troickaja Sergieva Lavra, 1994.– 187 s.
4. Pavlyk N. V. Duhovno-nravstvennye osnovy garmonizacii haraktera molodezhi s pozicii hri-stianskoj antropologii // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. M., 2014. № 1 (60). Ch. II. S. 216–220.
5. Pavlik N. V. Psihologija garmonizacii harakteru v junac'komu vici : avtoref. dis. ... dokt. psihol. nauk : 19.00.07. K., 2017. 43 s.
6. Favorov N. Oчерki npravstvennogo pravoslavno-hristianskago uchenija. K., 1889. 222 s.

Сведения об авторе:

Павлык Наталья Васильевна, доктор психологических наук, старший научный сотрудник, старший научный сотрудник отдела психологии труда Института педагогического образования и образования взрослых Национальной Академии педагогических наук Украины (Киев, Украина).

Междисциплинарные связи психологии и философии на примере инверсивного анализа

Севостьянов Дмитрий Анатольевич

Новосибирский государственный аграрный университет, Россия

e-mail: dimasev@ngs.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение в практической психологии философской концепции об инверсивных отношениях в иерархии. Это пример междисциплинарных связей философии и психологии. В статье показано, что психодиагностические исследования всегда строятся на основе инверсивных отношений в структуре психики и человеческой активности.

Ключевые слова: психология, философия, междисциплинарные связи, иерархическая структура, инверсии.

Interdisciplinary connections of psychology and philosophy on example of inverse analysis

Sevostiyanov Dmitry Anatolievich

Novosibirsk State Agrarian University, Russia

e-mail: dimasev@ngs.ru

Abstract. The article discusses the practical application of psychology to the philosophical concept of the inversive relationship in the hierarchy. This is an example of interdisciplinary connections of philosophy and psychology. The article shows that psychology studies are always based on inversive relations in the structure of the psyche and human activity.

Keywords: psychology, philosophy, interdisciplinary relations, hierarchical structure, inversion.

История психологической науки свидетельствует о том, что психология обособилась в самостоятельную науку после того, как получила первоначальное развитие в качестве своеобразного раздела философского

знания. Из материнского лоно философии вышла не только психология, но и ряд других дисциплин. Однако, как известно, философия от такого разделения наследства не обеднела и не исчезла, оставшись наукой о наиболее общих закономерностях бытия. Но при этом встает вопрос: каковы взаимоотношения философии и психологии на сегодняшний день? Каким образом философские концепции могут быть применены в психологических исследованиях?

Действительно, весьма часто работы, выполняемые в рамках психологической дисциплины, требуют весьма серьезного философского обоснования. Рассмотрим это на примере роли анализа инверсивных отношений в психодиагностике.

Психологические исследования, которые проводятся, например, с целью психодиагностического обеспечения управления персоналом, в частности, в ходе оценки, отбора и подбора персонала, а также развития персонала организаций, базируются на том значительном опыте, который уже накоплен в психодиагностике. Однако одних эмпирических данных при этом недостаточно. Необходим некоторый концептуальный философский базис, который позволяет исследователю не только определять характер и последовательность необходимых действий, но и понимать суть производимых изысканий, осознано подходить к достижению цели исследования и решению стоящих перед ним задач. Это позволяет более адекватно определиться и с целеполаганием в рамках исследования, и с оценкой полученных результатов. Для того чтобы успешно решать частные вопросы, необходимо сначала решить вопросы общие.

Человеческая личность, выступающая как объект психодиагностического исследования, представляет собой иерархическую систему; при этом в иерархических системах действуют определенные законы, которые находят в структуре личности, а также в структуре активности субъекта достаточно яркое выражение. В рамках человеческой личности могут быть обнаружены подструктуры большей или меньшей степени сложности, более и менее значимые в целом и актуальные в тот или иной момент, и различающиеся по множеству других разнообразных параметров. Множественность таких параметров позволяет говорить о том, что мы в данном случае имеем дело со сложной иерархической системой. Структура человеческой личности составляют частный случай отношений в такой сложной иерархической системе. То же самое можно сказать и о такой системе, как система человеческой активности, которая тоже имеет иерархическое строение [1]. В данной иерархии происходят многочисленные, не до конца изученные процессы, без понимания которых, однако, невозможно адекватное

представление о личности субъекта, проходящего процедуру психодиагностического тестирования. Поэтому неизменным условием для успешной психодиагностики следует признать наличие некоторого общего теоретического подхода, позволяющего анализировать особенности иерархических систем.

Одно из важнейших общих свойств сложных иерархических систем, в частности, системы активности человека и человеческой личности – способность образовывать инверсивные связи [4], что, в свою очередь, является объектом философского исследования. Инверсия – это такое положение в иерархии, при котором нижележащий элемент по какой-либо причине фактически начинает выполнять в иерархии главенствующую роль, формально не покидая при этом своей невысокой позиции. Иными словами, возникает противоречие между местом элемента в иерархии и его подлинной ролью в ней. Как показывает опыт исследования упомянутых выше систем, объединяемых в рамках системы «человек», подобные формы системных отношений вовсе не являются редкостью и встречаются во многих случаях, определяя собою облик данной системы.

Характер исходных связей в иерархии, тот первоначальный порядок, в котором выстроены иерархически соподчиненные элементы, здесь и далее будет обозначаться как ордер. Если в иерархической системе отсутствуют инверсии, то это означает, что в ней действуют только и исключительно отношения ордера.

Возможны ли такие чистые, сугубо упорядоченные отношения в иерархической системе? Такая первоначальная форма отношений присуща главным образом либо искусственно созданной иерархии в момент ее формирования, либо некоторой идеальной иерархии, которая может существовать лишь в теории, но не на практике. Отношения ордера могут быть единственной формой отношений также в примитивной иерархии, которая к сложным иерархическим системам не может быть отнесена. Однако сложные иерархические системы, такие, как личность человека или система его активности, на практике всегда включают в себя как исходные отношения ордера, так и инверсивные отношения во множестве разнообразных проявлений.

Нередко при исследовании иерархических систем, при составлении их концептуальных моделей учитываются одни только отношения ордера, инверсивные же отношения игнорируются. Полученная таким путем привлекательная на вид модель системы оказывается нерелевантной, не соответствующей реальным формам отношений. В этих условиях невозможно

создать сколько-нибудь адекватное отображение реально существующей иерархии: возникает категорическое несоответствие той системы, которая предлагается в теории, и той, которую мы видим на практике [5, С. 47-73].

Отношения ордера исключительно важны постольку, поскольку именно они определяют первоначальный образ системы, ее главную характеристику, ее идентичность, а если система создается искусственно – то и ее замысел. Вместе с тем, в дальнейшем в сложной иерархической системе так или иначе получают развитие инверсивные отношения, которые также составляют неотъемлемую часть облика системы в каждый конкретный момент ее существования. Развитие инверсивных отношений составляет суть внутренней динамики иерархической системы, тех процессов, которые образуют для данной системы ее жизненный цикл. Когда инверсивные связи приобретают в системе чрезмерное значение, система либо подвергается разрушению под воздействием накопившихся в ней внутренних противоречий, либо ставится перед необходимостью коренной трансформации. Это касается не только непосредственно систем человеческой личности или человеческой активности, но также затрагивает, например, социальные системы во всем их разнообразии.

Откуда же берутся в системе инверсивные отношения и как они возникают? Источником инверсий в системе становится характер задействованных в ней организационных принципов.

Организационные принципы в иерархической системе – это формальные основания, в соответствии с которыми тот или иной из соподчиненных элементов занимает в ней то или иное определенное место. В сложных иерархиях одновременно действует несколько организационных принципов. Вообще же в разнообразных иерархиях можно встретить весьма большое разнообразие организационных принципов, и составить их исчерпывающий перечень весьма затруднительно.

Так, например, композитарный принцип предусматривает, что вершину в иерархии занимает самый сложный элемент, нижние же этажи в этой системе достаются наиболее простым элементам. Количественным принципом обусловлено, что высшую позицию в иерархии занимает элемент, обогнавший все прочие в некоторых количественных накоплениях. Хронологический принцип означает, что высший элемент в иерархии существует в ней дольше всех остальных (возможно, и наоборот: высший элемент в иерархии может быть наиболее новым, самым «молодым» в ней и потому в наибольшей степени отвечает нынешним потребностям, возможностям и угрозам). Согласно пространственному принципу, высшее положение в некоторой, локализованной в пространстве иерархии займет тот элемент, который и находится в ней,

буквально, выше всех (как этаж в здании или пирамиде из кубиков). Согласно таксономическому принципу, элемент низшего уровня входит в элемент высшего уровня в виде составной части (как в армии батальоны входят в состав полков, а полки – в состав дивизий). Встречаются и другие организационные принципы, в разнообразных сочетаниях; составить их исчерпывающий перечень, применимый ко всем мыслимым иерархиям, едва ли возможно. Кстати, и применительно к одной определенной сложной иерархической системе далеко не просто выявить все без исключения действующие в ней организационные принципы: всегда может оказаться, что в данной системе задействован еще какой-либо организационный принцип, не выявленный сразу (или не предусмотренный первоначальным планом, если данная система создавалась искусственно).

Организационные принципы могут быть подразделены на сущностные и атрибутивные. Это деление позволяет определить, в каких случаях возможно возникновение инверсивных отношений, а в каких оно исключено.

Сущностный организационный принцип базируется на наличии у соподчиненных элементов в иерархии некоторых неотъемлемых, непременно присущих им свойств. Так, например, сущностным может быть назван упомянутый ранее хронологический организационный принцип. Некоторое определенное время существования присуще любому элементу в иерархии. Кроме того, время как процесс неостановимо и не может пойти вспять, и поэтому «старший» и «младший» элементы в иерархии не могут поменяться местами. Атрибутивный принцип, напротив, базируется на некоторых изменчивых, внешних свойствах. Например, количественный принцип – атрибутивный, поскольку один элемент может обогнать другой некоторыми количественными накоплениями. Скажем, богатый человек может занимать вершину в социальной иерархии, но его может опередить в этом отношении тот, кто богатеет быстрее. Он может и спуститься вниз по социальной лестнице просто потому, что разорился.

Если в некоторой иерархии представлены одни лишь сущностные принципы, то в ней могут существовать только отношения ордера, инверсивные отношения же в ней невозможны. Это застывшая в неподвижности иерархия, напоминающая египетскую пирамиду. Однако в сложных иерархиях, как правило, представлены и атрибутивные принципы. Когда сущностные принципы сочетаются с атрибутивными, инверсивные отношения становятся возможными (хотя изначально и не обязательными, если организационные принципы до поры до времени не противоречат друг другу). Сочетание нескольких атрибутивных принципов также способно породить

инверсивные отношения. Проявляются они в том случае, если, как уже сказано, действие одного принципа начинает противоречить действию другого. Понятно, что два сущностных принципа не могут начать противоречить друг другу, если не противоречили и прежде. Они неизменны и неподвижны, поскольку неизменны свойства соподчиняющихся объектов, на которых они базируются. Понятно также, что личность человека или система активности человека меньше всего похожа на такую «мертвую» иерархию.

Организационные принципы в той или иной иерархической системе могут различаться по своей значимости. Иными словами, они сами могут образовывать собственную иерархию – иерархию второго порядка. И в этой вторичной иерархии также действуют, в свою очередь, некоторые организационные принципы. Так, в системе организационных принципов, в свою очередь, действует таксономический принцип: одни принципы становятся частным выражением других. Скажем, имущественный организационный принцип является частным выражением количественного принципа. Одновременно действующие организационные принципы могут иметь в данной иерархии разную значимость – и это тоже означает действие в этой вторичной иерархии особого организационного принципа (назовем его прагматическим). Поэтому, кстати, инверсивные отношения в иерархии также могут иметь большее или меньшее значение по сравнению с отношениями ордера.

Чем иерархия сложнее, и чем больше, соответственно, действует в ней различных организационных принципов, тем выше вероятность, что в ней получат развитие инверсивные отношения. В мире существует множество иерархий; практически все известные нам системы имеют иерархическое строение, и одной из наиболее сложных иерархических систем следует назвать систему «человек». Поэтому неудивительно, что инверсивные связи в человеческой личности, в психике человека составляют ее неотъемлемую, важнейшую часть. Более того, человеческая личность, так же как и активность человека (и ряд более частных систем, таких как система ценностей или мотивов, присущих данному человеку) пронизывается инверсиями, что называется, снизу доверху. И вместе с тем, напротив, удивительно, что во многих исследованиях такие связи попросту игнорируются либо признаются малозначащими, а учитываются одни только отношения ордера.

Каково же практическое значение наличия инверсий в иерархической системе применительно к данной теме исследования? Дело в том, что вся техника оценки личности, применяемая в современной психодиагностике, базируется на наличии инверсий в структуре человеческой активности. Данное положение необходимо пояснить более подробно.

Структура человеческой активности, как уже говорилось выше, содержит в себе ряд соподчиненных иерархических уровней. Сущность этих уровней подробно описана в трудах выдающегося отечественного психофизиолога Николая Александровича Бернштейна (1896–1966) [1]. Каждый из этих уровней объединяет в себе набор движений сравнимой сложности; каждый из этих уровней имеет собственный исполнительный аппарат в структуре центральной нервной системе человека; каждый из них имеет собственное сенсорное обеспечение, позволяющее получать необходимую для данных движений информацию; наконец, каждый такой уровень являет собой, среди прочего, некую эволюционную ступень, некогда преодоленную в развитии нашими весьма далекими предками.

Всего Н.А. Бернштейн выделил пять таких уровней (в них, помимо этого, выделяются иногда и подуровни). Самый низший и эволюционно древний уровень А отвечает за тонус тела и его частей, за сократительную готовность мышц. Следующий уровень В позволяет совершать ритмические повторяющиеся движения (штампы), а во всяких других движениях он ответственен за синхронные сокращения мышц и мышечных групп. Уровень С осуществляет все перемещения в пространстве, т.е. локомоции (ходьбу, бег, прыжки), а кроме того, баллистические движения (бросание предметов в цель) и раздражательные движения. Уровень D, присущий уже только человеку, позволяет оперировать с орудиями труда. Наконец, уровень E (состоящий из ряда подуровней) обеспечивает символические действия – операции уже не с предметами, а с мыслительными формами, образами, понятиями.

В данной иерархии действует целый ряд организационных принципов, которые могут быть отнесены как к сущностным, так и к атрибутивным. Здесь представлены и композитарный принцип (высшие уровни сложнее низших), и количественный (чем выше расположен уровень, тем большее количество двигательных актов он способен осуществлять), и хронологический принцип (высшие уровни филогенетически моложе низших), и ряд других. Эти принципы могут действовать все в одном направлении, и тогда в данной системе сохраняются отношения ордера. Но нередко такие принципы начинают противоречить друг другу, и тогда возникает инверсия.

В каждом движении обычно находит применение не один, а сразу несколько моторных уровней. Если в данной иерархии сохраняются отношения ордера, то высший из уровней, представленных в двигательном акте, действует осознанно; низшие же, подчиненные уровни выполняют свою работу помимо сознания субъекта. Иногда, однако, в данной системе развивается инверсия, и тогда высший уровень сам может на время приобрести служебный,

подчиненный характер; его работа в этом случае не осознается, а нижележащий уровень, напротив, действует осознанно.

Именно такую картину мы наблюдаем во время процедуры психодиагностического тестирования. Особенно наглядно это выглядит при проведении графических (рисуночных) проективных тестов. Приведем простой пример. Скажем, испытуемый изобразил на рисунке человека, согласно полученному от психолога заданию; но у этого нарисованного человека оказались выпученные глаза (что в графической психодиагностике трактуется как проявление грубости, черствости) и оскаленные зубы (это многие авторы трактуют как проявление агрессии) [2]. Означает ли это, что испытуемый осознанно представил в рисунке эти признаки, желая показать психологу, проводящему тестирование, свои агрессивные намерения? Очевидно, нет. Испытуемый выполнял задание – изобразить фигуру топологического класса «человек», а это, согласно теории Н. А. Бернштейна – действие, в котором основная роль принадлежит уровню предметных действий D. Значимые же свойства этого изображения, получающие то или иное символическое толкование, проникают в его рисунок по большей части неосознанно, без намерения со стороны испытуемого что-либо специально символизировать данным изображением. Эти значения составляют фактическое содержательное наполнение высшего (символического) уровня E, который в результате инверсии попал в подчиненное, неосознаваемое положение.

Представим теперь, что в процессе психодиагностического исследования в активности испытуемого продолжают действовать исключительно отношения ордера. В этом случае производящий диагностическое исследование специалист получал бы от испытуемого только ту информацию, которую этот испытуемый намеренно и целенаправленно решил ему предоставить о себе самом. Нетрудно заметить, что прогностическая ценность такого исследования была бы очень невелика. Такое исследование никак не гарантировало бы, что испытуемый дает о себе действительно объективную информацию, даже и при его собственном желании быть объективным, и уж подавно не создавало бы никакой защиты от заведомой нечестности с его стороны. А поскольку при психодиагностическом обеспечении управления персоналом от результатов исследования при оценке, отборе и подборе персонала в определенном смысле зависит судьба испытуемого, в частности, перспектива его трудоустройства и/или карьерного продвижения, то ожидать от него объективности значило бы проявлять наивность и недопустимое легкоеверие – испытуемый в этом случае выступает как явно заинтересованная сторона.

Если в качестве психологического теста используются опросники, то принцип их применения, в сущности, тот же, хотя и представлен менее наглядно, чем при использовании тестовых рисунков. Обыкновенно диагностический опросник состоит из достаточно большого количества утверждений или вопросов, каждый из которых в отдельности носит частный характер; эти вопросы объединены в одну или несколько шкал. Количество вопросов, относящихся к каждой отдельной шкале, обычно таково, что испытуемый не может одновременно удерживать их в актуальном сознании. Для того чтобы еще более затруднить это удержание всей совокупности вопросов по отдельной шкале в актуальном сознании испытуемого, вопросы разных шкал обычно в хаотической форме перемешиваются между собой, а порой к ним еще добавляются лишние, неучитываемые, маскировочные вопросы. Ответы на каждый из значимых вопросов теста является частной операцией, находящейся в подчиненном иерархическом положении по отношению к обобщениям в рамках каждой шкалы и опросника в целом. Однако обработка этих шкал, которая и представляет собой операцию по обобщению материала, остается прерогативой психолога, специалиста по психодиагностике. В результате налицо инверсия: свойства личности испытуемого, изучение которых и является целью данного тестирования, умышленно отгесняются на второй план и не отображаются непосредственно в актуальном сознании самого испытуемого. На первый же план выходят лишь частности, представленные в отдельных вопросах или утверждениях опросника; будучи рассматриваемы по одному, эти вопросы не составляют в сознании испытуемого никакой целостной картины.

Итак, в основе психодиагностического тестирования лежит инверсия между конкретным и абстрактным; конкретные операции, составляющие (например, по представлениям Ж. Пиаже) [3; 6, С. 397] низший иерархический уровень, выходят на первое место и оставляют в тени формальные операции, относящиеся к высшему уровню. Это, собственно, и требуется для проведения адекватной процедуры психодиагностического тестирования. Таким образом, реализация инверсивных отношений в иерархической системе человеческой активности (а также в иерархии умственных операций) составляет концептуальную основу психодиагностического тестирования, что является весьма ярким примером роли философского обоснования исследований в практической психологии, а также междисциплинарных связей между философской и психологической дисциплинами.

Список литературы:

1. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.
2. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты. М.: Владос-Пресс, 2006. 160 с.
3. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: РИМИС, 2008. 448 с.
4. Севостьянов Д. А. Инверсивное тело (философский анализ). Новосибирск: ООО Рекламно-издательская фирма «Новосибирск», 2009. 186 с.
5. Севостьянов Д. А. Противоречие и инверсия. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. 245 с.
6. Солсо Р. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. 600 с.

References:

1. Bernshtejn N.A. Fiziologija dvizhenij i aktivnost'. M.: Nauka, 1990. 496 s.
2. Venger A.L. Psihologicheskie risunochnye testy. M.: Vlados-Press, 2006. 160 s.
3. Piazhe Zh. Rech' i myshlenie rebenka. M.: RIMIS, 2008. 448 s.
4. Sevost'janov D. A. Inversivnoe telo (filosofskij analiz). Novosibirsk: ООО Reklamno-izdatel'skaja firma «Novosibirsk», 2009. 186 s.
5. Sevost'janov D. A. Protivorechie i inversija. Novosibirsk: IC NGAU «Zolotoj kolos», 2015. 245 s.
6. Solso R. Kognitivnaja psihologija. M.: Trivola, 1996. 600 s.

Сведения об авторе:

Севостьянов Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом, Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск, Россия).

Новые подходы к интеграции психологического знания в педагогическое образование

Челнокова Татьяна Александровна

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Россия

e-mail: nauka@zel.ieml.ru

Аннотация. В статье представлены современные подходы в интеграции психологического знания в подготовку будущих педагогов. Автор отмечает возрастание роли психологических знаний и умений в педагогической деятельности в связи с принятием профессиональных стандартов педагога. В статье вопрос интеграции психологических знаний в дисциплины педагогической науки рассматривается с учетом современных методологических требований к профессиональному образованию.

Ключевые слова: психологическое знание, интеграция, профессиональный стандарт, методологические подходы, компетентностный подход, психотехника.

New approaches to integration of psychological knowledge into pedagogical education

Chelnokova Tatiana Aleksandrovna

Kazan Innovation University named after V.G. Timirjasov (IEUP), Russia

e-mail: nauka@zel.ieml.ru

Abstract. The article presents modern approaches to integration of psychological knowledge into preparation of the future teachers. The author notes the increasing role of psychological knowledge and skills in the pedagogical activity in connection with adopting the professional standards of teacher. Then issue of psychological knowledge integration into disciplines of pedagogical science is considered with account of modern methodological requirements to professional education.

Keywords: psychological knowledge, integration, professional standard, methodological approaches, competency-based approach, psychotechnics.

Первого января 2017 года вступил в действие профессиональный стандарт "Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)". Согласно представленной в стандарте характеристике квалификации педагогических работников, осуществление ими деятельности по обучению, воспитанию и развитию обучающихся выстраивается с опорой не только на предметные знания или знания педагогической науки. Особое место в квалификационных характеристиках отводится психологическим знаниям и умениям использовать их в работе с детьми. Только с опорой на психологическое знание возможно целенаправленное и эффективное «формирование мотивации к обучению», «регулирование поведения...», «развитие у обучающихся познавательной активности, самостоятельности, инициативы, творческих способностей ...» и т.д. [1].

Профессиональные стандарты педагога заставляют переосмыслить формы, методы, подходы к интеграции психологического знания в систему педагогического образования. Формирование новых подходов к интеграции психологического знания в педагогическое образование – актуальная проблема исследования, которая поднимается в работах ряда авторов (Т.И. Безуглая, С.Н. Костромина, Г.В. Новикова). Т.И. Безуглова представляет процесс интеграции психологических знаний в педагогическое образование как его психологизацию, предполагающую внесение определенных изменений в «структурирование процесса обучения и профессиональной подготовки будущего педагога» [2, С. 49].

Особо актуально переосмысление роли психологического знания в подготовке будущих педагогов дошкольного образования. Социально значимой целью научного исследования выступает изучение технологии включения психологического знания в процесс подготовки педагогов, чья будущая деятельность связана с детьми раннего и дошкольного возраста. Содержательный блок психологического знания, на основе которого выстраивается квалификационная готовность педагога дошкольной организации к выполнению профессиональных задач, включает достаточно широкий круг вопросов (движущие силы и факторы развития личности ребенка; развитие сенсорной организации ребенка; особенности деятельностного развития ребенка в раннем и дошкольном возрасте; психологическая готовность ребенка к школе и др.). Постигание студентом данных знаний в рамках дисциплин, представляющих отрасли психологии (педагогическая психология, возрастная психология и т.п.), не обеспечит необходимый уровень готовности будущего воспитателя или учителя к

педагогической деятельности. Это определяет необходимость системного приобщения студентов к психологическому знанию в процессе освоения всех дисциплин (модулей), формирующих сегодня содержание высшего педагогического образования.

Можно выделить имеющие огромное значение для педагогической деятельности области психологического знания, постижение которого может быть организовано и в рамках преподавания педагогических дисциплин. В первую очередь – знания в области детской психологии, которая, как отмечает Л.С. Обухова, формировалась в исследованиях Л.С. Выготского, А Валлона, З.Фрейда, Д.Б. Эльконина [3]. Опираясь на данные знания, педагог может оценить развитие ребенка, формируя индивидуальные программы педагогической поддержки этого процесса. При этом, сущность и специфика психического развития ребенка постигаются студентом при изучении психологии, а благодаря ее интеграции в пространство дисциплин, относящихся к педагогическим наукам, студент приобретает знания и умения, которые позволят ему в будущем осознано управлять процессами обучения, воспитания и развития обучающихся. Например, организовав изобразительную деятельность, обеспечивать эффективное развитие сенсорной организации дошкольника, используя в этих целях шумовые эффекты (шум волн, звук автомобиля, шелест листвы) или целенаправленное использование преимуществ наглядно-действенного мышления в формировании начальных математических знаний младшего школьника. Целенаправленно формируя у студентов обращение к психологическим знаниям в построении педагогической деятельности, преподаватели педагогических дисциплин закладывают основы развития их будущего профессионализма.

Интеграция психологического знания в подготовку педагогов опирается на методологические основы современного образования. С позиции компетентностного подхода обучение «приобретает деятельностный характер, т.е. формирование знаний и умений осуществляется в практической деятельности студентов» [4]. Содержанием практической деятельности студентов может быть решение ситуативных задач, предполагающих объяснение тех или иных педагогических действий с опорой на психологическую теорию и практику. Приведем пример задачи, в решение которой могут быть использованы методы психотехники: «Даша ходит в хореографический кружок и вокальную студию, умеет держаться на сцене. При подготовке к Новому году воспитатель предложил детям принять участие в распределении ролей. Даша пыталась сама распределять все роли, между ею и другими девочками возник конфликт». Студентам предлагается подобрать

приемы психотехники в преодолении конфликта. Выполнение данного и подобных заданий предполагает необходимость освоения будущими педагогами еще одной области психологических знаний – психотехники. С точки зрения В.П. Пахомова, В.А. Постаевой, И.Л. Шелехова, психотехнический подход в педагогической практике выступает основой «для формирования психологической компетентности учителя» [5, С. 136]. Обратившись к опыту А.С. Макаренко, данные авторы утверждают, что психотехнический подход, примененный в педагогической практике «начинает преобразовывать, содержательно изменять педагогическое восприятие и коммуникацию» [5, С. 141].

Не менее значимы для интеграции психологического знания идеи личностно-ориентированного подхода. Сущность личностно-ориентированного подхода состоит в создании условий для саморазвития, самопознания обучающегося. Основная цель применения данного подхода в практике профессионального педагогического образования заключается в создании условий профессионального развития будущих педагогов. Профессиональное развитие личности – это сложный процесс, направленный «на освоение человеком различных аспектов труда, в частности профессиональных ролей, профессиональной мотивации, профессиональных знаний и навыков» [6, С. 4]. Психологические знания становятся не только основой для эффективной будущей практики в работе с дошкольниками, они выступают основой познания студентами самих себя как субъектов педагогического взаимодействия. Реализация личностно-ориентированного подхода в системе педагогического образования предполагает формирование у студентов рефлексивных умений. Рефлексивные умения должны стать основой адекватного восприятия будущим педагогом своих мыслей, чувств и действий, собственной готовности к выполнению трудовых функций обучения, воспитания, развития.

Особые возможности в интеграции психологического знания в будущую педагогическую практику играют учебные дисциплины, создаваемые на основе двух областей знаний. Так, в учебный план по направлению «Педагогическое образование» в Казанском инновационном университете им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП) включена дисциплина «Педагогика и психология развития личности». Уже название дисциплины свидетельствует о том, что ее содержание носит междисциплинарный характер. Лекционный материал позволяет обратить внимание студентом на особенности постановки проблемы развития личности в педагогике и психологии, подвести их к пониманию необходимости интеграции всех знаний в решение педагогических задач. Практические занятия по

дисциплине «Педагогика и психология развития личности» содержат задания, решение которых предполагает объяснение студентами тех или иных организуемых педагогом учебных действий с опорой на психологическую теорию (например, учебных действий дошкольников: назвать лишнее или распределить предметы по группам).

Среди образовательных задач дисциплины «Педагогика и психология развития личности» - подготовка будущих педагогов к реализации развивающей направленности общего образования. Важнейшим ориентиром педагогической деятельности воспитателя и учителя начальных классов является развитие управляющей функции головного мозга. Организация данного процесса в работе с детьми опирается на знания теории развития данной функции мозга, ее сущностного предназначения. Согласно ряду зарубежных исследователей «управляющие функции – это процессы, которые обеспечивают многие виды каждодневной деятельности, включающие планирование, гибкое мышление, сосредоточенное внимание и торможение поведения, и которые продолжают развиваться в ранней взрослости» [7]. Понимание физиологической основы управления поведением и действиями, знание педагогических средств, способных привести в движение механизмы развития управляющей функции мозга - одно из условий эффективности педагогической деятельности. Подготовка к ней в системе вузовского образования происходит через научение студентов искать теоретическое обоснование для любого вида педагогических действий в психологической науке. Не меньшее значение для успешного решения педагогических задач имеет и практическая психология, которая содержит большое количество техник, способных обеспечить развитие оперативной памяти, психической гибкости, тормозящего контроля, образующих функцию управления.

Среди целевых ориентиров общего образования – социальное развитие личности, педагогическая поддержка процесса социализации, духовно-нравственное развитие обучающихся. В реализации заданных государством целей актуальное значение приобретает знание будущими педагогами психологических механизмов действия средств, методов, форм, приемов воспитания. Раскрывая студентам закономерности, принципы, понятия теории воспитания с опорой на психологическое знание, ведущий педагогические дисциплины преподаватель сможет сделать их будущую деятельность по воспитанию более эффективной, ведь организующий ее специалист будет учитывать зависимость воспитательного взаимодействия от индивидуально-типологических особенностей личности, возрастных особенностей обучающегося, эмоциональных состояний и т.п.

Рассматривая новые подходы к интеграции психологического знания в систему педагогического образования, необходимо отметить возможности интерактивных технологий обучения. Сочетание трех форм активности человека (познавательной, социальной, физической) в образовательной деятельности студентов, содержание которой формируется с учетом возможностей интеграции тех или иных областей психологического знания в педагогику, будет способствовать повышению уровня профессиональной готовности выпускников педагогических вузов к решению профессиональных задач.

Список литературы:

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 года №544н «Об утверждении профессионального стандарта "Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)"». URL: <http://docs.cntd.ru/document/499053710>
2. Безуглая, Т.И. Направления психологизации высшего профессионального педагогического образования// Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2013. № 3 (25). С. 49-53.
3. Обухова Л.С. Детская (возрастная) психология. М.: Российское педагогическое агентство, 1996 374 с.
4. Везитиу, Е.В. Компетентностный подход в подготовке будущих педагогов как приоритет модернизации высшего образования. // Проблемы современного педагогического образования. 2015. № 46-1. С.208-212.
5. Пахомов В.П., Постаева В.А., Шелехов И.Л. Проблема психологической подготовки учителя и значение психотехнического подхода в педагогической практике. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Выпуск 4 (94). С.136-145.
6. Челнокова, Т.А. Педагогическое проектирование профессионального развития личности на этапе школьного обучения. Автореф.дис. на соиск.степени докт.пед.н. Ульяновск, 2012. 42 с.
7. Кнапп К, Брюс М. Дж. Развитие мозга и управляющее функционирование // Трэмблей Р.Э., Буаван М, Петерс Р., ред. Мортон Д.Б., ред. темы. Энциклопедия раннего детского развития. URL: <http://www.encyclopedia->

deti.com/upravlyayushchie-funkcii/ot-ekspertov/razvitie-mozga-i-upravlyayushchee-funkcionirovanie

References:

1. Prikaz Ministerstva truda i social'noj zashhity RF ot 18 oktjabrja 2013 goda №544n «Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Pedagog (pedagogicheskaja dejatel'nost' v sfere doskol'nogo, nachal'nogo obshhego, osnovnogo obshhego, srednego obshhego obrazovaniya) (vospitatel', uchitel')"». URL: <http://docs.cntd.ru/document/499053710>
2. Bezuglaja, T.I. Napravlenija psihologizacii vysshego professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya// Izvestija Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki. 2013. № 3 (25). S. 49-53.
3. Obuhova L.S. Detskaja (vozzrastnaja) psihologija. M.: Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1996 374 s.
4. Vezitiu, E.V. Kompetentnostnyj podhod v podgotovke budushhih pedagogov kak prioritet modernizacii vysshego obrazovaniya. // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2015. № 46-1. S.208-212.
5. Pahomov V.P., Postaeva V.A., Shelehov I.L. Problema psihologicheskoy podgotovki uchitelja i znachenie psihotekhnicheskogo podhoda v pedagogicheskoy praktike. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2010. Vypusk 4 (94). S.136-145.
6. Chelnokova, T.A. Pedagogicheskoe proektirovanie professional'nogo razvitija lichnosti na jetape shkol'nogo obuchenija. Avtoref.dis. na soisk.stepeni dokt.ped.n. Ul'janovsk, 2012. 42 s.
7. Knapp K, Brjus M. Dzh. Razvitie mozga i upravljajushhee funkcionirovanie // Tremblej R.Je., Buavan M, Peters R., red. Morton D.B., red. temy. Jenciklopedija rannego detskogo razvitija. URL: <http://www.encyclopedia-deti.com/upravlyayushchie-funkcii/ot-ekspertov/razvitie-mozga-i-upravlyayushchee-funkcionirovanie>

Сведения об авторе:

Челнокова Татьяна Александровна, доктор педагогических наук, доцент, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (Россия).

**«Длинное детство» психологии. Сокровищница
гуманитарного (литературного) и
публицистического этапа развития
психологического знания**

**Прообразы психологов в романе Ф.М. Достоевского «Братья
Карамазовы»**

Нагорнова Наталья Анатольевна
ГУ ОПФР по Самарской области, Россия.
e-mail: nagornoffa@yandex.ru

Аннотация. Ф.М. Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы» предвосхитил некоторые направления практической психологии задолго до их появления в том виде, в каком мы их знаем сегодня.

Ключевые слова: психологическая деятельность, прообразы, предвосхищение.

**Types of psychologists in F.M. Dostoevsky's "The Brothers
Karamazov"**

Nagornova Natalia Anatolievna
Pension Fund of the Russian Federation, Samara Region, Russia
e-mail: nagornoffa@yandex.ru

Abstract. F. M. Dostoyevsky in his novel "The Brothers Karamazov" anticipated some of the directions of practical psychology long before they appear in the form which we know them today.

Keywords: psychological activity, types, anticipation.

*«В одной из своих лекций Мамардашвили говорил, что он рассматривает художественную литературу и поэзию как экспериментальную психологию»
(В.П. Зинченко).*

Читая роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», каждый интерпретирует его по-своему. Заранее соглашаюсь, что моя трактовка обусловлена моим погружением в профессиональную деятельность, и взгляд мой преломлен через практическую психологию, как через призму.

Роман психологичен, раскрывает и показывает переживания героев, дает представление об их мотивации, подробно описывает процессы их рефлексии, эмоциональное состояние, пути их духовного развития. Он пронизан такими словами, как «психология», «психологичный», «психологическое объяснение», «психологические характеристики», «психология на всех парах», «психология – палка о двух концах». И в некоторых героях – в их поступках, деятельности, развитии мыслей, способе восприятия действительности и влияния на окружающую жизнь – мне увиделись прообразы психологов.

Действие романа происходит в 70-80-е годы XIX века. В эту пору психология как научная дисциплина только зарождалась, постепенно выделяясь из соответствующих областей философии, медицины, точных наук. Роман был дописан в 1880 году, а в 1879 году В. Вундт открыл первую в мире психологическую лабораторию (что считается годом рождения психологии как науки). Гораздо позже - в начале XX века - происходит бурный рост сразу нескольких направлений в психологии (психоанализ, бихевиоризм, гештальтпсихология, психодиагностика, социальная психология, когнитивная, гуманистическая, трансперсональная, инженерная, др.). Семейное консультирование стало активно развиваться во 2 половине XX века.

Таким образом, описывая в своем романе деятельность некоторых своих героев, Ф.М. Достоевский предвосхитил, на мой взгляд, некоторые направления практической психологии задолго до их появления в том виде, в каком мы их знаем сегодня. Герои эти – Алеша Карамазов и его духовный наставник старец Зосима.

Сначала о старце Зосиме.

Образ старца Зосимы, по моим ощущениям, перекликается с архетипическим образом старца, описанного К.Г. Юнгом в 1942 г.: «Фигура мудрого старца ... берет на себя роль гуру, духовного учителя. Старец-мудрец появляется в снах в облике волшебника, доктора, священника, учителя, профессора, дедушки или кого-либо еще, обладающего авторитетом» [5].

И вот как описывает образ старца Ф.М. Достоевский в романе: «Старец - это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. ... Изобретение это, то есть старчество, — не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней. Обязанности к старцу не то, что обыкновенное «послушание», всегда бывшее и в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвизающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным» [2, Т. 1, С. 56].

Старец Зосима по содержанию осуществляет психологическую практическую деятельность – встречается с прихожанами, приходящими к нему с потребностью понять, разобраться в своей текущей ситуации, в своих чувствах – «сердце разобрать», и даже излечиться. Излечения старцем приходящих больных происходили при полной мобилизации веры и желания исцеления самих прихожан в момент катарсиса – с помощью особого настроя, как при плацебо: «... сотрясение, вызванное ожиданием непрямого чуда исцеления и самую полную верой в то, что оно совершится. И оно совершалось хотя бы только на одну минуту. Точно так же оно и теперь совершилось, едва лишь старец накрыл больную эпитрахилью» [2, Т. 1, С. 80]. То есть, то, что сейчас практикуется с помощью гипноза, медитаций, внушения.

Помимо практической, одной из составляющей частей работы психолога является просветительство, разъяснение понятий, которые важны для людей. Этим старец Зосима тоже занимается, он разъясняет приходящим к нему людям такие понятия, как ложь, обида, горе, любовь, смысл жизни, свобода, др. Приведу некоторые примеры.

Ложь – «Главное, самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от непрерывной лжи и людям и себе самому» [2, Т. 1, С. 76].

Обида - «... обидеться иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навывдумал и налгал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, — знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большого удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной» [2, Т. 1, С. 76].

Горе – «Есть в народе горе молчаливое и многотерпеливое; оно уходит в себя и молчит. Но есть горе и надорванное: оно пробьется раз слезами и с той

минуты уходит в причитывания. Это особенно у женщин. Но не легче оно молчаливого горя. Причитания утешают тут лишь тем, что еще более растрavляют и надрывают сердце. Такое горе и утешения не желает, чувством своей неутолимости питается. Причитания лишь потребность раздражать беспрерывно рану» [2, Т.1, С. 81].

Свобода - «Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее» [2, Т. 1, С. 329]; «свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, — но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?» [2, Т. 1, С. 329].

Сцены бесед старца с верующими воспринимаются как прообраз семейного консультирования. Есть и прообраз организации им групповой работы: «Собери он у себя раз в неделю, в вечерний час, сначала лишь только хоть деток, — прослышат отцы, и отцы приходиться начнут. Да и не хоромы же строить для сего дела, а просто к себе в избу прими; не страшись, не изгадят они твою избу, ведь всего-то на час один собираешь. Разверни-ка он им эту книгу и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко, сам радуясь тому, что читаешь им и что они тебя слушают и понимают тебя, сам любя словеса сии, изредка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не беспокойся, поймут все, все поймет православное сердце!» [2, Т. 1 С. 374].

В романе описаны сомнения, неудовлетворенность старца Зосимы, свойственные любому психологу. «Словно игла острая прошла мне всю душу насквозь. ... «Да, стою ли», — вскочило мне вдруг в голову» [2, Т. 1, С. 380]. Такой же метафорический символ появления смысла мы читаем у Лакана, который «сравнивал появление смысла с внезапным появлением на поверхности острия швейной иглы, пронизывающей и соединяющей несколько слоев прожитого» [4].

Старец Зосима рассказывает о своих пиковых переживаниях – «моментах величайшей зрелости, индивидуации, реализации [3]: «Хотел я и еще продолжать, да не смог, дух даже у меня захватило, сладостно, юно так, а в сердце такое счастье, какого и не ощущал никогда во всю жизнь» [2, Т. 1, С. 382]. Такие моменты свойственны, по мнению А.Маслоу, людям, реализующим свой потенциал, стоящим на высших ступенях самоактуализации, синтезирующим различные жизненные противоречия.

Особый взгляд на человека позволяет старцу относиться с взаимным доверием к тем, кто оступился и утратил веру в людей: «Все время, как он

говорил это, глядел я ему прямо в лицо и вдруг ощутил к нему сильнейшую доверенность, а кроме того, и необычайное и с моей стороны любопытство, ибо почувствовал, что есть у него в душе какая-то своя особая тайна» [2, Т.1, С.385].

Зосима вступает в непростые отношения с преступником, как психолог, погружается в длительную терапию, иногда балансируя на грани жизни и смерти, преодолевая этапы мощнейшего сопротивления и спасая тем самым пропащую душу оступившегося: «А помнишь ли, как я к тебе тогда в другой раз пришел, в полночь! Еще запомнить тебе велел? Знаешь ли, для чего я входил? Я ведь убить тебя приходил! Я так и вздрогнул. — Вышел я тогда от тебя во мрак, бродил по улицам и боролся с собою. И вдруг возненавидел тебя до того, что едва сердце вынесло» [2, Т. 1, С. 396].

«И не то чтоб я боялся, что ты донесешь (не было и мысли о сем), но думаю: «Как я стану глядеть на него, если не донесу на себя?» И хотя бы ты был за тридевять земель, но жив, все равно, невыносима эта мысль, что ты жив и все знаешь, и меня судишь. Возненавидел я тебя, будто ты всему причиной и всему виноват. Воротился я к тебе тогда, помню, что у тебя на столе лежит кинжал. Я сел и тебя сесть попросил, и целую минуту думал. Если б я убил тебя, то все равно бы погиб за это убийство, хотя бы и не объявил о прежнем преступлении. Но о сем я не думал вовсе и думать не хотел в ту минуту. Я только тебя ненавидел и отомстить тебе желал изо всех сил за все. Но господь мой поборол диавола в моем сердце» [2, Т.1, С. 397].

Сегодня среди пользователей социальных сетей популярны мотивационные психологические цитаты и афоризмы. К примеру, такая популярная фраза: «Увижу - поверю» — сказал человек. «Поверишь - увидишь» — сказала Вселенная», то же у современного американского писателя Н.Д. Уолша: «Некоторые говорят: «пока не увижу, не поверю!» А я говорю тебе: «пока не поверишь, не увидишь!» У Ф.М. Достоевского мы читаем в словах Зосимы: «В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры. Если реалист раз поверит, то он именно по реализму своему должен непременно допустить и чудо. Апостол Фома объявил, что не поверит, прежде чем не увидит, а когда увидел, сказал: «Господь мой и бог мой!» Чудо ли заставило его уверовать? Вероятнее всего, что нет, а уверовал он лишь единственно потому, что желал уверовать и, может быть, уже веровал вполне, в тайнике существа своего, даже еще тогда, когда произносил: «Не поверю, пока не увижу» [2, Т.1, С. 54].

Теперь об Алексее.

По словам А. Суворина, писатель планировал после монастыря сделать Алешу революционером [1, С. 117-120]. Тем не менее, в романе мне он

представляется именно психологом – принимающим, понимающим, помогающим. О том, что Алексей Карамазов – главный герой повествования, для меня определилось буквально с первых слов романа: «Алексей Федорович Карамазов...» - эти первые, не считая эпиграфа, слова на меня воздействовали, как настрой на главного героя романа, как прайминг.

Автор в романе пишет от своего имени об Алеше: «...скажу мое полное мнение: был он просто ранний человеколюбец, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его» [2, Т. 1, С 46], «характер любви его был всегда деятельный. Любить пассивно он не мог; возлюбив, он тотчас же принимался и помогать» [2, Т. 1, С. 246].

Особое отношение автора к Алеше мне видится и в эпизоде, когда женщина, схоронившая четырех сыновей, не может смириться с потерей именно последнего сыночка: «Трех первых схоронила я, не жалела я их очень-то, а этого последнего схоронила и забыть его не могу» » [2, Т. 1, С. 81]. И звали того младенчика Алексеем. Здесь я ощутила созвучие с тем моим чувством, когда, прочитав в романе о четырех сыновьях Федора Карамазова, в душе моей так же незабвенным остался только один из них - Алексей (Карамазов).

Деятельность Алеши, как психолога, просматривается в том, как неутомимо, моментально откликаясь, с искренним и живым интересом он ходит по всем, кто в нем нуждается, выслушивая, наблюдая, размышляя, не превышая своих прав и возможностей. Все с ним охотно говорят, поверяют ему тайны, делятся секретами. И делает он это все, как опытный психолог – без нажима, без наставлений и нравоучений, не нарушая ничьих личных границ, в основном, отвечая лишь на то, о чем его спрашивают и просят – «по запросу».

Красноречивый эпизод, когда к нему обращаются с поручением – передать сообщение с эмоциональным контекстом, со всеми нюансами и оттенками смысла: «я была вчера и сегодня утром несчастна, недоумеваю, как я напишу им это ужасное письмо... потому что в письме этого никак, ни за что не передашь... Теперь же мне легко будет написать, потому что вы там у них будете налицо и все объясните » [2, Т. 1, С. 251].

Алеша принимал людей такими, какие они есть, и это раскрывало их, укрепляло веру в себя: «Не знаю я, не ведаю, ничего не ведаю, что он мне такое сказал, сердцу сказало, сердце он мне перевернул... Пожалел он меня первый, единый, вот что!» [2, Т. 2, С. 42] – радовалась Грушенька. Он приходил к

согласию с братом Митей: «Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощения» [2, Т. 2, С. 46].

И так же, как и наставнику его старцу Зосиме, Алеше дано переживать пиковое состояние: «Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю» [2, Т. 2, С. 48].

Алеше свойственна прозорливость знатока человеческих душ: он понял степень участия брата Ивана в убийстве отца, распознал его болезнь и печальный исход; в истории с Илюшей – понимал, что значил для больного мальчика приход Коли Красоткина, осознавал, что Коля запоздал со своим приходом, ясно видел, что Илюшу не спасти.

Позиция Алеши, как и у психолога: при общении с человеком в критическом состоянии его первая автоматическая реакция – присоединение, как в сцене разговора с Иваном: «Расстрелять! — тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата» [2, Т. 1, С. 314]. А после, из общей единой позиции – постепенный разбор ситуации: «Я сказал нелепость, но...» [2, Т. 1, С. 315].

В заключительной сцене романа показана психолого-педагогическая роль Алеши: в минуту волнения и наивысшего сосредоточения своих душевных сил, одухотворения – сфокусировать внимание собравшихся мальчиков на этом состоянии, закрепить его в памяти и использовать это запоминание как фундамент укрепленного духа и нравственных начал: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» [2, Т. 2, С. 522].

Почему из всех братьев Карамазовых именно Алеша стал таким – чистым, всепрощающим, несущим тепло и свет? Возможно, был и у него свой

«фундамент» из запоминаний, который он пытался закрепить и у мальчиков, так как знал о его спасительном и поддерживающем свойстве.

Я нахожу ответ в романе следующий: это - результат ранней безусловной материнской любви, с которой Алеша оказался знаком, ощутил ее, запомнил: «... оставшись после матери всего лишь по четвертому году, он запомнил ее потом на всю жизнь, ее лицо, ее ласки, «точно как будто она стоит предо мной живая». Такие воспоминания могут запоминаться (и это всем известно) даже и из более раннего возраста, даже с двухлетнего, но лишь выступая всю жизнь как бы светлыми точками из мрака, как бы вырванным уголком из огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кроме этого только уголочка. Так точно было и с ним: он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице... и вдруг вбегают нянька и вырывает его у нее в испуге. Вот картина! Алеша запомнил в тот миг и лицо своей матери: он говорил, что оно было иступленное, но прекрасное, судя по тому, сколько мог он припомнить.» [2, Т. 1, С. 45].

И как результат - великодушие и притягательность, безоценочное отношение к любому человеку: «Но людей он любил: он, казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей, а между тем никто и никогда не считал его ни простячком, ни наивным человеком. Что-то было в нем, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит. Казалось даже, что он все допускал, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя. Мало того, в этом смысле он до того дошел, что его никто не мог ни удивить, ни испугать, и это даже в самой ранней своей молодости» [2, Т. 1, С. 46].

Такое же детское воспоминание закрепилось и у Зосимы: «Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском, и это почти всегда так, если даже в семействе хоть только чуть-чуть любовь да союз. Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные, если только сама душа твоя способна искать драгоценное» [2, Т. 1, С. 371].

Это, на мой взгляд, является важным жизненным обстоятельством обоих этих героев – старца Зосимы и Алеши Карамазова, позволившим им обладать

такими свойствами, качествами и личностными характеристиками, которые интуитивно, по зову сердца вывели их на путь, по которому через много лет будут следовать практикующие психологи.

Список литературы

1. Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. 280 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. В 2 томах. М.: Правда, 1991.
3. Маслоу А. Пиковые переживания. URL: http://flogiston.ru/library/maslow_2
4. Шутценбергер А.А. Синдром предков. М.: 2001. С. 240.
5. Юнг К.Г. Дух Меркурий. URL: https://royallib.com/read/gustav_yung/duh_merkuriy.html#0

References:

1. Al'tman M.S. Dostoevskij. Po vecham imen. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1975. 280 s.
2. Dostoevskij F.M. Brat'ja Karamazovy. V 2 tomah. M.: Pravda, 1991
3. Maslou A. Pikovye perezhivanija. URL: http://flogiston.ru/library/maslow_2
4. Shutcenberger A.A. Sindrom predkov. M.: 2001. S. 240.
5. Jung K.G. Duh Merkurij. URL: https://royallib.com/read/gustav_yung/duh_merkuriy.html#0

Сведения об авторе:

Нагорнова Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, психолог, ГУ ОПФР по Самарской области (Самара, Россия).

Психологические суждения в военно-философских трактатах Китая (на примере «Вертограда полководца»)

Шульга Даниил Петрович

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия

e-mail: danilo_petrovich@yahoo.com

Шульга Анна Александровна

Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, Россия

e-mail: alkaddafa@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот трактата «Вертоград полководца», авторство которого приписывается Чжугэ Ляну. Автор трактата продолжает представления о военных лидерах, начало которому было положено при Сунь-цзы. Он отстаивает идею независимости военачальника от правителя. В области рекомендаций полководцу Чжугэ Лян впервые в китайской традиции формирует классификацию психологических характеристик для девяти типов результативных генералов. Чжугэ Лян описывает все виды правильного и неверного в армии, давая и способы решения проблем. Можно сказать, что автор «Вертограда полководца» стал первым в традиции Поднебесной, кто описал черты характера, необходимые офицерам всех уровней.

Ключевые слова: Китай, искусство войны, военная психология, Чжугэ Лян, Троецарствие.

Psychological reasoning of Chinese military-philosophical treatise (case of «The Vineyard of General»)

Shulga Daniil Petrovich

Novosibirsk State University of Economy and Management, Russia

e-mail: danilo_petrovich@yahoo.com

Shulga Anna Aleksandrovna

Siberian Institute of Management — the branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Russia

e-mail: alkaddafa@gmail.com

Abstract: Zhuge Liang continues the military leaders' social status ideas in the country, which had been stated in the «Sun Tzu». He insists on the military leader independence from the governor during the war. In the field of requirements for military leader Zhuge Liang for the first time creates a classification based on their qualities, high lighting nine types of successful generals. Zhuge Liang describes all kinds of right and wrong in the army and gives the methods for their detection. Zhuge Liang for the first time gives a description of qualities necessary for officers of all levels.

Keywords: China, Art of war, military psychology, Zhuge Liang, Three Kingdoms period.

Трактат «Вертоград полководца» очень мало известен в России, так как лишь совсем недавно был полностью переведен на русский язык одним из авторов настоящей статьи. Признанный традицией создатель «Вертограда полководца», Чжугэ Лян (хотя ряд ученых оспаривает его авторство), исходя из того факта, что все люди разные и обладают различными талантами, впервые в Китае сделал подробную классификацию полководцев по их качествам, соответствующим тому или иному типу. Он выделяет девять основных типов полководцев: гуманный (仁将); справедливый (义将); тактичный (礼将); мудрый (智将); вызывающий доверие (信将); генерал пехоты (步将); командующий конницей (骑将); отважный (猛将) и последний – Великий (大将). Каждый тип полководца посвоему хорош и применим в условиях войны. Это отличает Чжугэ Ляна от его предшественников, которые достаточно узко устанавливали характеристики «идеального полководца», не выделяя отдельных групп по личностным особенностям. Чжугэ Лян же создает образ идеального полководца как раз путем отбора лучших качеств для дела войны у людей разных психологических типов. «Великий полководец – это тот, кто старается перенять лучшие черты у других талантливых людей, считается с чужим мнением, обладает великодушным характером, но вместе с тем непреклонен в своих решениях, тот, кто действует стремительно, но вместе с тем всегда продуманно» [4, С. 35]. Чжугэ Лян являлся сторонником «психологического подхода» к военному искусству. Полководец непременно должен быть тонким психологом. Он подробно описывает не только все виды

зла и добра, существующие в армии и государстве, но и методы выявления как выдающихся, талантливых, так и подлых, низких людей. («Первый – пытаться узнать, имеет ли он склонность обманывать; наблюдать, чисты ли его помыслы; второй – спорить с ним и наблюдать за тем, какова его реакция в неожиданной для него ситуации; третий – консультироваться с ним по поводу планов и наблюдать, талантлив ли он; четвертый – сообщить ему о несчастье и трудностях, чтобы увидеть, силен ли он духом; пятый – напоить его вином допьяна, чтобы лучше понять его; шестой – привлекать его богатствами и властью, чтобы выяснить, неподкупен ли он; седьмой – ограничить время, необходимое для выполнения какого-либо задания, чтобы увидеть, следует ли он всем предписаниям».) Чжугэ Лян также предлагает оригинальный способ выявления талантливых людей на офицерские должности: «Офицеры во время походов должны обсуждать все плюсы и минусы текущих дел с остальной частью армии и докладывать обо всем военачальникам» [4, С. 46]. Описаны высшие идеалы, к которым должен стремиться полководец, и типичные ошибки, которые он может допустить в военное и мирное время. До Чжугэ Ляна военные теоретики не уделяли особого внимания таким свойствам человеческой природы, как, например, гордость и скупость. Однако он указывает: в каждом человеке всегда уживается как добро, так и зло; в зависимости от ситуации проявляются либо одни, либо другие его черты. «Есть люди, которые внешне мягки и бесхитростны, однако действуют лживо и коварно. Есть люди, которые внешне относятся ко всем с уважением, а внутри они полны злобы. Есть люди, которые внешне воинственны, а внутри трусливы и малодушны. Есть люди, которые на первый взгляд работают изо всех сил, фактически же ничего не делают» [4, С. 24]. Чжугэ Лян заостряет внимание и на психологических характеристиках, способностях командиров всех уровней. Он подробно перечисляет, последовательно обосновывая, необходимые качества для офицеров от командира отряда, состоящего из 10 человек, до главнокомандующего. «Способный определить шпиона среди отряда солдат, выявить солдатские нужды, убедить толпу – может командовать отрядом в 10 человек. Способный рано просыпаться и поздно ложиться спать, умело подбирать слова для речей – может командовать отрядом в 100 человек. Характером открытый, но тщательно обдумывающий все решения, бравадный и умелый в бою – может командовать отрядом в 1000 человек. Внешне воинственный, внутри полный энтузиазма, в полной мере понимающий солдатскую долю – голод и холод, способен руководить 10000 человек. Выдвигающий умелых, отбирающий способных людей, все время сохраняющий осторожность, искренне преданный своему делу и полный

великодушия, способный разрешать самые трудные ситуации – это и есть верховный главнокомандующий, способный руководить 100000 армией. Добивающиеся расположения вассалов соседних государств путем гуманного обращения со своими подчиненными, обладающие знаниями в области астрономии, способные понимать социальную обстановку, сведущие во всех вещах в мире – такие люди относятся к полководцам, которые могут управлять всеми вещами в мире» [4, С. 86]. В трактате Чжугэ Ляна, в отличие от более ранних китайских трудов по военному делу, выделяются необходимые характеристики идеального полководца, которые возможно развить в результате обучения. А именно: пять талантов (才能), четыре требования (要求) и пять добродетелей (美德). «Пять талантов: возможность искусно анализировать маневры неприятельских войск; умение правильно наступать и отступать; знание обо всех сильных и слабых сторонах государства; умение вести боевые действия с учетом изменений времен года, а также принимать во внимание человеческий фактор; знание о всех трудностях при пересечении рек, озер и горных перевалов» [4, С. 109]. Данное описание талантов является развернутым продолжением толкования качества, изложенного Сунь-цзы – чжи (ум). Как и Сунь-цзы, Чжугэ Лян считает необходимым для полководца обладание военным знанием и профессиональным опытом [2, С. 66]. «Четыре способности: способность побеждать умением и хитростью, прозорливость, умение сохранять спокойствие в тяжелых ситуациях, а также способность сплотить воинов» [4, С. 109]. Способность сплотить и способность вести за собой воинов были описаны У-цзы как военная «пружина» – дух полководца [1, С. 273]. «Нравственная чистота способна вдохновить простой люд. Сыновняя почтительность и уважение к старшим способны прославить на века. Верность клятвам поможет приобрести множество друзей. Умение смотреть в будущее позволяет считаться с людьми. Способность вести за собой поможет достичь выдающихся результатов. Это пять добродетелей, присущих идеальному полководцу» [4, С. 114]. Нравственная чистота является составляющей качества, названного Сунь-цзы «синь» (чувство правды). 74 Верность клятвам является следствием гуманности (жэнь) [2, С. 67]. Требуемые от полководца качества по Чжугэ Ляну – суть синкретичное развернутое описание черт, изложенных Сунь-цзы и У-цзы. Чжугэ Лян наставляет полководца и выдвигает ряд правил, соблюдая которые он никогда не потерпит поражение: «Необходимо соблюдать 15 правил: 1. Перед тем как начать строить планы, необходимо узнать о замыслах противника. 2. Нужно тщательно изучать противника и любым путем пытаться добыть информацию о нем. 3. Всегда быть храбрым и не сдаваться даже при численном превосходстве врага. 4. Быть

неподкупным и праведным. Не колебаться из-за сиюминутной выгоды. 5. Наказывать по справедливости. 6. Стойко переносить поражения. 7. Необходимо быть великодушным и снисходительно относиться к подчиненным. 8. Всегда сдерживать обещания и доводить до конца все обещанные дела. 9. Нужно относиться почтительно и соблюдать все правила этикета при общении с мудрыми людьми. 10. Ясно различать добро и зло, не верить клевете подлых людей. 11. Необходимо следить за собой и не совершать дел, противоречащих моральным устоям. 12. Быть гуманным, хорошо обходиться с подчиненными. 13. Выполнять все служебные обязанности и быть готовым пожертвовать собственной жизнью ради государства. 14. Строго соблюдать свои обязанности, знать меру и не превышать полномочий. 15. Постоянно пересматривать планы, стремиться узнать о вражеской обстановке» [4, С. 74]. Чжугэ Лян в своем труде развивает тезис даосской школы: «В использовании войск нужно ловить благоприятный момент, поэтому говорят: «В устройении жилища важно место»». Он считает, что «благоприятный момент» (цзи) (机) является решающим фактором в войне: «Необходимо подумать о составлении стратегического беспроигрышного плана. Он заключается во владении всей мгновенно изменяющейся военной ситуацией, и решающим фактором в этом является использование благоприятного момента». То есть полководец должен согласовывать свои действия с постоянно меняющейся ситуацией [6, С. 27]. Стоит отметить тот факт, что Чжугэ Лян излагает правила, соблюдая которые можно подчинить «благоприятный момент» своей воле: «Первое – изменение событий, второе – изменение конъюнктуры, третье – изменение положения. Если при выгодной смене событий не принять никаких мер, то это не будет являться мудрым поступком. Если при изменении конъюнктуры не проявить решительность, то это не будет являться хитрым поступком. Если при изменении положения не сделать ход, то это не будет храбрым поступком. Искусно воюющий полководец всегда использует момент для достижения победы» [4, С. 93].

Взаимоотношения полководца с подчиненными. Чжугэ Лян придерживается мнения своих предшественников: выстроенная система наград и наказаний в армии – важнейший фактор управления армией. «Если полководец не установил систему наказаний, солдаты перестанут соблюдать ритуал и потеряют добродетели, даже если он знатен, располагает всей Поднебесной и богатствами всех морей, он обязательно погибнет». В другом месте: «Успешное управление войском заключается в раздаче высоких постов и высоких наград для того, чтобы армия себя уважала» [4, С. 68]. Чжугэ Лян продолжает мысль У-цзы касательно равенства полководца и солдат в том, что касается

трудностей войны. «Если командный состав связывает свою жизнь с жизнями солдат и делит вместе с ними радости и невзгоды, то он контролирует исход военной компании» [там же, С. 49]. В другом месте: «Став полководцем: если из выкапываемого колодца не начала бить вода, не говори, что хочешь пить; если рис еще не сварился, не говори, что проголодался; если костер еще не разгорелся, не говори, что замерз; если палатка еще не поставлена, не говори, что хочешь спать. Летом не обмахивайся веером. В дождливую погоду не используй зонт. Будь наравне со всеми солдатами» [там же, С. 127]. Полководец также должен следить и ухаживать за своей армией. «По отношению к собственным солдатам: если возникает опасная ситуация, то их необходимо успокоить; если им становится страшно, то их нужно ободрить; если они хотят предать вас, то их необходимо умиротворить; если кого-то несправедливо обвинили, то нужно разрешить им сразу же сообщать об этом; если они строптивы, то их нужно сдерживать; если они слабы, то им необходимо оказывать поддержку; если у них имеются планы, то с ними необходимо ознакомиться; в случае клеветы необходимо провести расследование; тем более необходимо поощрять их за предприимчивость» [там же, С. 103]. И так же, как У-цзы, полагает, что необходимо заниматься воспитанием и поддержанием боевого духа солдат. «В армии солдат необходимо сначала научить выполнять легкие упражнения и только потом сложные. Управление должно осуществляться подобным образом: необходимо сначала поднять боевой дух солдат, а потом вести в бой» [там же, С. 86].

Исходя из представленного выше материала, мы можем судить о том, что к началу средневековья (в случае Китая его начало относят к III в. до н.э.) в уже сложившейся военно-философской традиции поднебесной все больший интерес стали вызывать личностные и психологические качества лиц, наделенных властью (офицеров). Это был поистине качественный переход, так как мыслители древности (Сунь-цзы, У-цзы и др.), закладывая основы «искусства войны» Средних царств были более заняты иными вопросами военной теории.

Список литературы:

1. Китайская военная стратегия. Сост., пер., вступ. ст. и коммент. Малявин В.В. М.: Издательство Апрель, Издательство АСТ, 2002. 432 с.
2. Сунь-цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы. Пер. с кит., предислов. и коммент. Н.И. Конрад. М.: Издательство АСТ, 2002. 558 с.

3. Чжан Лянькэ. Чжугэ Лян цзи цзяочжу [张连科。诸葛亮集校注。天津：天津古籍出版社；Собрание обучающих замечаний Чжугэ Ляна]. Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 2008. 256 с.
4. Чжугэ Лян. Чжугэ Лян биншу [诸葛亮。诸葛亮宾书。北京：北京燕山出版社；Военная книга Чжугэ Ляна]. Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008. 322 с.

References:

1. Kitajskaja voennaja strategija. Sost., per., vstup. st. i komment. Maljavin V.V. M.: Izdatel'stvo Aprel', Izdatel'stvo AST, 2002. 432 s.
2. Sun'-czy. Traktaty o voennom iskusstve / Sun'-czy, U'-czy. Per. s kit., predislov. i komment. N.I. Konrad. M.: Izdatel'stvo AST, 2002. 558 s.
3. Chzhan Ljan'kje. Chzhugje Ljan czi czjaochzhu [张连科。诸葛亮集校注。天津：天津古籍出版社；Sobranie obuchajushhih zamechanij Chzhugje Ljana]. Tjan'czin': Tjan'czin' gucci chuban'shje, 2008. 256 s.
4. Chzhugje Ljan. Chzhugje Ljan binshu [诸葛亮。诸葛亮宾书。北京：北京燕山出版社；Voennaja kniga Chzhugje Ljana]. Pekin: Jan'shan' chuban'shje, 2008. 322 s.

Сведения об авторах:

Шульга Даниил Петрович, старший преподаватель кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления; ст. преподаватель кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета; ст. преподаватель каф. Международных отношений и международного сотрудничества Сибирского института управления РАНХиГС (Новосибирск, Россия).

Шульга Анна Александровна, старший преподаватель каф. Международных отношений и международного сотрудничества Сибирского института управления РАНХиГС; специалист отдела международного (Новосибирск, Россия).

Перспективы психологии...?

Статус девиантологии в системе гуманитарных наук и социально-психологической практике: проблемы и перспективы развития

Белобрыкина Ольга Альфонсовна

*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»,
Россия*

e-mail: olga.belobrykina@gmail.com

Аннотация. В работе обсуждается значимость девиантологии в современных социокультурных условиях. Обозначены краткая история становления девиантологии как самостоятельной отрасли научных знаний и ее статус в системе гуманитарных наук и социально-психологической практике, показаны вероятностные перспективы ее развития. Рассматривается вопрос о степени релевантности квалификации девиантологов по отношению к содержанию профессиональной подготовки, обозначенному во ФГОС.

Ключевые слова: девиация, девиантология, квалификация, профессиональный стандарт, социально-психологическая компетентность.

Status of deviantology in humanities and social-psychological practice: problems and development prospects

Belobrykina Olga Alfonsasovna

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

e-mail: olga.belobrykina@gmail.com

Abstract. In the article the importance of deviantology in modern sociocultural conditions is discussed. The short history of formation of a deviantology as independent branch of scientific knowledge and its status in system of the humanities and social and psychological practice are designated, the probabilistic prospects of its development are shown. The

question of degree of relevance of qualification of deviantologists in relation to the content of vocational training designated in FSES is considered.

Keywords: deviation, deviantology, qualification, professional standard, social and psychological competence.

За более, чем пятивековую историю своего научного становления не только понятие «психология» претерпело значительные изменения, но и ее теоретико-практические разветвления, включая расширение предметных областей, научных направлений и школ, методов и практик. Не стали исключением и вариации профессий, специальностей и специализаций, значительно расширившие диапазон современной профессиональной подготовки психологов. Только за последние пару десятилетий в системе высшего образования стала осуществляться подготовка профессиональных кадров по новым психологическим направлениям, профилям и специальностям: клиническая психология, психология служебной деятельности, специальная психология, организационная психология, психология управления, психология менеджмента, практическая психология, военная психология, спортивная психология, юридическая психология, социальная психология, политическая психология, психология социальной работы и многих других, открываемых, исходя из актуальных запросов современной ситуации общественного развития.

Интенсивное распространение в последние десятилетия вариативных форм девиантного поведения в различных возрастных группах стало не только правоохранительной педагогической, психологической, медицинской, социальной, но и масштабной общественно-политической проблемой.

Девиация (девиантность), свойственная современной социокультурной реальности, – явление междисциплинарное и поливалентное. С одной стороны, она является специфической формой адаптационного поведения, способом реагирования на внешние воздействия, а, соответственно, изменение форм и видов девиантности указывает на объективные, имплицитные процессы в обществе. В этом случае, общество рано или поздно оказывается перед необходимостью легализации отдельных категорий и групп девиантов и девиаций, позиционируя их как новые формы культурной деятельности (например, подростковый возраст как нормативно девиантный, или институционализация категории инвалидов, легитимность сексуальной ориентации, отдельных субкультур (тату, боди-арт), включая профессиональные (поп-, рок- и иные направления искусства), и пр.). С другой

стороны, девиация в общественной жизни проявляется в качестве деструктивного поведения (например, в форме социально-виктимологической феноменологии [11], делинквентности [2; 14] и пр.), но и в этом случае необходима адекватная оценка и оперативное реагирование, соответствующие сущности феномена, и его значения, включая социально-правовой статус, в общественной жизнедеятельности.

Исследования девиаций имеют давнюю историю. Вместе с тем, до настоящего времени довольно дискуссионны позиции представителей различных отраслей знаний на природу, сущность, причины и следствия девиантности. С одной стороны, концепции и теории девиантного поведения в определенной мере взаимосвязаны, хотя их разработка осуществлялась на основе различных методологических подходов. Тогда как, с другой, эта взаимосвязь вполне закономерна, так как их представители испытывали на себе влияние ведущих философских, правовых, антропологических, социологических, психологических и иных идей своего времени.

Общепризнанно, что фундаментом возникновения девиантологии как самостоятельной отрасли знаний по праву считаются социология, криминология и психология (прежде всего, клиническая и социальная). В частности, формирование существующего в современной науке многообразия теорий социальной девиантности традиционно связывают с концепцией социальной аномии французского социолога Э.Дюркгейма [15]. Вместе с тем, как отмечают Ю.Ю.Комлев и Н.Х.Сафиуллин, в настоящее время социологическое направление изучения девиантного поведения изобилует множеством социологических теорий, школ и концепций, что существенно затрудняет классификацию девиаций [6].

В рамках криминологии, а отчасти и демографии, наркологии и суицидологии как специализированных отраслей медицины (в частности, на стыке психиатрии и клинической психологии) развивались объяснительные теории девиантности, направленные на поиск причин, обстоятельств, факторов, детерминирующих возникновение, трансформации девиантности, ее типов, видов и форм проявления. По мнению ряда авторов, результатом такого поиска стали криминологические и девиантологические концепции, накопленный значительный фактографический материал, позволяющий подтвердить или опровергнуть отдельные научные гипотезы о причинно-следственных связях возникновения девиаций и их типах. Без знания факторов, определенным образом влияющих на возникновение и динамику девиантности, ее отдельных форм и видов, невозможно адекватное реагирование общества и определение мер эффективного социального контроля [1; 4; 5].

Для психологического подхода к исследованию девиантного поведения основополагающим фактором выступают индивидуально-личностные особенности человека, мотивы его поступков. В социальной психологии человеческое поведение рассматривается как результат сложного взаимодействия личностных и ситуационных факторов, что весьма значимо в изучении конкретных форм проявления девиаций.

С медицинских позиций, вследствие становления клинической психологии, девиантные формы поведения «стали рассматриваться как важные в плане предрасположенности к тяжелым психическим заболеваниям и были названы донозологическими (предболезненными) формами психических расстройств. ... Современная мировая психиатрия раскрыла себя в новой международной классификации. Из прежней классификации психических заболеваний (то есть нозологических форм) она превратилась сегодня в классификацию психических и поведенческих расстройств (то есть симптомов)» [8, С. 7]. Вместе с тем, в современной клинической психологии наблюдается еще бóльшая, чем в социологии, криминологии, психологии, неразработанность вопросов девиантности, ее причин, следствий и возможностей преодоления, что обусловлено недостаточным вниманием к смысловым аспектам социально-психических аномалий. Как полагает В.Д.Менделевич, «ортодоксальность и консерватизм наук о психике, искусственное разведение специальностей (психиатрии и психологии) приводит к сужению поля научного видения проблемы и снижению эффективности помощи лицам с неадекватным и некомфортным для них и их окружения поведением» [8, С. 8].

В становлении девиантологии как относительно самостоятельной отрасли знаний значимую роль сыграли философия (благодаря которой разрабатывалась общая методология анализа девиантности), культурология (предоставляет данные о других культурах и принятых в них образцах поведения) и многие другие социальные и гуманитарные науки, сосредоточенные на девиантности, ее личностных и поведенческих проявлениях, факторах и причинах возникновения, реальных и вероятностных следствиях, мерах превенции и интервенции. Не останавливаясь отдельно на вкладе каждой науки, отметим, что современная девиантология представляет собой относительно самостоятельную и, вместе с тем, интегративную по своему содержанию, интенсивно развивающуюся в тесном содружестве с другими науками и максимально использующую их достижения, отрасль знаний. Причем, вопрос о том, какая из наук в этой интеграции наиболее важная и нужная, нецелесообразен, так как наиболее значимо – это теоретические достижения и

практические результаты подобного взаимодействия. В перспективе девиантология вполне может претендовать на статус общей теории девиаций в обществе, так как, несмотря на то, что сфера и диапазон поведенческих отклонений в современной реальности чрезвычайно широки, все формы и виды девиантности являются, по сути, социальными феноменами.

Очевидность объективного социального заказа актуализировала необходимость профессиональной подготовки специалистов девиантологического профиля. В связи с этим в систему отечественного высшего профессионального образования был введен ФГОС по направлению «Педагогика и психология девиантного поведения» [10]. Как и многие другие образовательные стандарты, разработка стандарта по подготовке специалистов по девиантологическому направлению осуществлялась в проектной парадигме, вне опоры на профессиографию и, в частности, без компаративного анализа смежных профессий и специальностей, позволяющего четко определить специфику каждого вида профессиональной деятельности, дифференцировать цель, предмет, средства и т.п. труда. Значимость профессиографирования прошла проверку временем и чрезвычайно важна в определении границ компетентности и профессионально-важных качеств субъекта труда, а так же в прогнозировании профпригодности оптанта, ориентированного на освоение конкретной специальности [3; 13].

Заметим, что обозначенная специальность относится к укрупненной группе направлений подготовки «Образование и педагогика», хотя, как следует из заданных во ФГОС компетенций, собственно образовательных функций специальностью не предусмотрено. Не останавливаясь на анализе стандарта, отметим только, что в нем, на наш взгляд, неправомерно задано присвоение квалификации «социальный педагог», так как по объему и содержанию подготовки, включая обширнейший блок психологических дисциплин, специалист данного направления в большей мере соответствует квалификации «девиантолог» или же «социальный психолог». По сути, об этом свидетельствуют как заданный во ФГОС значительный перечень социально-психологических компетенций, так и предусмотренные в профессиональном стандарте «Психолог в социальной сфере» [9] виды, цель и функции профессиональной деятельности. В частности, «основная цель вида профессиональной деятельности», зафиксированная в этом документе, сформулирована следующим образом: «Профилактика и психологическая коррекция негативных социальных проявлений в поведении социальных групп и отдельных лиц (асоциальное и конфликтное поведение, социальное сиротство и другое), психологическая помощь представителям социально уязвимых слоев

населения (мигранты, беженцы) и лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации (в том числе дезадаптированным лицам и девиантам; лицам, имеющим разные виды зависимости, совершившим суицидальные попытки; больным, одиноким и престарелым, сиротам, лицам с ограниченными возможностями здоровья; лицам, получившим посттравматические стрессовые расстройства, находящимся под следствием или в учреждениях пенитенциарной системы)» [9]. Кроме того, по пункту «Наименование базовой группы, должности (профессии) или специальности» в обозначенном документе в соответствии с ЕКС указан «Психолог», а по ОКСО – «Психология» (030300) и «Социальная работа» (040100) [9]. Примечательно, что целевая направленность и трудовые функции, обозначенные в профессиональном стандарте «Психолог в социальной сфере» [9] практически идентичны большинству задач, направлений деятельности и профессиональных компетенций, заданных во ФГОС по направлению «Педагогика и психология девиантного поведения» [10]. Наблюдаемое рассогласование между заданной квалификацией и предполагаемым содержанием профессиональной деятельности девиантолога обусловлено, на наш взгляд, именно новизной специальности, что в целом свойственно современному рынку труда при возникновении новых профессий. Однако, для поддержания общественной значимости, образовательной востребованности и профессионального статуса профессии девиантолога, присваиваемая специалисту квалификация, заданная во ФГОС, требует соответствующей корректировки. В противном случае, нарушение смыслового аспекта новой и социально значимой профессии будет содержательно и функционально искажено.

Подводя краткий итог, отметим, что девиантолог в современной социокультурной реальности – это специалист уникальный, «несерийный», важность и востребованность которого в социально-психологической практике невозможно переоценить. Девиантология, в свою очередь, как самостоятельное психологическое направление и научно-практическая отрасль знаний имеет особый ресурс и социально-образовательный статус, сохранение и преумножение которых зависит, в том числе, и от системы подготовки высокопрофессиональных кадров, степени ее адекватности сущностным, прежде всего, социально-психологическим, характеристикам профессии. Мы полагаем, если общество и государство намерены реально, а не декларативно решать задачу своевременной и адекватной превенции и интервенции девиантных форм поведения, то и профессиональная подготовка девиантологов предполагает пересмотр обозначенной во ФГОС квалификации специалиста и, соответственно, ее содержательного наполнения. В противном случае, без

полноценного учета специфики деятельности девиантолога и при наличии «размытой» квалификации, смешения функций, присущих смежным специальностям, чрезвычайно высок риск не только формирования у будущих специалистов-девиантологов диффузной или искаженной профидентичности уже на стадии обучения в вузе, но и необратимого влияния псевдорезультативности их профессиональной деятельности на социальную действительность [6; 12].

Список литературы:

1. Антонян Ю. М. Криминология: Учебник. М.: Юрайт, 2013. 523 с.
2. Белобрыкина Е.А. Белобыкина О.А. Особенности самоотношения делинквентных подростков с разным типом волевой регуляции //Социально-педагогическая и медико-психологическая поддержка развития личности в онтогенезе: сб. материалов международной научно-практической конференции (Республика Беларусь, Брест, 24-25 апр.2014 г.). В 2 ч. Ч. 1. /редкол.: Т.С.Будько, И.В.Прошкина, Е.М.Зданович. Брест: БрГУ им. А.С.Пушкина, 2014. С. 10-16.
3. Белобыкина О.А. Диагностические возможности профессиограммы в профконсультировании (на примере профессии «психолог») // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 5. С. 116-123.
4. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.
5. Заширинская О.В. Семья и ребенок с трудностями в обучении: монография. СПб.: Речь, 2010. 214 с.
6. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения /Под общ. ред. Ю.Ю.Комлева. Казань: КЮИ МВД России, 2006. 222 с.
7. Костригин А.А. Особенности реализации высшего образования на современном этапе развития общества //Наука. Мысль. 2015. № 1. С. 29-39.
8. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
9. Об утверждении профессионального стандарта «Психолог в социальной сфере». Приказ Минтруда России от 18.11.2013 № 682н // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru
10. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 44.05.01 Педагогика и

психология девиантного поведения (уровень специалитета). Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2016 г. № 1611 //Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://www.fgosvo.ru/news/21/2161>

11. Руденский Е.В., Руденская Ю.Е. Дефект социализации личности как базовая категория педагогики критического конструктивизма: введение в социально-генетическую виктимологию. Новосибирск: НГПУ, 2012. 252 с.
12. Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / А.Л.Журавлев [и др.]; под науч. ред. О.А.Белобрыкиной. Новосибирск: НГПУ, 2017. 113 с.
13. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. К истории советской профессиограммы (1930-е г.) // История российской психологии в лицах: Дайджест». 2017. № 3. С. 125-146.
14. Чупров Л.Ф., Костригин А.А., Сабанин П.В., Хусяинов Т.М. Тактика и технология психологического сопровождения несовершеннолетних в ситуации дознания, судебно-психологической экспертизы и в судебном заседании // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 3. С. 229-239
15. Шнейдер Л.Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во МПСУ, 2016. 300 с.

References:

1. Antonjan Ju. M. Kriminologija: Uchebnik. M.: Jurajt, 2013. 523 s.
2. Belobrykina E.A. Belobykina O.A. Osobnosti samootnoshenija delinkventnyh podrostkov s raznym tipom volevoj reguljarii //Social'no-pedagogicheskaja i mediko-psihologicheskaja podderzhka razvitija lichnosti v ontogeneze: sb. materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Respublika Belarus', Brest, 24-25 apr.2014 g.). V 2 ch. Ch. 1. /redkol.: T.S.Bud'ko, I.V.Proshkina, E.M.Zdanovich. Brest: BrGU im. A.S.Pushkina, 2014. S. 10-16.
3. Belobykina O.A. Diagnosticheskie vozmozhnosti professiogrammy v profkonsul'tirovanii (na primere professii «psiholog») // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2014. № 5. S. 116-123.
4. Gilinskij Ja.I. Deviantologija: sociologija prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij». SPb.: Juridicheskij centr Press, 2004. 520 s.
5. Zashhirinskaja O.V. Sem'ja i rebenok s trudnostjami v obuchenii: monografija. SPb.: Rech', 2010. 214 s.
6. Komlev Ju.Ju., Safiullin N.H. Sociologija deviantnogo povedenija /Pod obshh. red. Ju.Ju.Komleva. Kazan': KJuI MVD Rossii, 2006. 222 s.

7. Kostrigin A.A. Osobennosti realizacii vysshego obrazovanija na sovremennom jetape razvitija obshhestva //Nauka. Mysl'. 2015. № 1. S. 29-39.
8. Mendelevich V.D. Psihologija deviantnogo povedenija. SPb.: Rech', 2005. 445 s.
9. Ob utverzhdenii professional'nogo standarta «Psiholog v social'noj sfere». Prikaz Mintruda Rossii ot 18.11.2013 № 682n // Konsul'tantPljus. URL: www.consultant.ru
10. Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija po special'nosti 44.05.01 Pedagogika i psihologija deviantnogo povedenija (uroven' specialiteta). Prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki RF ot 19 dekabrja 2016 g. № 1611 //Portal Federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovanija. URL: <http://www.fgosvo.ru/news/21/2161>
11. Rudenskij E.V., Rudenskaja Ju.E. Defekt socializacii lichnosti kak bazovaja kategorija pedagogiki kriticheskogo konstruktivizma: vvedenie v social'no-geneticheskiju viktимologiju. Novosibirsk: NGPU, 2012. 252 s.
12. Social'no-psihologicheskaja ocenka riskov sovremennoj real'nosti: ochevidnoe i verojatnoe / A.L.Zhuravlev [i dr.]; pod nauch. red. O.A.Belobrykinoj. Novosibirsk: NGPU, 2017. 113 s.
13. Stojuhina N.Ju., Kostrigin A.A. K istorii sovetskoj professiogrammy (1930-e g.) // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest». 2017. № 3. S. 125-146.
14. Chuprov L.F., Kostrigin A.A., Sabanin P.V., Husjainov T.M. Taktika i tehnologija psihologicheskogo soprovozhdenija nesovershennoletnih v situacii doznanija, sudebno-psihologicheskoi jekspertizy i v sudebnom zasedanii // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 3. S. 229-239
15. Shnejder L.B. Psihologija podrostkovoju deviantnosti i addiktivnosti. Uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Izd-vo MPSU, 2016. 300 s.

Сведения об авторе:

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск, Россия).

Новые объекты психологических исследований и перспективы развития науки¹

Греченко Татьяна Николаевна

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

e-mail: grecht@mail.ru

Харитонов Александр Николаевич

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

e-mail: ankhome47@list.ru

Орлеанский Владимир Константинович

Институт микробиологии им. С.Н. Виноградского Российской академии наук, Москва, Россия

e-mail: orleanor@mail.ru

Жегалло Александр Владимирович

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

e-mail: zhegs@mail.ru

Аннотация. В статье приведены факты, показывающие, что введение новых объектов в корпус психологических исследований имеет большое значение для расширения знаний об эволюционном генезе многих психических явлений. Такими новыми объектами исследований являются микроорганизмы, начиная с прокариот.

Ключевые слова: психика, поведение, эволюция, прокариоты, осцилляторы

New objects of psychological research: prospects for progress of psychological science

Grechenko Tatiana Nikolaevna

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: grecht@mail.ru

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда [проект №14-28-00229], Институт психологии РАН.

Kharitonov Aleksander Nikolaevich

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: ankhome47@list.ru

Orleansky Vladimir Konstantinovich

Institute of Microbiology named after S.N. Vinogradsky, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: orleanor@mail.ru

Zhegallo Aleksander Vladimirovich

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: zhegs@mail.ru

Abstract. Introduction of new objects into the corps of psychological research expands our knowledge about the evolutionary genesis of many phenomena of mind. We discuss some empirical facts of microbial life beginning with prokaryotes that may cast new light on the problem.

Keywords: mind, behaviour, evolution, prokaryotes, oscillators

До недавнего времени психологическая наука основное внимание уделяла изучению психики высокоразвитых биологических организмов – человека или эволюционно продвинутых животных. Большинство исследователей принималось, что организмы, не имеющие развитой нервной системы, не имеют и психики. Однако ряд авторов указывает на возможность иного понимания происхождения этого свойства живых организмов и, соответственно, предлагаются новые объекты для психологических исследований [9; 17; 19]. В результате возникло научное направление, которое развивает представление о психике как свойстве любого живого организма, в том числе и прокариот [2; 10; 18; 20]. Эксперименты, выполненные на различных представителях микромира живого, и результаты анализа электрофизиологических явлений во время выполнения различных задач, позволили выявить качества, которые дают основания считать их полноправными объектами психологических исследований.

Добиологический этап эволюции органических образований – «комочков преджизни» [10] – насчитывал сотни миллионов лет. Погибали менее устойчивые к условиям существования – например, в среде вулканических

горячих озер – сохранялись, выживали более приспособленные, пока процесс не привел к возникновению первых живых организмов – бактерий. Существующие на сегодняшний день палеонтологические данные также свидетельствуют о том, что бактерии были первой формой ранней жизни на Земле [7]. Время их появления – не менее 3,7 млрд. лет назад. Нас интересуют возможные механизмы выживания (в том числе и приспособительного поведения), характеризовавшие жизнь с момента ее появления до развития многоклеточных эукариот.

Приспособительное поведение бактерий. Объект психологии — это реализация различных функций, свойств и качеств психики. Поведение рассматривается как одно из проявлений функций психики. Оно является результатом процессов получения, передачи, обработки информации, ее анализа, интеграции, принятия решений, выбора из альтернатив и реализации определенных действий. В ходе эволюции выживают организмы, которые могут быстро адаптироваться к окружающей действительности. Их эволюция тесно связана с развитием системы регуляций и ее механизмов. Функциональной основой механизмов является химическая сигнализация. Уже у одноклеточных имеется набор химических сигналов, обеспечивающих их жизнедеятельность и ориентацию в пространстве и времени. (В дальнейшем эволюция химической сигнализации шла по пути развития внутриклеточных систем ее регуляции).

Цианобактерии. Цианобактерии – одноклеточные и многоклеточные (нитчатые) микроорганизмы, образующие сообщества разной формы: колонии, пленки, маты. Они являются древнейшими живыми существами Земли. Очевидно, что эволюционная стратегия цианобактерий обеспечивала исключительно высокую адаптивность, так как способность к накоплению опыта появляется в эволюции на самых ранних ступенях развития [16]. Эти организмы умеют преобразовывать физическую пространственную форму своего сообщества в зависимости от конкретных условий: перемещают сплетения нитей, формируют или устраняют связи и образуют органоподобные структуры, которые существуют во время выполнения функции [15; 18]. Их древнейшие сообщества (как и современные) образовывали сложные системы, управлявшие собственным морфогенезом, что позволяло им синхронизированно осуществлять целенаправленное индивидуальное (отдельные нити) и коллективное поведение. Фактически, именно цианобактерии создали первые функциональные объединения, которые стали прообразами социальных отношений у более развитых живых существ. При пространственных перемещениях поведение отдельных нитей определяется

целями сообщества, а наблюдаемые явления связаны с формированием социальных приоритетов, часто входящих в противоречие с необходимостью индивидуального выживания [3; 14].

В морфогенезе цианобактериальных сообществ интересен аспект динамики и изменения свойств в процессе преобразования (например, увеличения численности микроорганизмов, типов морфогенетических структур и др.). Характеризуя сообщества цианобактерий, исследователи используют термин “супермозг”, имея в виду сложность поведения таких образований [2; 18; 20]. Морфогенез сообщества идет постепенно, проходя до некоторой финальной стадии несколько этапов [12], которые формально соответствуют промежуточным состояниям, свойственным развитию нервной системы многоклеточных животных [5].

Социальное поведение и коммуникации. Социальная жизнь общества – это деятельность субъектов, направленная на сохранение и развитие условий существования. Исследования показывают, что общественный образ жизни характерен для микроорганизмов [3; 9], например, нитчатые цианобактерии ведут преимущественно совместный образ жизни [15]. Одним из проявлений коллективного взаимодействия в микробных сообществах является формирование надклеточных структур – образований, важных для жизни как сообщества как целого. Координированное поведение микроорганизмов проявляется в многообразных формах – они действуют совместно для выполнения разных задач, например, для коллективной агрессии, чтобы обеспечить доступ сообщества к пищевым ресурсам. В зависимости от конкретных условий прокариоты, например, цианобактерии изменяют вид своего сообщества, имеющего обычно форму пленки, создавая различные морфологически оформленные структуры. Построение таких структур требует согласования деятельности многих членов сообщества. Опыты показали, что индивидуальные цианобактериальные нити кооперируются и общаются, их социальное поведение сравнимо с социальностью многоклеточных существ [2]. Разнообразие их поведения, требующего координированных усилий многих членов сообщества, предполагает информативные коммуникационные связи. Будучи самой ранней формой жизни на Земле, в естественных условиях они общаются при помощи химической и физической коммуникации [2; 6; 20]. Живя в социальной среде, цианобактерии способны различать направленность факторов среды и оценивать изменение условий, антиципировать их возможные негативные последствия для сообщества в целом [16; 17]. Это указывает на способность цианобактерий «принимать решения» и распределять функции в процессе их выполнения. Изучение механизмов, организующих

постановку задачи, и роли электрических явлений как одного из формообразующих факторов в социальном процессе при решении задачи, общей для коллектива, выполнено в наших экспериментах на прокариотах – нитчатых цианобактериях.

Специализация. Ключевой особенностью социальных существ является «разделение труда». Показано, что разделение труда и специализация связаны с экспрессиями определенных генов. В последние годы молекулярные и генетические исследования механизмов сложного социального поведения выполняются не только на насекомых (преимущественно на пчелах), но и на микроорганизмах. Применение методов, определяющих экспрессию генов, позволило соединить функции конкретных генов с некоторыми видами социального поведения. У дрожжей из 6000 генов для выживания абсолютно необходимы только 1000, а все остальные нужны для борьбы с трудностями.

Бактериальные клетки в биосоциальных системах специализированы по функциям, а часто и морфологически дифференцированы [9]. Наблюдения за изменениями цианобактериальной биопленки показывают, что члены сообщества выполняют разные функции – нити различных цианобактерий включают гетероцисты (клетки которых усваивают азот из воздуха), споры (средство размножения) и клетки, которые взяли на себя функцию ветвления нити. Таким образом, уже на бактериальном уровне эволюции природа заложила специализацию клеток бактериального мира. Анализируя видеофильмы об агрессивном поведении двух сообществ цианобактерий в борьбе за жизненное пространство, исследователи различают «лидеров», и ведомых, функции которых в этих столкновениях различны [9; 15]. Наблюдения за жизнью микроорганизмов показали, что такие стратегии поведения как альтруизм и эгоизм проявляются уже на ранних этапах эволюции живых существ. Ярким примером является создание плодовых тел (например, скоплением социальных амеб), конечным результатом которого является сохранение вида [8].

Социальные отношения между клетками разных видов. Когда 2-3 различных вида оказываются вместе, в мире бактерий отмечены следующие особенности взаимоотношений: нейтралитет, обоюдная польза, коллективизм, конкуренция, антагонизм, паразитизм [11]. Проявление нейтралитета микробиологи наблюдают, когда чистые рабочие культуры преднамеренно загрязняются, и пришельцы и культура растут вместе. При определенном сочетании культур, цианобактерии показали увеличение фотосинтеза, а полученная смесь - усиление антагонистических свойств.

Ориентировочно-исследовательское поведение. Многочисленные эксперименты, направленные на изучение особенностей активности людей и животных, показали, что ориентировочно-исследовательское поведение является преддверием любого поведенческого акта, начальной фазой любого действия. К исследовательскому поведению относят активность, направленную на изучение окружающей среды и на поиск свойств, узнавание которых является врожденным. Именно поэтому ориентировочные реакции должны быть присущи живым организмам раннего уровня эволюции. Благодаря этой форме взаимоотношения со средой приобретаются знания, необходимые для адаптации к изменениям окружающего мира. Удивительное разнообразие спонтанного и выученного поведения обнаружено у одноклеточных эукариот – инфузорий *Paramecia caudatum*. Эти одноклеточные эукариоты, имеющие ядро и митохондрии, появились, вероятно, около 2,5 млрд. лет назад. *Paramecium* – род микроскопических (размер около 100 мкм) одноклеточных организмов, ведущих активный образ жизни. Показано, что парамеции имеют набор движений, позволяющий им осуществлять не менее 10 видов поведенческих реакций. Среди них реакция избегания, реакция ускорения плавательных движений, реакция «замирания» (отсутствие движения), специфические движения в контакте с ограничивающей поверхностью. Комбинации этих видов активности позволяют парамециям решать самые разные двигательные задачи, связанные с поисками питания, избегания опасностей, противодействия хищникам, преодолением препятствий и т.д. Изучение поведения инфузорий в различных ситуациях показывает, что чувствительность этих одноклеточных существ к различным свойствам окружающего мира высока – они могут различать не только ярко освещенные участки от слабоосвещенных, но и различать цвета, концентрацию определенных веществ в жидкостной среде и пр. Это означает, что они имеют довольно полную информацию о мире, в котором обитают. Доказательством этого является развитие ориентировочно-исследовательского поведения при изменении этой среды. Ориентировочные реакции возникают в результате несовпадения воспринимаемых новых сигналов с формирующимися «нервными моделями стимула», что предполагает наличие памяти [13]. Результаты экспериментов позволяют сделать вывод о том, что способность к накоплению индивидуального опыта появляется в эволюции на самых ранних ступенях развития – у организмов, не обладающих нервной системой, в частности, у парамеций [16]. Опыты на *Paramecium caudatum* показали, что появление новых свойств в окружающем их жизненном пространстве вызывает ориентировочно-исследовательское поведение. Оно выражено изменениями двигательной активности, которая у этих

микроорганизмов весьма разнообразна по форме проявления [4]. Физиологический механизм, обеспечивающий ориентировочно-исследовательское поведение, у парамеций может быть только эндоклеточным по причине одноклеточности этих организмов. Внутриклеточная регистрация электрической активности парамеций доказывает это предположение [4]. У одноклеточных существ механизм организации поведения базируется на координации эндогенных осцилляторов. Использование дифференционно-интеграционной парадигмы позволяет рассмотреть общие механизмы перехода с одного уровня эволюции на другой.

Эволюция социальности влияет на характеристики циркадианной системы. Чем сложнее внутренняя организация живого существа, тем в большей степени метаболические процессы отражаются в эндогенной ритмике, т.е. они актуализируются в электрической активности клеток и тем самым организуют (или включают) определенные системы исполнения. В наших экспериментах показано, что цианобактерии имеют чрезвычайно устойчивую эндоклеточную электрическую активность, характеризующуюся постоянством периодичности. В цианобактериальном сообществе синхронизированная электрическая активность является пусковым механизмом совместной деятельности отдельных нитей и их групп. Поскольку бактериальные биосоциальные системы характеризуются единым жизненным циклом, им проще упорядочить активность во времени, чем, например, у дрожжам. У эволюционно более продвинутых дрожжевых клеток внутриклеточная регистрация выявляет наличие сложных паттернов эндогенной активности, среди которых сложно выделить электрические процессы, выражающие циркадианные ритмы.

С нашей точки зрения эти наблюдения позволяют сформулировать гипотезу о том, что эволюционный генезис психики тесно связан с формированием живой системой структур, обеспечивавших регулятивные, когнитивные, коммуникативные и ряд других функций. Прогрессивная морфологическая индивидуализация таких функциональных структур, которая (часто лишь на очень короткое время) реализуется в ходе неэквивинальных морфогенезов, вероятно, может указывать на один из возможных путей эволюции как психики, так и живого в целом.

Электрическая активность. Важнейшим преимуществом предлагаемых для изучения микрообъектов является возможность регистрации электрических процессов во время всех перечисленных форм реализации поведения. Такую возможность не предоставляет ни один из ранее используемых в психологических опытах объектов. Необходимо отметить, что показатели

электрической активности могут сниматься как от индивидуальных микроорганизмов, так и от их большого количества в виде полевого потенциала [6]. В результате появляется возможность анализа объективных показателей, характеризующих различные процессы жизни этих существ. Эти показатели могут помочь найти ответы на различные вопросы о том, как популяция микроорганизмов реагирует на определенные воздействия или какова динамика взаимоотношений в социуме, что представляют собой электрически выраженные «знаки», которыми обмениваются организмы, есть ли различия в электрических «кодах» команд у разных видов микроорганизмов, возможно ли взаимодействие между разными видами – существует ли единый электрически выраженный «язык»?

Что дает использование новых экспериментальных объектов? Можно выделить несколько аспектов: во-первых, это существенно для получения ответа на вопрос о наличии психики у живых существ, не имеющих нервной системы. Во-вторых, вопрос о биологических корнях многих функций психического – например, проблема интеграционно-дифференциального подхода (уровни интеграции свойств в целое), роль внешней среды, происхождение социальности, проблема происхождения эгоизма и альтруизма, специализация и (со)общество и прочее. Значительно обостряется проблема функциональной значимости определенных ритмов, которые идентифицированы в работе мозга высокоразвитых существ и известны как показатели тех или иных функциональных состояний [6]. Ранее полученные результаты приводят к идее об эволюционной консервативности основных ритмов осцилляторной электрической активности, характеризующей живые организмы разного уровня развития – от микроорганизмов до человека.

Список литературы:

1. Ben-Jacob E. Bacterial self-organization: co-enhancement of complexification and adaptability in a dynamic environment // *Philos. Trans. R. Soc. Lond. A.* 2003, Vol. 361. P. 1283–1312.
2. Ben-Jacob E., Becker I., Shapiro Y., Levine H. Bacterial linguistic communication and social intelligence // *Trends in Microbiology.* 2004. Vol. 12. № 8. P. 366–372.
3. Kuthan M., Devaux F., Janderová B., I.Slaninová Jacq C. and Palková Z. Domestication of wild *Saccharomyces cerevisiae* is accompanied by changes in

- gene expression and colony morphology // *Molecular Microbiology*. 2003. Vol. 47. №3. P. 745–754
4. Греченко Т.Н. Генез и эволюция ориентировочно-исследовательского поведения // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2013. Т. 6. № 28. С.2.
 5. Греченко Т.Н. Осцилляторы развивающегося организма // *Современная экспериментальная психология*, в 2х томах. Сер. "Интеграция академической и университетской психологии". Московский городской психолого-педагогический университет; Институт психологии РАН. Москва, 2011. С. 413-427.
 6. Греченко Т.Н., Жегалло А.В., Харитонов А.Н. Частотный анализ электрической активности микроорганизмов // *Эволюционная и сравнительная психология в России: традиции и перспективы*. Ред. А.Н.Харитонов. М.: Институт психологии РАН. 2013. С. 201.
 7. Заварзин Г.А. Современные бактерии и бактериальные сообщества, прокариотная клетка как система // *Бактериальная палеонтология*. М. Палеонтологический институт РАН. 2002. С. 6–35
 8. Новожилов Ю. К., Гудков А. В. Мусcetozoa // *Протисты*. ред. С. А. Карпов. СПб.: Наука, 2000. С. 417—450.
 9. Олескин А. В. Биосоциальность одноклеточных (на материале исследований прокариот) // *Журнал общей биологии*. 2009. Т.70. № 3. С. 225-238.
 10. Орлеанский В.К., Васильева Л.В., Зенова Г.М., Жегалло Е.А., Харитонов А.Н., Греченко Т.Н. Биовулканология и микробиология // *Восьмая международная конференция “Вулканизм, биосфера и экологические проблемы”*. Майкоп-Туапсе, 2016. С.164-166.
 11. Романова, Ю.М., Гинцбург А.Л. Бактериальные биопленки как естественная форма существования бактерий в окружающей среде и организме хозяина // *Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии*. 2011. № 3. С. 99-110.
 12. Рыбальченко О.В. Морфо-физиологические аспекты взаимодействий микроорганизмов в микробных сообществах. автореф. докт. биол. наук. СПб. 2003.
 13. Соколов Е.Н. Механизмы памяти. М: МГУ. 1969.
 14. Сумина Е. Л., Греченко Т. Н., Сумин Д. Л., Харитонов А. Н. Поведение цианобактерий в сообществе: современные наблюдения и ископаемые следы // *Материалы VII международной конференции по когнитивной науке*. Светлогорск. 2016. С.563-565

15. Сумина Е.Л. Поведение нитчатых цианобактерий в лабораторной культуре // Микробиология. 2006. Т. 75. № 4. С. 532–537.
16. Тушмалова Н.А. Основные закономерности эволюции поведения беспозвоночных // Физиология поведения. Нейробиологические закономерности. ред. А.С. Батуева. Л.: Наука, 1987. С. 236-265.
17. Филиппова Г.Г. Эволюционная зона ближайшего развития с позиции дифференционно-интеграционного подхода // Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. ред. Н.И. Чуприкова, Е.В. Волкова. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 327–342.
18. Харитонов А.Н., Греченко Т.Н., Сумина Е.Л., Сумин Д.Л., Орлеанский В.К. Социальная жизнь цианобактерий // Дифференционно-интеграционная теория развития. ред. Н.И. Чуприкова и Е.В. Волкова. М.: Языки славянской культуры, 2014. Кн. 2. С. 283–302.
19. Хватов И.А. Концепция происхождения психики А.Н.Леонтьева на современном этапе развития науки // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 1. С. 15.
20. Шапиро Дж.А. Бактерии как многоклеточные организмы // В мире науки. 1988. № 8. С. 46–55.

References:

1. Ben-Jacob E. Bacterial self-organization: co-enhancement of complexification and adaptability in a dynamic environment // Philos. Trans. R. Soc. Lond. A. 2003, Vol. 361. P. 1283–1312.
2. Ben-Jacob E., Becker I., Shapiro Y., Levine H. Bacterial linguistic communication and social intelligence // Trends in Microbiology. 2004. Vol. 12. № 8. P. 366–372.
3. Kuthan M., Devaux F., Janderová B., I.Slaninová Jacq C. and Palková Z. Domestication of wild *Saccharomyces cerevisiae* is accompanied by changes in gene expression and colony morphology // Molecular Microbiology. 2003. Vol. 47. №3. P. 745–754
4. Grechenko T.N. Genез i jevoljucija orientirovochno-issledovatel'skogo povedenija // Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn. 2013. Т. 6. № 28. S.2.
5. Grechenko T.N. Oscilljatory razvivajushhegosja organizma // Sovremennaja jeksperimental'naja psihologija, v 2h tomah. Ser. "Integracija akademicheskoi i universitetskoj psihologii". Moskovskij gorodskoj psihologo-pedagogicheskij universitet; Institut psihologii RAN. Moskva, 2011. S. 413-427.

6. Grechenko T.N., Zhegallo A.V., Haritonov A.N. Chastotnyj analiz jelektricheskoj aktivnosti mikroorganizmov // Jevoljucionnaja i sravnitel'naja psihologija v Rossii: tradicii i perspektivy. Red. A.N.Haritonov. M.: Institut psihologii RAN. 2013. S. 201.
7. Zavarzin G.A. Sovremennye bakterii i bakterial'nye soobshhestva, prokariotnaja kletka kak sistema // Bakterial'naja paleontologija. M. Paleontologicheskij institut RAN. 2002. С. 6–35
8. Novozhilov Ju. K., Gudkov A. V. Mycetozoa // Protisty. red. S. A. Karpov. SPb.: Nauka, 2000. S. 417—450.
9. Oleskin A. V. Biosocial'nost' odnokletochnyh (na materiale issledovanij prokariot) // Zhurnal obshej biologii. 2009. T.70. № 3. S. 225-238.
10. Orleanskij V.K., Vasil'eva L.V., Zenova G.M., Zhegallo E.A., Haritonov A.N., Grechenko T.N. Biovulkanologija i mikrobiologija // Vos'maja mezhdunarodnaja konferencija “Vulkanizm, biosfera i jekologicheskie problemy”. Majkop-Tuapse, 2016. S.164-166.
11. Romanova, Ju.M., Gincburg A.L. Bakterial'nye bioplenki kak estestvennaja forma sushhestvovaniya bakterij v okruzhajushhej srede i organizme hozjaina // Zhurnal mikrobiologii, jepidemiologii i immunologii. 2011. № 3. S. 99-110.
12. Rybal'chenko O.V. Morfo-fiziologicheskie aspekty vzaimodejstvij mikroorganizmov v mikrobnyh soobshhestvah. avtoref. dokt. biol. nauk. SPb. 2003.
13. Sokolov E.N. Mehanizmy pamjati. M: MGU. 1969.
14. Sumina E. L., Grechenko T. N., Sumin D. L., Haritonov A. N. Povedenie cianobakterij v soobshhestve: sovremennye nabljudenija i iskopaemye sledy // Materialy VII mezhdunarodnoj konferencii po kognitivnoj nauke . Svetlogorsk. 2016 . S.563-565
15. Sumina E.L. Povedenie nitchatyh cianobakterij v laboratornoj kul'ture // Mikrobiologija. 2006. T. 75. № 4. S. 532–537.
16. Tushmalova N.A. Osnovnye zakonomernosti jevoljucii povedenija bespozvonochnyh // Fiziologija povedenija. Nejrobiologicheskie zakonomernosti. red. A.S. Batueva. L.: Nauka, 1987. S. 236-265.
17. Filippova G.G. Jevoljucionnaja zona blizhajshego razvitija s pozicii differencionno-integracionnogo podhoda // Differencionno-integracionnaja teorija razvitija. Kn. 2. red. N.I. Chuprikova, E.V. Volkova. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. S. 327–342.
18. Haritonov A.N., Grechenko T.N., Sumina E.L., Sumin D.L., Orleanskij V.K. Social'naja zhizn' cianobakterij // Differencionno-integracionnaja teorija

razvitija. red. N.I. Chuprikova i E.V. Volkova. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. Kn. 2. S. 283–302.

19. Hvatov I.A. Konceptcija proishozhdenija psihiki A.N.Leont'eva na sovremennom jetape razvitija nauki // Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn. 2011. № 1. S. 15.
20. Shapiro Dzh.A. Bakterii kak mnogokletochnye organizmy // V mire nauki. 1988. № 8. S. 46–55.

Сведения об авторах:

Греченко Татьяна Николаевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психофизиологии им. В.Б. Швыркова Института психологии Российской академии наук (Москва, Россия)

Харитонов Александр Николаевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии Института психологии Российской академии наук (Москва, Россия)

Орлеанский Владимир Константинович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории реликтовых микробных сообществ Института микробиологии им. С.Н. Виноградского Российской академии наук (Москва, Россия)

Жегалло Александр Владимирович, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии Института психологии Российской академии наук (Москва, Россия)

Отечественная психология: настоящее и будущее

Жаркова Елена Александровна

Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия

e-mail: zharkovaea@yandex.ru

Родионова Татьяна Петровна

Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия

e-mail: frant64@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности современного состояния и развития психологии в России, отмечены существующие тенденции и перспективы.

Ключевые слова: психология, тенденции, перспективы.

Russian psychology: present and future

Zharkova Elena Aleksandrovna

Siberian State Transport University, Russia

e-mail: zharkovaea@yandex.ru

Rodionova Tatiana Petrovna

Siberian State Transport University, Russia

e-mail: frant64@mail.ru

Abstract. The peculiarities of the modern state and the development of psychology in Russia are examined, current trends and prospects are marked.

Keywords: psychology, tendencies, prospects.

Основными направлениями исследования психологии в России остаются психология семьи и психология личности, как социальной единицы [10].

В современной России предмет и задачи психологии регулярно переосмысливаются. Перемены в обществе не могут не сказаться на

психологической науке. В последнее время в России появились различные неформальные группы в обществе, возросло национальное и культурное самосознание людей, стали возникать межэтнические конфликты, всевозможные партии и коалиции вступили в политическую борьбу [5].

На сегодняшний день выделяют следующие актуальные тенденции в развитии российской психологии:

- формирование новых подходов к анализу социальной системы, которые опираются на новую концепцию исследования человека в обществе, характеризующуюся универсальными закономерностями, общими с мировой социальной психологией, и учитывающие особенности исторических и культурных изменений в российском обществе [8];
- осмысление нового социально-психологического феномена, характеризующегося психологией наций и народов (другими словами, этнопсихология), представляющего быстро развивающуюся отрасль в России «социальная психология», формирование новой области социальной психологии «политическая психология» [2];
- появление самостоятельной сферы социально-психологического анализа «психология российской деловой культуры», основанной на коллективных трудовых отношениях и отношениях с предпринимателями (другими словами, психология управления персоналом, менеджмента, конфликта и организационная психология) [4; 7; 9];
- возникновение в практической психологии новейших тенденций, повышающих ее престиж и позволяющих развивать ее как самостоятельное научное направление, включающее в себя работу с персоналом, политику, рекламу, маркетинг и др. [6].

Взаимодействие практических направлений психологии с мировой психологией, основанных в большинстве своем на современных методах социально-психологической теории и зарубежном опыте. Следует отметить, что существующие на сегодняшний день различные культурологические формы и методы организации и проведения теоретических и прикладных исследований не объясняются универсальным категориальным аппаратом социальной психологии, поэтому особенно необходимо переосмыслить с точки зрения российского общества следующие области психологии: реклама, имидж, связи с общественностью [1; 3].

Таким образом, на основе всего накопленного отечественной психологией опыта, теоретических постулатов и результатов определенных эмпирических исследований, прослеживается неразрывная связь с анализом стабильного социалистического общества в России. Самой же главной чертой

российского общества в настоящее время можно считать нестабильность, что требует переосмысления этого нового социального контекста и осознания характера происходящих преобразований, что предстоит осуществить уже новым поколениям социальных психологов.

Список литературы:

1. Артемьева О.А. Качественные и количественные методы исследования в психологии. Учебное пособие. М.: Юрайт, 2017. 150 с.
2. Вундт Вильгельм Макс Проблемы психологии народов. М.: Либроком, Editorial URSS, 2017. 144 с.
3. Еромасова А.А. Общая психология. Методы активного обучения. Учебное пособие. М.: Юрайт, 2017. 188 с.
4. Ильин Г.Л. Социология и психология управления. Учебное пособие. М.: Юрайт, 2017. 191 с.
5. Крысько В.Г. Психология межнациональных отношений. Курс лекций. М.: Инфра-М, Вузовский учебник, 2017. 228 с.
6. Огилви Дэвид Огилви о рекламе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.
7. Руднев Е.А. Психология российского и международного бизнеса. М.: Инфра-М, 2017. 140 с.
8. Сарычев С.В., Чернышова О.В. Социальная психология. Учебное пособие. М.: Юрайт, 2017. 127 с.
9. Семенов А.К., Маслова Е.Л. Психология и этика менеджмента и бизнеса. Учебное пособие. М.: Дашков и Ко, 2017. 276.
10. Соловьева Е.А. Психология семьи и семейное воспитание. Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, Тюменский государственный университет, 2017. 256 с.

References:

1. Artem'eva O.A. Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovaniya v psihologii. Uchebnoe posobie. M.: Jurajt, 2017. 150 s.
2. Vundt Vil'gel'm Maks Problemy psihologii narodov. M.: Librokom, Editorial URSS, 2017. 144 s.
3. Eromasova A.A. Obshhaja psihologija. Metody aktivnogo obuchenija. Uchebnoe posobie. M.: Jurajt, 2017. 188 s.

4. Il'in G.L. Sociologija i psihologija upravljenja. Uchebnoe posobie. M.: Jurajt, 2017. 191 s.
5. Krysk'o V.G. Psihologija mezhnacional'nyh otnoshenij. Kurs lekcij. M.: Infra-M, Vuzovskij uchebnik, 2017. 228 s.
6. Ogilvi Djevid Ogilvi o reklame. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 304 s.
7. Rudnev E.A. Psihologija rossijskogo i mezhdunarodnogo biznesa. M.: Infra-M, 2017. 140 s.
8. Sarychev S.V., Chernyshova O.V. Social'naja psihologija. Uchebnoe posobie. M.: Jurajt, 2017. 127 s.
9. Semenov A.K., Maslova E.L. Psihologija i jetika menedzhmenta i biznesa. Uchebnoe posobie. M.: Dashkov i Ko, 2017. 276.
10. Solov'eva E.A. Psihologija sem'i i semejnoe vospitanie. Uchebnoe posobie dlja vuzov. M.: Jurajt, Tjumenskij gosudarstvennyj universitet, 2017. 256 s.

Сведения об авторах:

Жаркова Елена Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск, Россия).

Родионова Татьяна Петровна, старший преподаватель кафедры «Таможенное дело», Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск, Россия).

Перспективы в нейропсихологической реабилитации афазии

Корсакова Людмила Юрьевна

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна»», Россия

e-mail: luda21korsakova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена перспективам развития нейропсихологической реабилитации афазии.

Ключевые слова: нейропсихология, реабилитация, афазия, перспективы.

Prospects for neuropsychological rehabilitation of aphasia

Korsakova Lyudmila Yurievna

State budget educational institution of higher education of the Moscow region «"University" Dubna», Russia

e-mail: luda21korsakova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the prospects of the development of neuropsychological rehabilitation of aphasia.

Keywords: neuropsychology, rehabilitation, aphasia, prospects.

Речь и ее нарушения затрагивают большой круг различных областей знания, таких как общая и детская психология, лингвистика, неврология, нейропсихология, физиология, дефектология, акустика, логопедия и т. д.

Как известно, общение человека с внешним миром в основном происходит с помощью речи, которая представляет собой сложную психическую деятельность, подразделяющуюся на различные виды и формы. Речь помогает человеку выразить переживания и чувства, получать информацию из внешнего мира о чувствах других людей по поводу внутренних и внешних событий их жизни. Она влияет на социальные действия и взаимодействия людей, а также на восприятие физического мира и действий в нем.

«В задачи нейропсихологии входит исследование разных форм патологии речи, возникающих при локальных поражениях мозга» [5, С. 225]. Актуальность проблемы в клинко-психологическом аспекте связана с необходимостью разработки эффективных методов помощи больным людям вновь обрести себя, вернуться к семье, к работе, в окружающий социальный мир и поиске средств для обучения больных повторению, воспроизведению и пониманию речи.

«Афазия – это системное нарушение речи, которое возникает при органических поражениях мозга, охватывает разные уровни организации речи, влияет на ее связи с другими психическими процессами и приводит к дезинтеграции всей психической сферы человека, нарушая прежде всего коммуникативную функцию речи; афазия включает в себя четыре составляющих – нарушение собственно речи и вербального общения, нарушение других психических процессов, изменение личности и личностную реакцию на болезнь» [6, С. 15]. Речь очень сложная функциональная система и состоит из многих афферентных и эфферентных звеньев. В такой системе принимают участие все анализаторы: слуховой, зрительный, кожно-кинестетический, двигательный и др.; каждый из них играет особую роль в основе речи, поэтому ее мозговая организация очень сложна. В зависимости от того, какое из звеньев речевой системы пострадало в результате мозгового поражения, можно выявить форму афазии и более качественно подобрать план реабилитации.

Значение речевых способностей в переработке информации в мозге при взаимодействии с окружающим миром уже несколько столетий остается одной из интересных тем для изучения многими учеными. «Так, в отечественной нейропсихологии, составной частью которой являлось учение об афазии, сформулирован новый концептуальный подход к нарушению ВПФ при локальных поражениях мозга, в том числе и афазии. Новое учение об афазии было создано крупнейшим отечественным психологом А. Р. Лурией, которым был выдвинут новый фундаментальный принцип подхода к дефекту, в том числе и афазии, как к системному нарушению и был осуществлен переход от метода описания дефекта, характерного для классического периода развития психологии и неврологии, к методу его качественного анализа» [7, С. 6].

А. Р. Лурия и его соотечественники первыми вводят иной подход к изучению афазий. Он направлен на сближение данного расстройства с изучением анализа гностических (нарушение ориентировки в окружающей среде) и праксических (нарушение в произношении слов) расстройств и

выделением более элементарных изменений мозговой деятельности, приводящих к этим сложным нарушениям.

Александр Романович Лурия считал, что наиболее перспективным подходом к изучению речевых расстройств будет мультидисциплинарный подход, так как представление об афазии должно заключаться не только в неврологическом явлении, но и в комплексном образовании, которое может быть рассмотрено только в совокупности знаний из нескольких научных дисциплин. Ученый и его последователи разработали концепцию, которая опирается на исследования из разных областей.

Речь, как и все остальные ВПФ человека, является продуктом длительного культурно-исторического развития. Проходя несколько этапов развития, она формируется у ребенка по мере овладения языком и переходит в развернутую систему средств общения и опосредования различных психических процессов.

«Речевая система – это целая совокупность речевых функций, объединенных в единое целое» [5, С. 226]. Однако А. Р. Лурия и его соотечественники подразделяют ее на 4 самостоятельные формы речевой деятельности. Устная и письменная речь относятся к экспрессивной речи, а понимание такой речи (чтение) к импрессивной. Устная речь подразделяется на активную (монологическая и диалогическая речь) и повторную (название объектов, действий и т.д.), а письменная может быть самостоятельной или под диктовку. При локальных поражениях мозга (преимущественно левого полушария у правшей) нарушения распространяются на все формы речевой деятельности и формируется системный дефект с преобладанием нарушения какого-либо из аспектов речи. А. Р. Лурия отмечал, что афазии проявляются в виде нарушений фонематической, морфологической и синтаксической структуры собственной речи, а также несмотря на обеспечение членораздельного произношения и сохранения элементарных форм слуха, разрушается понимание обращенной речи.

В соответствии с классификацией А. Р. Лурия, базирующейся на системной динамической локализации высших психических функций, существует 7 форм афазий. Каждая форма связана с нарушением фактора, на котором основывается речевая система, и наблюдается при определенной локализации патологического процесса.

Все афазии можно разделить на 2 класса, а именно: речевые нарушения, связанные с выпадением (нарушением) афферентных звеньев речевой функциональной системы, и афазии, возникающие вследствие поражения ее эфферентных звеньев.

А. Р. Лурия разделил моторную афазию на три типа:

- кинетическую (эфферентную) афазия (пациент утрачивает способность произносить определенные последовательности звуков или слов в результате нарушения формирования кинетической системы тонких движений);

- кинестетическую (афферентную) афазия (пациент утрачивает кинестетические основы артикуляции речи);

- динамическую афазия (пациент испытывает трудности экфоризации (смыслообразующей памяти) целостного выражения, нарушается речевая инициатива, появляется неспособность составить схему выражения).

Кинестетическая афазия похожа на корковую моторную афазия по классификации Вернике-Лихтгейма, а кинестетическую афазия можно сравнить с подкорковой моторной афазией. Динамическая афазия стала рассматриваться как тип транскортикальной моторной афазии.

Лурия описал только два типа сенсорной афазии (поражение задней трети височной извилины левого полушария):

- сенсорную афазия, как тип акустической агнозии (нарушения узнавания явлений и предметов при сохранности сознания и элементарной чувствительности) звуков речи с первичным нарушением фонематического слуха;

- акустико-мнестическую афазия, похожую на транскортикальную сенсорную афазия.

Клиника локальных поражений мозга, к сожалению, на данный момент все еще не имеет достаточного материала для анализа, так как подход А. Р. Лурии и его коллег был введен относительно недавно. Однако на основе проанализированного мною материала можно сделать вывод, что мультидисциплинарный подход к изучению афазии является наиболее полным и значимым в современном мире.

При нарушениях речевых процессов человек переживает огромный стресс, так как не может нормально контактировать с окружающим миром. Подобные нарушения речевых и интеллектуальных умений и навыков возникают часто из-за различных заболеваний головного мозга, таких как, например, инсульт или черепно-мозговая травма. Очень важно помочь людям с такой проблемой, как афазия, вернуться к общественной жизни и труду. В связи с этим перед психологами стоит задача, которая заключается в оказании квалифицированной помощи человеку с таким заболеванием.

«Одним из важнейших требований нейропсихологической реабилитации (НПР) неврологических и нейрохирургических больных является раннее начало реабилитационной работы» [9, С. 11].

Трудности, возникшие в афазологии (рассогласование теоретических представлений об афазиях, их классификаций с клиническими фактами и т.д.), потребовали нового подхода к изучению афазии. Концептуальный аппарат нейропсихологии, разработанный А. Р. Лурия и его сотрудниками является научной теоретической основой, которая открывает новое учение о речевых расстройствах и указывает на важность правильного определения формы афазии для реабилитации. Нейропсихологический метод анализа, современные представления о речи дают нам возможность более точно определить форму нарушения.

«Анализ афазии должен проводиться по следующей схеме:

1. Анализ клинической картины и выделение в ней существенных признаков.
2. Выделение основного дефекта.
3. Выделение (прогностически) фактора.
4. Выделение симптомокомплекса.
5. Выделение синдрома на основе симптомокомплекса.
6. Окончательное выделение центрального механизма (фактора).
7. Анализ психологическое картины нарушения речи (памяти, интеллектуальной деятельности и других ВПФ).

Эта схема позволяет структурировать получаемый при обследовании больных материал, отделять существенное от несущественного, проникать в суть нарушения речи или других ВПФ» [9, С. 72].

Наиболее эффективным является применение систем методов, в основе которых лежит восстановительное обучение. НРП требует работы над всей психической сферой субъекта и имеет ряд разных задач, но основная из них не просто приспособление больного к дефекту, а восстановление его высших психических функций.

Общие методы восстановительного обучения и реабилитации больных с локальными поражениями мозга можно поделить на вербальные и невербальные. При подборе рабочего материала к обоим видам необходимо учитывать частность, фонетическую и грамматическую сложность вербального материала и частотность и образность картиночного.

Для невербальных методов восстановления высших психических функций характерна попытка растормозить устную экспрессивную речь, так как она заставляет активизировать правое полушарие, имеющие отношение к деятельности со знаками и включать его в процесс коммуникации. Эти методы можно разделить на 3 части: условно-невербальные методы, метод введения в контекст и метод организации деятельности.

«К условно-невербальным методам восстановления невербальной и вербальной коммуникации относятся и интонационный метод, и метод ритмико-мелодической структуры речи, метод рисования, мимика и жестовая речь, пение, музыка и др. Все они применяются при грубых формах моторной и сенсорной афазий сначала с целью установления контакта и реализации невербального общения, а позже с целью растормаживания и восстановления речи и речевой деятельности» [9, С. 190].

Метод введения в контекст помогает наладить всю психическую сферу субъекта, потому что дефект той или другой психической функции, возникающий вследствие локального поражения мозга, никогда не протекает изолировано.

Сделать человека внимательным – это означает организовать его деятельность, а в этом помогает метод организации деятельности.

Другим важным аспектом нейропсихологической реабилитации являются аудиовизуальные методики и их роль в восстановлении речи при афазии. Специфические дефекты ВПФ, возникающие при локальных поражениях мозга часто сопровождаются рядом неспецифических общемозговых дефектов (общее снижение активности коры мозга, сужение объема и снижение темпа восприятия, увеличение времени, необходимого для переработки поступающей информации), что усложняет клиническую картину проявления основного дефекта психических процессов, хотя они и не затрагивают структуры процессов.

Л. С. Цветкова разработала группу специальных аудиовизуальных методов, помогающих преодолевать специфические и неспецифические дефекты. Например, метод просмотра больными кинокадров, метод озвученного чтения (синхронное чтение и прослушивание текста) и «магнитофонный метод».

Значение всех выше перечисленных методик заключается в возможности создания наиболее оптимальным условий для активного контроля за больными для восстановления речи и в возможности самостоятельного заочного обучения.

Другим важным элементом реабилитации является восстановление устной экспрессивной речи. «Устная разговорная речь опирается на два основных вида связи – на синтагматическую организацию, т.е. связанность высказывания, и на парадигматическую организацию слов, вводящую слово в определенную систему значений» [9, С. 205].

Нарушение устной экспрессивной речи является ведущим симптомом трех форм афазии – эфферентной и афферентной моторной и динамической.

Несмотря на то, что механизмы расстройства и картина его протекания разные, а соответственно и задачи восстановительного обучения не одинаковы, вся реабилитация стремится к общей цели – восстановлению устной разговорной речи. Основным подходом к реабилитации больного с эфферентной моторной афазией является попытка совместно со специалистом преодолеть дефект инертности протекания нервных процессов, восстановить способность к переключению с одной вербальной единицы на другую и преодолеть персеверации (однотипные постоянные повторения). Для восстановления подопечного с афферентной моторной афазией необходимо работать над преодолением отклонений, связанных с кинестетическим анализом звука. Восстановление речи у больных с динамической афазией ставит перед собой задачу изменить уровень интактивности (планирования моделей, которые необходимы для жизни).

Все методики НРП, которые связаны с восстановлением устной экспрессивной речи основываются на замене нарушенной функции с помощью новых функциональных систем и на основе включения в работу сохранных анализаторов.

Выше отмечалось, что понимание речи не простой и многоуровневый процесс, который использует различные средства для увеличения точности осознания значения и смысла текста, то есть использованию устной импрессивной речи. Ее главными центральными механизмами являются процессы звукоподрождения, удержания вербальной информации в оперативной памяти и процесс перешифровки логико-грамматических конструкций на единицы значения, а также объем воспринимаемого.

Нарушение понимания речи выступает в качестве ведущего симптома трех форм афазии – сенсорной (необходимо преодоление дефекта фонематического слуха и восстановление процесса звуко различения), акустико-мнестической (необходимо преодоление дефектов слухоречевой памяти и сужения объема слухового восприятия, восстановление предметных образов) и семантической (необходимо обучение ориентировки в пространстве из-за нарушений понимания многих логико-грамматических конструкций).

«Важнейшим звеном в нейропсихологической практике является установление контакта с больным, что является результатом сплава научных познаний нейропсихолога (педагога, врача, логопеда) и его умений вступать в контакт с больными людьми, искусства общения. Однако в этой неформализуемой (или трудно формализуемой) части обучения имеется и ряд методов, которые показали свою эффективность. Интонация, жесты, форма общения с больным, содержание бесед – все это должно быть выверено в

индивидуализировано для каждого больного, так как эта часть взаимодействия является средством реализации гуманного отношения к больному, его недугу, желанию и умению ему помочь» [9, С. 407-408].

Особая актуальность изучения речевых расстройств связана с тем, что органические поражения мешают человеку гармонично существовать в мире. Они осложняют личную, семейную и в целом социальную жизнь человека. Таким людям необходима помощь и правильная коррекционная работа. Как показывают многочисленные клинические и психолого-педагогические исследования, психика человека сложная и многоуровневая система, а нарушение какой-либо «ячейки» этого механизма ведет к серьезным проблемам во всем функционировании.

Одной из важных научных основ подхода к проблеме афазии явилась теория о системно-динамической локализации ВПФ. На ее основе А. Р. Лурия и его сотрудники смогли разработать методику определения формы нарушений и план ее реабилитации соответственно. В их работах показано, что виды афазий бывают разные и к каждой форме нарушения нужен свой определенный подход и анализ.

Существуют разные формы и методы организации нейропсихологической реабилитации больных, но для качественного восстановления речевых процессов необходимо их комбинировать. Они должны включать в себя индивидуальный урок и групповые занятия. Однако разработка методов и способов взаимодействия этих двух форм восстановительного обучения – дело будущего и экспериментальные исследования в этом направлении пока еще на стадии развития.

А. Р. Лурия писал: «Мозг человека является органом, регулирующим всю его деятельность, и поражения мозга, которые носят обычно стойкий характер, надолго выключают человека из работы, а иногда даже и из нормального общения с окружающими и нормальных жизненных отношений. Какими путями такой больной может быть включен в общественную трудовую жизнь? Какие меры должны быть приняты для того, чтобы такое включение в жизнь пошло по наиболее рациональным путям?». К сожалению, ответа на поставленные ученым вопросы все еще нет. Однако хочется надеяться, что в ближайшем будущем они появятся, а мы сможем оказывать квалифицированную помощь больным с речевыми расстройствами и другими нарушениями высших психических функций.

Список литературы:

1. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. СПб.: Питер, 2008. 624 с.
2. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведения. 6-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 384 с.
3. Палмер Д. Эволюционная психология: Секреты поведения Homo sapiens. ОЛМА Медиа Групп, 2003. 382 с.
4. Тонконогий И.М., Пуанте А. Клиническая нейропсихология. Санкт-Петербург : Питер, 2007. 528 с.
5. Хомская Е.Д. Нейропсихология: учебник для вузов. (+CD-ROM). СПб.: ПИТЕР, 2016. 496 с.
6. Цветкова Л.С. Афазия и восстановительное обучение. Изд. «Просвещение», М., 1988.
7. Цветкова Л.С., Торчуа Н. Г. Афазия и восприятие. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 176 с.
8. Цветкова Л.С. Мозг и интеллект: Нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. М.: Просвещение – АО «Учеб. Лит.», 1995. 304 с.
9. Цветкова Л.С. Нейропсихологическая реабилитация больных. Речь и интеллектуальная деятельность: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. 424 с.

References:

1. Lurija A.R. Vysshie korkovye funkicii cheloveka. SPb.: Piter, 2008. 624 s.
2. Lurija A.R. Osnovy nejropsihologii: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenie. 6-e izd., ster. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 384 s.
3. Palmer D. Jevoljucionnaja psihologija: Sekrety povedenija Homo sapiens. OLMA Media Grupp, 2003. 382 s.
4. Tonkonogij I.M., Puante A. Klinicheskaja nejropsihologija. Sankt-Peterburg : Piter, 2007. 528 s.
5. Homskaja E.D. Nejropsihologija: uchebnik dlja vuzov. (+CD-ROM). SPB.: PITER, 2016. 496 s.
6. Cvetkova L.S. Afazija i vosstanovitel'noe obuchenie. Izd. «Prosveshhenie», M., 1988.
7. Cvetkova L.S., Torchua N. G. Afazija i vosprijatie. M.: Izdatel'stvo «Institut prakticheskoi psihologii», Voronezh: NPO «MODJeK», 1997. 176 s.

8. Cvetkova L.S. Mozg i intellekt: Narushenie i vosstanovlenie intellektual'noj dejatel'nosti. M.: Prosveshhenie – AO «Ucheb. Lit.», 1995. 304 s.
9. Cvetkova L.S. Nejropsihologicheskaja reabilitacija bol'nyh. Rech' i intellektual'naja dejatel'nost': Ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODJeK», 2004. 424 s.

Сведения об авторе:

Корсакова Людмила Юрьевна, студент факультета социальных и гуманитарных наук по специальности «клиническая психология», Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна»» (Дубна, Россия)

Психология: за 500 лет до Миллениума (анализ текущих событий)¹

Мазилев Владимир Александрович

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Аннотация. Статья посвящена обсуждению вопроса о перспективах психологии как науки. Оспаривается мнение, согласно которому психология не представляет собой единой науки, а является набором практически несообщающихся между собой дисциплин. В статье отстаивается мнение, что психология является фундаментальной научной дисциплиной, у нее прекрасное будущее. Она находится в начале своего становления фундаментальной наукой. В статье подвергается сомнению традиционный вывод, согласно которому психология стала самостоятельной наукой во второй половине XIX столетия. Высказывается тезис, что психология еще не стала самостоятельной наукой. Эта цель еще не достигнута. В статье анализируются условия и первые шаги на этом пути. Анализируется проблема предмета психологии. Предлагается трактовка предмета как внутреннего мира человека. Прослеживаются преимущества такого подхода. Первый шаг, который необходимо сделать, состоит в пересмотре трактовки предмета науки. В работе предлагается трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека, анализируются преимущества такого подхода. Утверждается, что трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека позволяет решить многие проблемы, накопившиеся в общей психологии.

Ключевые слова: психология, будущее, развитие психологии, единство, фундаментальная наука, предмет, внутренний мир.

Psychology: 500 years before the millennium (analysis of current events)

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

¹ Работа выполнена в соответствии с государственным заданием № 25.8407.2017/8.9.

Abstract. The article is devoted to the discussion of the prospects of psychology as a science. The author argued with the opinion, according to which psychology does not represent a single science, but is a set of practically non-communicating disciplines. The article defends the view that psychology is a fundamental scientific discipline, it has a beautiful future. It is at the beginning of its becoming a fundamental science. In the article, the traditional conclusion, according to which psychology became an independent science in the second half of the nineteenth century, is questioned. It is argued that psychology has not yet become an independent science. This goal has not been achieved yet. The article analyzes the conditions and the first steps along this path. The problem of the subject matter of psychology is analyzed. The interpretation of the subject matter as the inner world of man is offered. The advantages of this approach are traced. The first step to be taken is to revise the interpretation of the subject matter of science. The paper suggests the treatment of the subject matter of psychology as the inner world of man, the advantages of this approach are analyzed. It is argued that the treatment of the subject matter of psychology as the inner world of man allows solving many problems accumulated in general psychology.

Keywords: psychology, future, development of psychology, unity, fundamental science, subject, inner world

В 2014 году прошла довольно необычная конференция, сразу привлекавшая мое внимание. Было понятно, что она задумана людьми, бескорыстно любящими науку, поскольку явно не предполагалось внедрения, продвижения и распространения каких-либо определенных идей... Она была посвящена важному рубежу: 500-летию изобретения термина психология. Примечательно, что за точку отсчета была взята «правильная» дата – автором исторического свершения был признан Марко Марулич (1450-1526), действительный «первооткрыватель» замечательного термина. И место проведения конференции было необычным – город Черногорск на берегу Енисея в Хакасии, неподалеку от Саяно-Шушенской ГЭС. Как я понимаю, первоначально желающих принять участие в конференции было совсем немного, и это не особенно удивляет, так как вопросы истории психологии в российской психологической науке, мягко говоря, не очень популярны. Однако сроки проведения конференции были продлены, в итоге она даже стала достаточно популярной, а сегодня мы подводим ее итоги.

Прежде всего, отметим, что конференция эта явно особая. Ее особенность в том, что она «рубежная», то есть она посвящена достижению определенного рубежа, отметки, даты... Это важный момент, который часто полностью не осознается. Как представляется, замечательно это выразил выдающийся драматург, слова которого будут приведены чуть ниже. Юбилеи настраивают на определенный лад. Прелесть юбилея состоит в том, что с какой-то «круглой»

датой связаны некие события, стимулирующие позитивные эмоции: ожидание этой даты вызывает определенные надежды. Достижение даты это достижение рубежа, а за ним - новое время. В отличие от персонального юбилея в этом случае нет «узаконенных преувеличений», это честные размышления и правдивые оценки. Как прекрасно сказал об этом Бертольд Брехт: «Всем известно, какое благотворное влияние может оказать на людей убеждение, что они стоят на пороге нового времени. Тогда им кажется, что окружающий мир еще далеко не закончен, способен на самые отрадные улучшения, полон неожиданных и ожидаемых возможностей, словом, что податливый сырой материал в их руках. Сами они чувствуют себя как утром: отдохнувшими, сильными, изобретательными. Прежняя вера называется суеверием, то, что еще вчера представлялось бесспорным, изучается заново. Нами управляли, говорят люди, а теперь будем управлять мы» [5, С. 8].

Примем в расчет этот духоподъемный момент, кроме того отметим, что рубеж стимулирует ретро- и, особенно, проактивные размышления и экспектации. Нашей психологии это явно будет кстати, поскольку дефицит размышлений как о прошлом, так и о будущем психологии в общем имеет место. Представляется, что вообще мы до сих пор плохо осознаем механизмы движения к будущему и, более того, не используем возможности воздействия на это будущее. Завоеванием психологической мысли XX столетия явилось то, что произошло существенное продвижение в понимании детерминации: не только прошлое влияет на настоящее, но и будущее – через механизмы целеполагания – программирует настоящее. Рубежные даты, таким образом, являются не только символическими моментами, но и могут при определенных условиях влиять на сам ход исторических процессов.

Итак, воспользуемся спецификой момента и зададим вопрос: что психология собой представляет и каков ее текущий статус?

Если бы провести опрос представителей научного психологического сообщества, наверняка, часть ответов содержала бы указание на то, что психология находится в кризисе. Психологи очень любят этот термин и охотно его употребляют в разных контекстах.

Периодически появляются новые публикации на тему кризиса в психологии, что свидетельствует о том, что тема не закрыта, и, напротив, сохраняет актуальность. Это, как представляется, дает некоторые основания для того, чтобы высказать суждения на этот счет. Поскольку уже приходилось писать о кризисе в психологии [13; 14; 15; 16], остановимся лишь на некоторых аспектах проблемы, на тех, которые стали наиболее важными в свете недавних дискуссий по этой тематике.

В самое последнее время были опубликованы очень актуальные и интересные работы А.М.Двойнина, посвященные проблеме кризиса психологии. В статьях А.М.Двойнина [6; 7] подвергается сомнению распространенная в среде российских психологов оценка состояния мировой психологии как кризисного. Автор полагает, что кризисное переживание выражает собственные ощущения отечественного психологического сообщества. Сопоставляя методологические дискуссии о кризисе, идущие в отечественной и зарубежной психологии, автор раскрывает причины и факторы ощущения кризиса у российских психологов, делая вывод, что за ощущением кризиса в психологической науке у российских психологов стоит кризис их идентичности. Автор полагает, что мировая психология не находится во внутринаучном кризисе и предлагает при диагностике состояния современной психологии использовать вместо метафоры «кризис» другие оценочные инструменты [7]. Утверждается, что психология как культурная деятельность определенных научных сообществ втянута в мировые глобальные культурные и цивилизационные процессы, которые характеризуются в настоящее время как кризисные. Автор утверждает, что молодое поколение российских ученых менее подвержено переживанию кризиса идентичности, чем старшее. Согласно А.М.Двойнину, условием преодоления кризиса идентичности выступает содержательный диалог старшего и младшего поколений отечественных психологов о методологических проблемах психологии [6].

Говоря о кризисе, прежде всего, следует акцентировать два момента.

Первый состоит в том, что кризис не стоит расценивать как негативное явление. Навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное как память психологов (в первую очередь, для самих себя), что психология пока что несовершенна. Если рассматривать кризис как долгие поиски подлинного предмета науки, то это не должно расцениваться как ее недостаток. Наоборот, кризис означает, что психологическая наука на верном пути.

Второй. Конечно, переживание кризиса происходит в сознании психолога, он субъективен. В этом А.М.Двойнин, конечно, прав. Важно подчеркнуть, что это именно состояние, а состояние субъективно, так как представляет собой субъективную оценку. Поэтому очевидно, что вполне возможна множественность оценок: то, что одному субъекту представляется кризисом, другому видится поступательным развитием. И разные переживания отечественных и зарубежных ученых имеют место.

Психологи любят слово «кризис»: это не только важный предмет исследований возрастных, медицинских, социальных, организационных и др.

психологов. Психологи едва ли не обожают описывать этим термином состояние их науки. Если за дату возникновения научной психологии принять 1874 год, когда был полностью опубликован труд В.Вундта, обосновавший «новую область в науке» [32], то придется признать: кризис сопровождал само рождение научной психологии. Дело в том, что в том же 1874 году другой психолог Ф. Brentano писал в «Психологии с эмпирической точки зрения»: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрастет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» [4, С. 11]. Как мы увидим далее, это и есть главный симптом кризиса: психологий много, нет единой психологии. Таким образом, можно говорить о кризисе, сопровождавшем само рождение научной психологии.

Почему психологи, заинтересованные в развитии своей науки, так любят этот термин? Представляется, что ответ прост. Греческое слово “кризис” (krisis – поворотный пункт, решение, исход), как известно, означает “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса”, “резкий, крутой перелом”. Иными словами, кризис – термин оптимистический: имплицитно представляется, вот пройдет кризис и все будет по-новому, все будет лучше. Поэтому любовь к термину “кризис” означает всего лишь выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему в самом ближайшем будущем. А нетерпение – вполне извинительное состояние, возникающее при избыточной мотивации.

Представляется, что в дискуссиях о кризисе в современной психологии очень много «методологических эмоций» (А.В.Юревич), которые осложняют объективное рассмотрение вопроса. Обратим внимание на некоторые, существенные, на наш взгляд, моменты.

1. Не стоит воспринимать кризис, подчеркнем еще раз, как негативное явление. Кризис совсем не означает отсутствия прогресса или иных достижений. Уже упоминалось о том, что констатация кризисного состояния - в соответствии с этимологией - может рассматриваться не только как “резкий, крутой перелом”, но и как “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса” (например, как родовая травма, которая не преодолена до сих пор). Поэтому стоит акцентировать, что, если рассматривать кризис как долгие

поиски подлинного предмета науки, то это никоим образом не должно расцениваться как ее недостаток.

2. В российской психологии является традицией рассматривать методологию на исторической основе, как содержательную методологию. Поэтому значительно более вероятно использование терминологии, связанной с кризисом, именно в отечественной психологической науке. Более редкое использование кризисной терминологии в зарубежной психологии в данном случае не должно вводить в заблуждение. Нам представляется, что это связано с некоторыми особенностями российской ментальности - стремлением непременно «дойти до самой сути», а не довольствоваться прагматическими следствиями.

3. Представляется, что когда мы говорим о кризисе, не стоит воспринимать его упрощенно и уплощенно. В известном исследовании [29] было убедительно показано, что кризис (впрочем, как и практически все в психологии) имеет сложное строение, носит системный характер. Не подлежит сомнению, что для понимания кризиса важно учитывать, что существуют социальные и когнитивные его составляющие [29].

Обратим внимание на то, что, на наш взгляд, чрезвычайно перспективно изменить понимание смысла кризиса. Не будем здесь развивать эту тему – лишь анонсируем ее. Согласно новым изысканиям, у термина кризис есть еще одно значение – юридическое. Представляется, что оно наиболее перспективно. «Суд по-гречески – *krisis* (от слова *krino*, означающего, если исходить из этимологии, «разделять, разрешать»). Помимо юридической составляющей, в этом термине также сходятся медицинское значение (*krisis* как решающий момент в развитии болезни, когда врач должен «рассудить», выживет ли больной или умрет) и теологическое значение (Страшный суд: *en emeraí kriseos*, «в Судный день» - это предостережение несколько раз слетает с уст Иисуса в Посланиях Павла: *en emeraí ote krinei*, «в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить» Рим 2:16) [2, С. 8].

Впрочем, это сюжет для специальной работы.

Есть длительная традиция постановки кризиса и различных его трактовок. Мы не будем здесь их рассматривать, обратим внимание на одну важную деталь. Когда обсуждается проблема кризиса в психологии, обычно повышенную активность проявляют представители академической науки. Это вполне естественно, так как кризис, прежде всего, ассоциируется с отсутствием единства в науке, множественностью подходов и т.п. Про кризис будут говорить явно не все представители научного сообщества. Среди академических психологов часть будет поддерживать идею кризиса, другая

часть будет наличие кризиса яростно отрицать. В психологии явный дефицит социологических исследований: в социологии психологии, за которую так ратовал А.В.Юревич, до сих пор очень много белых пятен. Можно предположить, что сторонниками идеи кризиса выступят те исследователи, которым можно счесть «романтиками». Романтики это те, кто помнят про высокое предназначение психологии, про уникальность предмета этой науки. Как можно полагать, классики, подобных чувств не испытывающие, не склонны считать, что какие-то кризисы есть. В их исследованиях все благополучно, инструменты работают, результаты обобщаются, выводы всегда адекватны поставленным целям и задачам.

Напомним, согласно А.Р.Лурии, классические ученые — это те, которые рассматривают явления последовательно по частям. Шаг за шагом они выделяют важные единицы и элементы, пока, наконец, не сформулируют некие абстрактные общие законы. Затем эти законы рассматриваются как сила, управляющая явлениями в изучаемой области. Один из результатов такого подхода — сведение живой действительности со всем ее богатством деталей к абстрактным схемам. Свойства живого целого при этом теряются, что побудило Гете написать: «Ведь каждая теория сера, но зеленеет вечно древо жизни» [11]. Иными чертами, подходами и стратегией отличаются романтические ученые. Они не идут по пути редукции реальности к абстрактным схемам, что является руководящей идеей классической группы. Романтики в науке не хотят ни расчленять живую реальность на ее элементарные компоненты, ни воплощать богатство конкретных жизненных событий в абстрактных моделях, которые теряют свойства самих явлений. Величайшее значение для романтиков имеет сохранение богатства конкретных событий как типовых, и их привлекает наука, сохраняющая это богатство [11].

В мире практической психологии все более однозначно. Представителям практико-ориентированной психологии метафора кризиса явно не кажется актуальной и близкой: практическая психология никогда не представляла собой единого движения — напротив, существовало множество различных направлений, подходов, техник, приводящих к определенным результатам. Для практико-ориентированной психологии не предполагается единства (даже в самых смелых мечтах), поэтому идеи кризиса в ее пространстве быть не может.

Стоит отметить, что времена меняются. Увы, в нашей психологии изменение настроений исследователей тоже не отслеживается, а такие изменения представляют значительный интерес, ибо помогают понять внутреннюю «кухню» науки. Так для темы нашего обсуждения стоит напомнить, что мы живем в особую пору. Как когда-то (однако, уже пятнадцать

лет прошло) пронизательно заметил В.М.Аллахвердов, «пришла методологическая пора – психология, отворяй ворота» [1]. В пространстве академической психологии устойчиво складывается традиция концептуализации: многие не довольствуются констатацией того, что положение кризисное – они идут дальше, обосновывая, почему именно так должно быть. В этом отношении мы видим существенное изменение ориентации исследователей – если в двадцатые годы прошлого столетия, когда констатация кризиса была едва ли не «общим местом», вслед за постановкой диагноза неизменно следовала более или менее развернутая программа выхода из кризиса, сейчас в моде объяснения: авторы обосновывают сложившееся положение вещей, выражая этим «законность» кризиса.

Важно подчеркнуть, что в условиях наступившей методологической свободы и вседозволенности понятно: каждый волен выражать свое мнение, каким бы оно ни было. Правда, особенно тревожно то, что многие психологи – не хочется считать их дальновидными – в нынешних условиях нестабильности, о которых уже было сказано, пытаются обосновать «справедливость» сложившегося положения. Дело в том, что ориентируясь на статус психологии «в нижней части иерархии» (об этом см. ниже), авторы обосновывают тезис о том, что психология это вообще не наука, а лишь совокупность отдельных подходов, набор разных технологий и пр. В частности, можно услышать, что: название «психология» не выражает современного состояния этой научной области; полноценной науки о психике в 21 столетии так и не появилось; пройденный психологией исторический путь во многом случаен и гордиться там нечем; прошлое психологической науки недостойно, чтобы на него ссылаться и к нему апеллировать; психологии, как единой дисциплины не существует; в психологии имеется лишь множество различных исследовательских подходов, фактически, не связанных между собой и т.п.

Никоим образом не покушаясь на свободу высказывания мнений, хочется предостеречь: механизм самоосуществляющихся прогнозов (по Р.Мертону (Merton, 1949)) еще никто не отменял: в конечном счете, происходит то, во что люди верят и что они ожидают.

Когда обсуждается проблема кризиса в психологии, обычно повышенную активность проявляют представители академической науки. Это вполне естественно, так как кризис, прежде всего, ассоциируется с отсутствием единства в науке, множественностью подходов и т.п. При этом характерно, что представителям практико-ориентированной психологии метафора кризиса явно не кажется актуальной и близкой: практическая психология никогда не представляла собой единого движения – напротив, существовало множество

различных направлений, подходов, техник, приводящих к определенным результатам. Для практико-ориентированной психологии не предполагается единства (даже в самых смелых мечтах), поэтому идеи кризиса в ее пространстве быть не может.

В этом смысле очень полезно иметь позитивный сценарий развития событий. Вспомним, что само объявление психологии самостоятельной дисциплиной было во многом декларативным. Вундт обосновал самостоятельность лишь для физиологической психологии. Научное сообщество признало вундтовское обоснование, надеясь, что ситуация изменится в самом близком будущем. Вновь проявилось нетерпение, о котором мы уже упоминали в этой статье. Вряд ли рождение науки сопоставимо с рождением человека – день рождения в первом случае, скорее всего, просто условность. Замечательный историк психологии М. С. Роговин, в частности, отмечал: «Мы полагаем, что неправильным было бы пытаться наметить какую-то определенную дату, начиная с которой могли бы рассматривать психологию как самостоятельную науку. Процесс формирования научной дисциплины длительный, сложный, диалектически противоречивый; поэтому следует стремиться определить лишь исторический отрезок времени, на который приходится сочетание условий, в максимальной степени способствовавших ее становлению» [25, С. 96].

Другой классик – С.Л. Рубинштейн – в 1940 году отмечал: «Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» [2 С. 70]. Нельзя не согласиться и с другим высказыванием С.Л.Рубинштейна из процитированной работы: «История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения» [2 С. 68]. Хотя с тех пор прошло много времени, опубликовано огромное число работ, ситуация принципиально не изменилась.

Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на глубокую и, как представляется, не оцененную мысль С.Л.Рубинштейна. Может быть, она осталась не замеченной потому, что, будучи опубликованной в далеком 1940 году, пришлась на ту пору, когда было не до методологии – началась война. А когда работа была переиздана, в 1973 году, все посчитали, что все уже закончено, «система психологии» оформилась, да и с подлинно научной

методологией все в порядке: философия диалектического и исторического материализма представлялась тогда учением, которое и всеильно и верно.

В те же семидесятые годы в книге «Деятельность. Сознание. Личность» (1975) признанный лидер советской психологии А.Н.Леонтьев писал о кризисе мировой психологической науки: «Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественнонаучную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии» [10, С. 3]. Понятно, что речь идет о мировой психологии – отечественная имеет свою судьбу: «По совершенно другому пути шло развитие советской психологической науки. Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека» [10, С. 4]. Как писал А.Н.Леонтьев, «мы все понимали, что марксистская психология - это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться» [10, С. 5].

Но мы отвлеклись, вернемся к анонсированному высказыванию С.Л.Рубинштейна. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, ко-торый выделил Энгельс для всей истории науки; вторая - ко времени оформления экспериментальной физио-логической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» [26, С. 77].

Как нам представляется, ключевым моментом в данном высказывании – глубоком и верном – является следующее: «когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией».

Итак, сформулируем наш вывод. Психология еще не стала самостоятельной наукой в полном смысле, система психологии пока еще не

сложилась. Вывод Рубинштейна, который он сделал в 1940 году, справедлив и сегодня. Подлинно научная методология появится только тогда, когда будет определен предмет психологии, и это понимание предмета будет соответствовать современным требованиям. Утверждаем, интерпретируя мысль классика отечественной психологии, что третья «вершинная точка» еще не достигнута. Следовательно, реляции о научной и самостоятельной психологии были несколько преждевременными. Как нам уже приходилось писать, феномен нетерпения в психологии наблюдается довольно часто. При высокой мотивации хочется достичь всего и сразу. Впрочем, шутки в сторону.

Таким образом, задачи – если, конечно, психология желает продолжать двигаться по избранному пути – перед психологической наукой, согласно С.Л.Рубинштейну, встают следующие:

1. Оформить систему психологии.
2. Разработать совершенные методики исследования
3. Создать научную методологию.

Представляется, что психологии полезно знать, какие задачи стоят перед этой научной дисциплиной. Можно смело заключить, что в данных направлениях многое делается: во всяком случае, за прошедшие десятилетия пройден весьма значительный путь. В рамках этого текста, разумеется, нет возможности предпринять обзор достигнутого за прошедшие десятилетия. С нашей точки зрения, именно эти задачи пытался решить в первую очередь в своей эпохальной работе «Основы общей психологии» (1940) сам С.Л.Рубинштейн. Не случайно эта книга за три четверти века не утратила своего значения и популярности. По мнению многих преподавателей, это до сих пор лучший отечественный учебник по психологии...

Тем не менее, в полном объеме задачи, поставленные С.Л.Рубинштейном в 1940 году, до сих пор не решены. И они не могут быть решены, пока не будет достигнуто обязательное предварительное условие.

Это условие состоит в том, что в научной психологии – как она себя позиционировала – предмет психологии был задан слишком узко. Иными словами, в психологии представлена неадекватная трактовка предмета. Задачей настоящей статьи является демонстрация того, что реализация основного условия – пересмотра понятия предмет – позволит психологии существенно продвинуться в решении фундаментальных проблем.

Поскольку в рамках данного текста нет возможности предпринять историко-психологический анализ изменений взглядов на предмет, назовем лишь главные выводы. С нашей точки зрения, с момента декларативного выделения психологии (обоснование физиологической психологии было

предпринято, как мы помним, Вундтом в 1874 году, когда была опубликована полностью книга «Основания физиологической психологии») психология находится в кризисе. Вундтовская инициатива была поддержана научным сообществом и психология оформилась институционально. Внешняя сторона кризиса состоит в том, что отсутствует общее для всех «ядро научного знания», психология расколота на отдельные направления. Глубинный, внутренний смысл кризиса заключается в том, что цена, которую пришлось заплатить за самостоятельность, это неоправданные ограничения. В частности, это ограниченное, зауженное понимание предмета. Практически все неразрешенные до сих пор методологические проблемы коренятся в неадекватно понимаемом предмете психологии.

Можно смело утверждать, что кризис на глубинном уровне не преодолен до сих пор. Не стоит относиться к слову «кризис» негативно. Есть смысл рассматривать методологический кризис как реакцию психологического сообщества, выражающую неудовлетворенность его членов тем, как решает проблемы психология [16; 21; 22].

В настоящее время совершенно очевидно, что необходимо обратить пристальное внимание на проблему предмета психологической науки. Как представляется, от правильного решения именно этого важного методологического вопроса зависят и ближайшие перспективы психологии, и ее общие стратегические устремления.

Вся история психологии представляет собой поиски предмета психологии. Теоретический анализ предмета предполагает в первую очередь выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные характеристики. Представляется, что речь может идти о следующих функциях [14; 19; 20]:

1. Конституирование науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других.

2. Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет внутрпредметных соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.

3. Обеспечение функции предметного «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.

4. Дидактическая функция, связанная с построением содержания учебных предметов.

Назовем основные характеристики предмета [14; 19; 20]:

1. Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внешне простому, обеспечивая тем самым редукцию психического.

3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развёртывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Представляется очевидным, для осуществления этих функций требуется не формальное определение предмета как идеи, а совокупное содержание – то, что мы называем совокупным предметом [12]. По нашему мнению, предметом научной психологии целесообразно считать внутренний мир человека. Может показаться, что в такой трактовке предмета ничего принципиально нового нет, и она уже встречалась в истории психологической науки. Здесь не место для исторического экскурса о трактовках предмета психологии в историческом аспекте. Оставим разработку этого сюжета для отдельной работы. Здесь же подчеркнем, что приоритет в разработке проблемы внутреннего мира как психологического образования в новейшей российской истории психологии принадлежит В.Д.Шадрикову [27]. Он же предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта предмет психологии [27]. Рассматривать внутренний мир человека в качестве предмета психологии предлагалось также в учебнике «Общая психология» [28]. Отметим, что в этом издании идея не была реализована сколь-нибудь полно, поскольку содержание курса общей психологии излагалось в традиционном ключе.

Согласно В.Д.Шадрикову, внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, которую можно рассматривать как душу человека в ее научном понимании [27]. В.Д. Шадриков комментирует стратегию исследования внутреннего мира. При рассмотрении внутреннего мира как целостной субстанции необходимо постоянно иметь в виду его компоненты, в качестве которых выступают: мотивация, эмоции и

чувства, воля, содержание психики, определяемое бытием человека. В целях более глубокого понимания сущности внутренней жизни изучаются компоненты внутреннего мира, как части целого. Показывается их место в структуре внутреннего мира, раскрывается динамика развития. Особое внимание уделяется взаимным связям и взаимопроникновению компонентов, благодаря чему и формируется целостный внутренний мир. На основе изучения мотиваций, эмоций и чувств, воли, раскрывается процесс формирования личностных качеств, которые проявляются как устойчивые формы поведения. Показываются механизмы включения личностных качеств в динамику внутренней жизни человека [27].

Был подготовлен и издан учебник для психологов и студентов гуманитарных направлений и специальностей [28]. При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. Особенно стоит подчеркнуть, что данный вариант презентации понимания предмета представляется достаточно конструктивным. В учебнике предмет «внутренний мир человека» не только декларирован, но и максимально эксплицирован: из дидактических соображений максимально полно представлена внутренняя архитектура предмета. Отметим, что это, как ни удивительно, новый для психологии способ определения предмета. Поясним этот тезис, который может показаться сомнительным. Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет, в дальнейшем рассмотрении заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет. Единицу изучать проще, но эта простота оказывается очень коварной: вместе с совокупным предметом, подлежащим изучению в полном объеме, из психологии уходит возможность глубже понять психическое. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет – психе как целое – который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера становится реальным – объяснять психическое через психическое. Можно сказать, что в настоящем подходе реализован научный идеал, выраженный В. Дильтеем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать «одушевляющие связи». Поскольку в этих текстах достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией, можно

ограничиться лишь несколькими характеристиками. Действительно, в тексте «Общей психологии. Академический курс для бакалавров» [28] содержится развернутое содержание трактовки предмета психологии и терминологического аппарата, позволяющего выполнить наиболее значимые расчленения внутри последнего.

Хочется сделать еще пару замечаний методологического плана, связанных с вопросом о предмете психологии. Вопросы, связанные с изменением трактовки предмета психологии, обычно воспринимаются как «революционно-перестроечные». Обратим внимание на то, что в нашем случае ничего подобного не происходит: никаких манифестов, никаких ниспровержений не предусмотрено. Более того, трактовка совокупного предмета как внутреннего мира человека, подчеркивает его целостность, но утверждает наличие во внутреннем мире различных гетерогенных структур. Таким образом, утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека сложное образование. В этом моменте формулируемый подход означает категорический разрыв с той традицией, которая, по крайней мере, со средних веков утверждает, что душа (психика) есть простая вещь, познающая себя и другие вещи. Удивительно, но психологические школы и направления, включая современные, следовали этому древнему, но весьма спорному учению. Отсюда, кстати, следует, что неявно предполагается, что метод изучения тоже должен быть простым. Нам это также представляется недоразумением и анахронизмом: очевидно, что мир сложен, поэтому и методы его исследования используются разные – в зависимости от того, какая часть мира исследуется. Поэтому, говоря о методах, стоит подчеркнуть, что чаще всего речь идет о комплексе методов, их сочетании. Иными словами, используются методы как из арсенала естественнонаучной психологии, так и из обихода герменевтических методов.

В учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой — независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология [28].

Хотелось бы обратить внимание на несколько моментов.

Первое. Итак, в статье предлагается пересмотр предмета психологии. В соответствии с вышеизложенным в качестве предмета психологии понимается внутренний мир человека. Обратим внимание, что изменение трактовки предмета психологии это не просто словотворчество. Многие психологи сегодня искренне полагают, что трактовка предмета психологии не имеет существенного влияния на жизнь науки: те или иные конкретные исследования проводятся, исходя из понимания предмета данного конкретного исследования. Предмет исследования и предмет науки не совпадают. Поэтому изменение понимания предмета науки, полагают они, не оказывает реального влияния на предмет конкретного исследования. Кстати, можно увидеть большое количество учебников по психологии, где о предмете определенно говорится только в первой главе, а содержание всех остальных с трактовкой предмета практически никак не связано. Выбор адекватного предмета имеет решающее значение, как для успешности конкретного исследования, так и для самоопределения науки в целом. С нашей точки зрения, это важный шаг, имеющий большие последствия, существенно перестраивающий представление об общей психологии.

Второе. Обычно в ответ на предложения изменения трактовки предмета следует стандартная реакция в виде предложения определить это понятие. Определение В.Д.Шадрикова было приведено выше. По нашему мнению, давать определение внутреннему (или внешнему) миру – занятие малоперспективное. Вспомним классика психологии В.П.Зинченко, который писал: «У меня хватает чувства юмора, чтобы не определять душу. Более того, едва ли возможно ее определение. Это не столько понятие, сколько некоторый культурный концепт» [8, С. 34]. Последуем примеру классика. В конце концов, у нас есть архитектура внутреннего мира и представления о том, как ее исследовать.

Третье. Мир, как мы уже отмечали, сложен. И вряд ли един, как впрочем, и внешний мир. Поэтому стоит быть готовым к тому, что в рамках внутреннего мира представлены разные механизмы. Вряд ли мы поймем ощущения без использования понятия отражение. Но это никоим образом не означает, что вся остальная психическая жизнь тоже отражение. Вспомним, что уже Аристотель отмечал, что «мыслить – это во власти самого мыслящего, когда бы оно ни захотело помыслить; ощущение же не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было налицо ощущаемое» [3, С. 407]. Надо полагать, что и механизмы этих процессов различны. Вряд ли стоит распространять принцип отражения на все. Отражение несомненно имеет место в области чувственного

познания, создавая чувственную ткань, но мы знаем, что уже на уровне восприятий сталкиваемся с заметным «обратным влиянием», когда внутренний мир фактически организует перцепцию. И самое последнее. Внутренний мир сложен, поэтому естественно, что для его исследования требуются разные методы. В общем виде – несомненно, что необходимо сочетание различных методов.

Четвертое. Как представляется, новое понимание предмета психологии позволяет преодолеть неразрешимые трудности в объяснении психического. Этот тезис нуждается в пояснении. Дело в том, что традиционная трактовка предмета делает практически неизбежной редукцию психического к непсихическому в той или иной форме. Почему так происходит? Ответ прост. Трактовка предмета как внутренне простого предполагает использование именно причинно-следственного объяснения. Специфика причинного объяснения прекрасно показана в работах замечательного отечественного философа Е.П.Никитина. Существенно, что сведение, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Представляется полезным вспомнить гносеологическую характеристику причинного объяснения. Е.П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения следующим образом: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто «пассивное», «страдательное», произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а «со стороны», посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта «извне», через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обуславливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения...» [24, С. 88-89]. Таким образом, «активное функционирование объекта» не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» не осуществляется (что, заметим, является важнейшей задачей, в частности, психологической науки). Отсюда становится понятным, что источник активности психики «обнаруживается» в физиологии, социологии, логике и проч. – в зависимости от склонности использовать тот или иной тип редукции. По нашему глубокому убеждению, продуктивен тот подход, который видит источник активности психики в ней самой.

В данной работе мы остановились на наиболее важной первоочередной задаче – формировании нового представления о предмете. Продвижение в этом направлении позволит перейти к следующим: широкомасштабной интеграции психологического знания и установлению взаимодействия между академической и практико-ориентированной психологиями. Описание действий на этих этапах будет представлено в специальных работах.

Список литературы:

1. Аллахвердов В.М. Пришла методологическая пора — психология, отворяй ворота! // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 154-157.
2. Агамбен Дж. Пилат и Иисус / Пер. с итал. М. Лепиловой; послесл. А. Скидана. М.: Grundrisse, 2014.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976.
4. Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996.
5. Брехт Б. Избранное. М., 2003.
6. Двойнин А.М. Кризис в психологии или внутри нас самих? // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 45-54.
7. Двойнин А.М. Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 94-107.
8. Зинченко В.П., Подорога В.А. О человеческой душе и плоти // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 34-43.
9. Ланге Н.Н. Психология // Итоги науки в теории и практике. Т.8. М.: Изд-во т-ва "Мир", 1914.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
11. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. М., 1982
12. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017.
13. Мазилев В.А. Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова Ярославль: МАПН, 1998. С. 140-173.
14. Мазилев В.А. Психология: кризис в науке // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9. / Сб. под ред. В.В.Козлова. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004. С. 12-46.
15. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
16. Мазилев В.А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007.

17. Мазиллов В.А. Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова Ярославль: МАПН, 1998, С. 140-173.
18. Мазиллов В.А. Кризис современной психологии // Феномены личности и группы в изменяющемся мире: Материалы научно-практической конференции. Ч.1. Кострома: КГПУ. 1998. С.71-74
19. Мазиллов В.А. Психология: кризис в науке // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9. / Сб. под ред. В.В.Козлова. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004. С. 12-46.
20. Мазиллов В.А. Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии / Под ред. В.В.Новикова, И.Н.Карицкого, В.В.Козлова, В.А.Мазилова. Ярославль: МАПН, 2004. С. 207-225.
21. Мазиллов В.А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 87-96.
22. Мазиллов В.А. Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН, 2008.
23. Мазиллов В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1. 2006. С. 55-72.
24. Никитин Е. П. Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970.
25. Роговин М. С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.
26. Рубинштейн С.Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 68-90.
27. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга, 2005.
28. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
29. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-12
30. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
31. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Gustav Fischer, 1927.
32. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

References:

1. Allahverdiv V.M. Prishla metodologicheskaja pora — psihologija, otvorjaj vorota! // Voprosy psihologii. 2002. № 4. S. 154-157.
2. Agamben Dzh. Pilat i Iisus / Per. s ital. M. Lepilovoj; poslesl. A. Skidana. M.: Grundrisse, 2014
3. Aristotel'. Sochinenija: v 4 t. T. 1. M. : Mysl', 1976.
4. Brentano F. Izbrannye raboty. M.: Dom intellektual'noj knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1996.
5. Breht B. Izbrannoe. M., 2003.
6. Dvojnin A.M. Krizis v psihologii ili vnutri nas samih? // Voprosy psihologii. 2016. № 1. S. 45-54.
7. Dvojnin A.M. Krizis v psihologii ili krizis identichnosti rossijskih psihologov? // Psihologicheskij zhurnal. 2015. T. 36. № 6. S. 94-107.
8. Zinchenko V.P., Podoroga V.A. O chelovecheskoj dushe i ploti // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2005. № 1. S. 34-43.
9. Lange N.N. Psihologija // Itogi nauki v teorii i praktike. T.8. M.: Izd-vo t-va "Mir", 1914.
10. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975.
11. Lurija A.R. Jetapy projdennogo puti. M., 1982
12. Mazilov V.A. Metodologija psihologicheskoy nauki: istorija i sovremennost'. Jaroslavl': JaGPU, 2017.
13. Mazilov V.A. Psihologija: shizofrenija kak i bylo skazano // Psihotehnologii v social'noj rabote / Sb. pod red. V.V. Kozlova Jaroslavl': MAPN, 1998. S. 140-173.
14. Mazilov V.A. Psihologija: krizis v nauke // Psihotehnologii v social'noj rabote. Vypusk 9. / Sb. pod red. V.V.Kozlova. Jaroslavl': MAPN, JarGU, 2004. S. 12-46.
15. Mazilov V.A. Teorija i metod v psihologii. Jaroslavl': MAPN, 1998.
16. Mazilov V.A. Metodologija psihologii. Jaroslavl': MAPN, 2007.
17. Mazilov V.A. Psihologija: shizofrenija kak i bylo skazano // Psihotehnologii v social'noj rabote / Sb. pod red. V.V. Kozlova Jaroslavl': MAPN, 1998, S. 140-173.
18. Mazilov V.A. Krizis sovremennoj psihologii // Fenomeny lichnosti i gruppy v izmenjajushhemsja mire: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. Ch.1. Kostroma: KGPU. 1998. S.71-74
19. Mazilov V.A. Psihologija: krizis v nauke // Psihotehnologii v social'noj rabote. Vypusk 9. / Sb. pod red. V.V.Kozlova. Jaroslavl': MAPN, JarGU, 2004. S. 12-46.

20. Mazilov V.A. Nauchnaja psihologija: problema predmeta // Trudy Jaroslavl'skogo metodologičeskogo seminar. Tom 2: Predmet psihologii / Pod red. V.V.Novikova, I.N.Karickogo, V.V.Kozlova, V.A.Mazilova. Jaroslavl': MAPN, 2004. S. 207-225.
21. Mazilov V.A. Psihologija akademičeskaja i praktičeskaja: Aktual'noe sosušhestvovanie i perspektivy // Psihologičeskij žurnal. 2015. T. 36. № 3. S. 87-96.
22. Mazilov V.A. Integracija psihologičeskogo znanija. Jaroslavl': MAPN, 2008.
23. Mazilov V.A. O predmete psihologii // Metodologija i istorija psihologii: Nauchnyj žurnal. T.1. Vyp. 1. 2006. S. 55-72.
24. Nikitin E. P. Ob#jasnenie – funkcija nauki. M.: Nauka, 1970.
25. Rogovin M. S. Vvedenie v psihologiju. M.: Vysshaja škola, 1969.
26. Rubinshtejn S.L. Filosofskie korni jeksperimental'noj psihologii // Rubinshtejn S.L. Problemy obshhej psihologii. M.: Pedagogika, 1973. S. 68-90.
27. Shadrikov V.D. Mir vnutrennej žizni čeloveka. M.: Universitetskaja kniga, 2005.
28. Shadrikov V.D., Mazilov V.A. Obshhaja psihologija. Učebnik dlja akademičeskogo bakalavriata. M.: Jurajt, 2015.
29. Jurevich A.V. Sistemnyj krizis v psihologii // Voprosy psihologii. 1999. № 2. S. 3-12
30. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
31. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Gustav Fischer, 1927.
32. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

Сведения об авторе:

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)

Новый методологический подход в изучении семейно-брачных отношений

Расулова Зиёдахон Абдубориевна

Ташкентский исламский университет, Узбекистан

e-mail: ziyodakhon@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается новый методологический подход к изучению семьи и брака в сфере социальных наук, в особенности в области психологии, в котором семейно-брачные аспекты лучше изучать комплексным методом. Для этого нужно синтезировать несколько методологий таких дисциплин как социальная и этническая психология, психологическая антропология и кросс-культурная психология, психология религии, которые изучают проблемы человека и народа. Так, автор предлагает проводить исследования, основываясь на синтезированной методологии, которая опирается на «emic» и «etic» подход, этнографические исследования, количественный и качественный подход, а также генетический принцип. Это позволит исследователю более продуктивно изучать семейно-брачные аспекты.

Ключевые слова: социальная и этническая психология, психологическая антропология, кросс-культурная психология, психология религии, emic, etic, этнографическое исследование, количественный, качественный, генетический

New methodological approach in studying of family and marriage relations

Rasulova Ziyodakhon Abduboriyevna

Tashkent Islam University, Uzbekistan

e-mail: ziyodakhon@gmail.com

Abstract. The article considers a new methodological approach to the study of family and marriage in the social sciences, especially in the field of psychology, in which family and marriage issues and problems are better to study with the complex method. It needs to synthesize several of methodologies of such disciplines as social and ethnic psychology, psychological anthropology and cross-cultural psychology, psychology of religion which study problems of man and people. So, the author proposes to carry out research based on the synthesized methodology, which is based on emic and etic approach, ethnographic research,

qualitative and quantitative approach, as well as genetic principle. This will allow the researcher to study family-marriage aspects more productively.

Keywords: social and ethnic psychology, psychological anthropology, cross-cultural psychology, psychology of religion, emic, etic, an ethnographic study, quantitative, qualitative, genetic.

В настоящее время проблемы семьи и брака являются особо актуальными как в теоретическом, так и в практическом плане. Новым направлением в развитии семейных отношений является разработка ее методологических основ, опора на которые позволяет избежать фрагментарности, случайности, субъективности.

Анализ показал, что недостаточно изучать семейные и брачные традиции в отдельных отраслях науки, поскольку возникают трудности в обобщении итогов исследования. Для того, чтобы получить объективные результаты, семейные и брачные традиции необходимо изучать комплексно совместно с другими науками.

Неравенство исторического, социально-экономического развития, различные природно-географические условия создали определенные психологические различия между народами. Неоднородность отношений между членами семьи у разных народов, различия в обычаях и традициях, восприятие имеющегося разнообразия вещей и событий можно объяснить этнопсихологическими особенностями. Поэтому в изучении семейно-брачных проблем одной определенной нации, необходимо опираться на методологию наук, изучающих народы и человеческое общество. При этом в качестве эффективного метода предлагается нами комплексный метод. Для этого необходимо синтезировать такие науки как социальная и этническая психология, психологическая антропология и кросс-культурная психология, психология религии, которые изучают проблемы человека и народа.

На наш взгляд, следует опираться на подход emic (предмет психологической антропологии) исследующий внутренний мир человека, и этнокультурные переменные на уровне этнической общности и на подход etic (предмет сравнительно-культурной психологии), исследующий сходства и различия психологических переменных в различных культурах и этнических общностях [1, С. 15; 2; 3], на основе подхода объективной оценки на каждый вопрос, освещение методом сравнительного анализа дают плодотворные результаты. Как социальное явление брак считается etic категорией, но для того, чтобы полностью изучить и понять брак, необходимо изучать его emic

свойство. Тогда проблема будет изучена как снаружи, так и изнутри. Такая методология позволяет в полном объеме и достоверно раскрыть изучаемую проблему.

В свою очередь, требуется опираться и на этнографические исследования, который является одним из необходимых методологий в этнопсихологическом исследовании. Если рассматривать в целом, было бы целесообразно включить его в ряд основных методологий всех наук, начинающиеся с приставки этно-. По сути, этнографическое исследование похоже на подход *emic*. Это, конечно, связано с тем, что этнографическое исследование является фундаментом подхода *emic*.

Не только у узбеков, но и у каждого народа религия занимает сильные позиции и обладает заметным влиянием. Учитывая ее большую роль в семье, было бы правильно вести исследования в тесной связи и с ней. Потому что это один из важных факторов, помогающий узнать психологию народа. В этой связи рекомендуется синтезировать такие подходы психологии религии, как количественный (работает, скорее всего, с личностью «увлеченную», часто находящуюся под влиянием авторитета духовного лидера, нежели с истинным верующим) и качественный (в центре внимания стоит «истинно верующий», человек аутентичный в своей вере).

Структура языка определяет структуру мышления, они связаны меж собой. В словах, которые используются для выражения мысли, есть национальная самобытность. Если так, то для изучения семейно-брачных проблем, в частности, их традиций, было бы целесообразно, чтобы методологической основой служила этнопсихолингвистическая гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа. Воистину выражение мыслей человека материализуется и реализуется посредством языка.

Вместе с тем, целесообразно изучать ее на основе интегрального подхода этносоциологии, в основе которого рассмотрение личностного и коллективистского в единстве, также генетического подхода. Интегральный подход стремится охватить не только все свойства, черты, феномены национальной жизни в их единстве, целостности, а раскрыть прежде всего то, что до сих пор оставалось в тени – внутреннюю интегральную национальную связь, которая объединяет, связывает глубокими психологическими нитями людей и поколения в единую коллективную общность. А сущность генетического подхода состоит в том, что изучаемое психологическое явление рассматривается как процесс и исследователь стремится восстановить все явления его диалектического развития, пытаюсь проследить и понять, как они

могут заменить друг друга, пытается представить изучаемый психологический довод с исторического аспекта.

Анализ исследования показал, что синтезируя вышеуказанные методологии, взгляд на проблему с новой точки зрения дает возможность исследователю объективно подходить к семейно-брачным вопросам. Тогда опираясь на синтезированную методологию, на основе «emic» и «etic», интегральный, количественный и качественный, генетический подходы, также этнографическое исследование, проведенное исследование помогает достичь положительного результата.

Список литературы:

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.
2. Bock Ph.K. Rethinking psychological anthropology. N-Y., 1988. P. 79-96.
3. Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior (3 parts). Glendale, CA: Summer Institute of Linguistics, 1954. 146 p.

References:

1. Stefanenko T.G. Jethnopsihologija: Uchebnik dlja vuzov. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Aspekt Press, 2009. 368 s.
2. Bock Ph.K. Rethinking psychological anthropology. N-Y., 1988. R. 79-96.
3. Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior (3 parts). Glendale, CA: Summer Institute of Linguistics, 1954. 146 r.

Сведения об авторе:

Расулова Зиёдахон Абдубориевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедры психологии и философских наук, Ташкентский исламский университет (Ташкент, Узбекистан).

Актуальные проблемы подготовки перинатальных психологов в России

Субочева Алина Романовна

Московский Гуманитарный Университет, Россия

e-mail: subocheva@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена особой важности подготовки перинатальных психологов, а также сложностям и актуальным проблемам, которые возникают при их подготовке.

Ключевые слова: материнство, перинатальная психология, перспективы психологии

Actual problems of perinatal psychologists training in Russia

Subocheva Alina Romanovna

Moscow University for the Humanities, Russia

e-mail: subocheva@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the special importance of training of perinatal psychologists, as well as the complexities and topical problems that arise in their preparation.

Keywords: maternity, perinatal psychology, prospects of psychology

В нашей стране с каждым годом растет интерес к изучению феномена материнства, можно говорить о существовании возрастающего социального запроса на психологическое консультирование в области перинатальной психологии, так как как беременность и последующее взаимодействие матери и ребенка является краеугольным камнем становления человеческой личности. В связи с этим, данное направление психологии, на мой взгляд, является одним из наиболее перспективных.

Ежегодно на разных уровнях власти поднимаются вопросы о необходимости создания специальных кризисных центров для беременных

женщин, об обязательной бесплатной психологической помощи на уровнях женских консультаций и родильных домов. Неоднократно на разных уровнях поднимался вопрос о том, что психологическая помощь семье на этапе подготовки к родительству должна основываться на комплексном медико-социально-психолого-педагогическом сопровождении женщины [2]. Однако данные программы часто оказываются нереализованными в полном объеме. Тем не менее, наличие данных инициатив является однозначным подтверждением, что отсутствие грамотной и своевременной психологической помощи и психокоррекции по вопросам, связанным с беременностью и родами, приводит к тяжелым последствиям, которые значительно снижают качество жизни женщины и часто приводят к серьезным проблемам с ее репродуктивным здоровьем.

Перинатальные психологи занимаются диагностикой и формированием психологической готовности к родительству не только у начинающих родителей и у людей, которые только планируют беременность, но и у молодежи и даже подростков, так как основы родительской компетенций закладываются в раннем возрасте.

Также перинатальные психологи оказывают психологическую помощь по вопросам бесплодия, невынашивания, при патологическом течении беременности, переживании перинатальных утрат (в том числе на поздних сроках, а также доабортное и постабортное консультирование), материнско-детских взаимоотношений на разных этапах эмбриогенеза, различных патологий беременности, в том числе тяжелое протекание беременности, наличие патологии развития у ребенка и т.п. Психологическая поддержка и консультирование перинатальных психологов является необходимой при применении разного рода вспомогательных репродуктивных технологий (например ЭКО) на всех этапах: от принятия решения об участии в данной программе до сопровождения семьи после рождения ребенка. Очевидно, что для эффективной подготовки женщин к материнству и родам необходимы высококвалифицированные специалисты, не только владеющие теоретическими знаниями по психологии и физиологии беременности, но также имеющие адекватное представление о ведении перинатального периода. [1]

Таким образом можно говорить о безусловной необходимости и перспективности изучения феномена материнства и исследованиях в перинатальной психологии.

При подготовке специалистов в области перинатальной психологии необходимо учитывать сложность изучения феномена материнства, так как он фактически находится на стыке различных наук, таких как биология, медицина,

культурология и других. Хотя полноценного внимания эта область психологии удостоилась относительно недавно, существует достаточно большой массив разного рода материалов, в которых исследователи психологии поднимают вопросы взаимодействия матери и ребенка. Феномен материнства является комплексным биопсихосоциальным феноменом со сложной структурой, включающей в себя множество взаимосвязанных и взаимовлияющих аспектов, таких как, например, родительские установки и представления, стили семейного взаимодействия и ценности, и многое другое. Каждый из этих аспектов должен быть тщательно исследован как по отдельности, так и во взаимосвязи с другими.

Также сложность в изучении феномена материнства заключается в том, что в данный момент не существует единой теоретической концепции и одного наиболее признанного научным сообществом подхода к данной проблематике, что затрудняет подготовку к проведению исследований и систематизацию получаемой информации. Отсутствие целостного подхода к изучению феномена материнства и недостаточные знания особенностей формирования представлений о материнстве у современных молодых женщин затрудняют подготовку не только перинатальных психологов, но и психологов общей практики.

Несмотря на то, что в реестре профессий в Российской Федерации не существует профессии перинатальный психолог, растет их востребованность не только среди простых людей, но и в разных учреждениях и ведомствах. Перинатальные психологи могут работать не только в центрах планирования семьи или роддомах, но и в психолого-педагогических центрах, так как данная область открывает широкие перспективы для работы с детско-родительскими отношениями. Существуют центры подготовки данных специалистов, так как при подготовке перинатальных психологов важно учитывать то, что базовое психологическое образование не обеспечивает специалистов необходимыми диагностическими инструментами и навыками психокоррекционной и психотерапевтической работы в данной области. Необходимо умение работать с системой «ребенок-родитель», то есть обладать одновременно знаниями общей психологии, возрастных и индивидуальных особенностей ребенка и навыками и методами мотивирования женщины, исходя из ее личностных характеристик и особенностей материнской сферы. Такие специалисты должны быть способны сформировать позитивную установку на взаимодействие родителей с ребенком и конструктивное поведение обеих сторон.

Феномен материнства и перинатальная психология сегодня является одной из перспективных областей психологии, которая открывает широкие возможности не только для научных исследований, но и для практики.

Список литературы:

1. Боязитова Т.Д., Ершова С.К. Актуальные вопросы подготовки перинатальных психологов // II Международная научно - практическая Интернет - конференция «Психология развития и стагнации личности в рамках современного общества» - материалы конференции (Казань, 19 февраля 2014 г.) // Сервис виртуальных конференций Pax Grid, 2014. С. 69-71
2. Добряков И.В. Перинатальная психология — новый раздел клинической (медицинской) психологии // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 5 (16). URL: <http://medpsy.ru>

References:

1. Bojazitova T.D., Ershova S.K. Aktual'nye voprosy podgotovki perinatal'nyh psihologov // II Mezhdunarodnaja nauchno - prakticheskaja Internet - konferencija «Psihologija razvitija i stagnacii lichnosti v ramkah sovremennogo obshhestva» - materialy konferencii (Kazan', 19 fevralja 2014 g.) // Servis virtual'nyh konferencij Pax Grid, 2014. S. 69-71
2. Dobrjakov I.V. Perinatal'naja psihologija — novyj razdel klinicheskoy (medicinskoj) psihologii // Medicinskaja psihologija v Rossii: jelektron. nauch. zhurn. 2012. № 5 (16). URL: <http://medpsy.ru>

Сведения об авторе:

Субочева Алина Романовна, магистрант Московского Гуманитарного Университета (Москва, Россия).

Психология в СМИ рительной рубашке: проблемы популяризации профессии

Шаманаева Маргарита Алексеевна

*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»,
Россия*

e-mail: margaritashamanaeva@mail.ru

Белобрыкина Ольга Альфонсовна

*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»,
Россия*

e-mail: olga.belobrykina@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждается проблема влияния современных СМИ на формирование образа психолога и представлений о психологических знаниях в общественном сознании. Показано, что в отдельных телевизионных шоу-программах задается противоречивый образ специалиста психологического профиля и транслируются псевдореальные сведения о содержании психологии как науки и практики.

Ключевые слова: психология, профессия, психолог, образ, СМИ.

Psychology in strait jacket: problems of profession popularization

Shamanaeva Margarita Alekseevna

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

e-mail: margaritashamanaeva@mail.ru

Belobrykina Olga Alfonsasovna

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

e-mail: margaritashamanaeva@mail.ru

Abstract. In the article the problem of influence of modern mass media on formation of an image of the psychologist and ideas of psychological knowledge in public consciousness is discussed. It is shown that in separate television show programs the inconsistent image of the

expert of a psychological profile is set and pseudo-real data on the content of psychology as science and practice are broadcast.

Keywords: psychology, profession, psychologist, image, mass media.

По отношению к историогенезу психологии как самостоятельной отрасли научных знаний, профессия психолога довольно молода. Примечательно, что многие из тех, кого мы сегодня считаем выдающимися психологами, таковыми ни по образованию, ни по диплому (например, В.Вундт, З.Фрейд, К.Г.Юнг, Л.С.Выготский, А.В.Запорожец и многие другие) не были, но их заслуги в становлении, развитии и обогащении психологии и как науки, и как профессиональной деятельности, не подвергаются сомнению.

Спектр профессиональной деятельности современного психолога достаточно широк – это профилактика и коррекция нежелательных проявлений психики человека; укрепление и формирование необходимых психологических качеств личности; изучение особенностей поведения в стрессовых ситуациях; исследование развития психики и закономерностей психических процессов; изучение внутреннего мира и поведенческих особенностей человека; и т.д. Требования, предъявляемые к профессионально-важным качествам психолога, тоже довольно высоки: ответственность; работоспособность; интерес и уважение к другому человеку; целеустремленность, настойчивость; стремление к самопознанию, саморазвитию; интуиция, умение прогнозировать события и др.[12]. Как видим, психологи осуществляют колоссальную работу, которая позволяет людям преодолеть многие трудности, возникающие в их жизни. Они помогают справиться с порой почти неразрешимыми проблемами, привнося, тем самым, гармонию в жизнь человека.

Сегодня же, в век тотальной медиа-коммуникации, о психологии судят не столько по реальным носителям этих знаний – Профессионалам своего дела, сколько, и преимущественно, по демонстрируемым в СМИ фрагментам с привлечением отдельных представителей профессии, ряд из которых далеко не всегда владеет профессиональным мастерством и психологическими знаниями на достаточном уровне для качественной популяризации психологии [2; 5; 7; 9; 13].

Современные СМИ – это трансляторы не только новостей, реальных или «надуманных» фактов, но и системы ценностей, образов, представлений и мировоззренческих установок и пр., существующих в общественном сознании или инициируемых ему для достижения какой-либо цели. Благодаря этим источникам информации человек вольно или невольно становится

«свидетелем» конкретных сведений, сообщений и практически постоянно решает, что принимать за истину, а что «выкинуть» за ненужностью. Однако, бывают такие ситуации, когда человек получает информацию, которая недостаточно достоверна, полностью или частично фальсифицирована или недостаточно адекватно подана. И в этом ему опять же способствуют средства массовой информации. Каждый день на людей обрушивается шквал различной информации, от которой они не могут оправиться, поэтому просто принимают за «чистую монету», чтобы не нагружать себя раздумьями и осмыслениями. С телеэкранов говорят много, говорят правду, но какую? Всегда ли преподносимая «правда» является истинной? Не сообщают ли нам ложную информацию под личиной реальности? Неслучайно, Р.Р.Гарифуллин отмечает, что дезинформационное поле (слух) становится популярным, то даже сильная, хорошо разрекламированная объективная информация лишается способности уменьшить его влияние на общество [4]. Видимо, не случайно ученые приходят к мысли о том, что человечество приближается к так называемой информационной «катастрофе», где все вокруг дезинформированы [4; 6; 9].

В связи с этим, обостряется множество проблем, касающихся понимания предоставляемой информации. Одной из таких неразрешенных задач является представление психологических знаний и образа психолога в системе информационных ресурсов. Психологи предстают перед зрителем (слушателем, читателем) далеко не в соответствующем действительности виде. Этот образ соткан из яркой картинки, красивых заголовков и бурных обсуждений. Поэтому не удивительно, что в сознании людей доминирует тиражируемый в отдельных произведениях искусства и малых фольклорных формах далеко нелицеприятный образ психолога [2; 9]. «И дело даже не в том, что он вытесняет реальность, а в том, что вытеснить просто нечего – истинный образ не успевает даже сформироваться» [13, С. 35]. Это, в свою очередь, насаждает стереотипы и мифы в общественном сознании, что влечет к отвержению психолога как профессионала и снижает ценность психологии, значимость объективных знаний. Так, по данным опроса «ВЦИОМ-Спутник» за 2017 год профессия психолога почти не востребована. В качестве факторов, влияющих на выбор профессии обозначаются: мнение старших, востребованность и престиж профессии [11]. И это не удивительно. Так, например, престижность и востребованность профессии зависят от ее имиджа, формируемого, в том числе, современными средствами массовой информации. Примечательно, что познание обывателем области психологии в нашем обществе происходит в большей мере через систему телевидения, пристрастность к которому имеют люди старшего поколения, на мнение которых в выборе профессионального

будущего, как свидетельствуют результаты ВЦИОМ, ориентируется молодое поколение.

В последние годы в телепередачах специалисты психологического профиля все чаще становятся их активными участниками, что закономерно вызывает у зрителя вопрос: так ли реальны портреты специалистов-психологов, демонстрируемые с телеэкрана? Попытаемся разобраться в этом, чтобы выяснить, каков истинный смысл и ключевая целевая установка столь специфичной формы популяризации профессии психолога.

Начнем с того, что психологи приглашаются во многие телепередачи для обсуждения каких-либо злободневных вопросов, помощи людям и/или высказывания своей точки зрения на рассматриваемые проблемы и обсуждаемые ситуации. Для многих людей такие передачи становятся быстрым и зрелищным способом получения сведений и новой информации. Одной из таких телепрограмм является шоу «Битва экстрасенсов», демонстрируемое на канале «ТНТ» в режиме реального времени, где четко прослеживается демонстрируемый образ психолога. Александр Макаров – психолог, выступающий в качестве эксперта телешоу. Он внимателен, ответственен и корректен. Психолог ведет себя сдержанно и профессионально, всегда официально одет и опрятен. По содержанию нескольких выпусков телепередачи можно отметить, что образ психолога позиционируется в целом как реальный, о чем свидетельствует его профессионализм. Вместе с тем, образ раскрывается частично, что проявляется в некоторой отстраненности специалиста-психолога. А.Макаров практически всегда смещает акцент своего внимания на мистическую сторону, что вносит диссонанс в представления зрителя, так как психология и магия (парапсихология), по сути, расположены на разных полюсах научного знания [14; 17]. На наш взгляд, если бы психологу предоставлялось больше программного времени то, возможно, он мог бы более подробно и доступно представить свою профессию и персональную позицию, «перекрывая» доминанту мистической информации объективными и научно обоснованными сведениями из области психологии. В итоге, из-за недостатка временного ресурса психолог автоматически переходит в категорию закадрового персонажа.

Иной образ задается в шоу «Золушка перезагрузка» (канал – ТНТ), где психолог Виктор Пономаренко представлен как «Профессионал» с большой буквы – в строгом костюме, с уверенным взглядом, непреступный и даже несколько отстраненный в заданной роли эксперта-психолога. Но так ли это? Он разговаривает с участницами шоу на повышенных тонах, говорит довольно обидные фразы и будто насмехается. Когда наступает «время идти к

психологу», перед зрителями появляется кабинет с ярким светом, глянцевыми креслами и возникает напряженная обстановка – что будет дальше? А дальше начинается «разбор полетов». Участница оказывается как будто в клетке, над которой кружит коршун в ожидании своей жертвы. Психолог начинает диалог с участницей, выясняя причины ее страхов, переживаний и тайн. И когда она раскрывает перед ним свой внутренний мир, он начинает давить на нее, заставляя тут же отказаться и забыть обо всех обидах, апеллируя к тому, что она – взрослый человек! Психолог задает строго готовые рецепты – «Делай то! Делай это! Делай так!». Не удивительно, если у зрителей сложится мнение, что разобраться в своих проблемах можно по щелчку пальцев психолога, благодаря которому решения проблемы не приходится долго ждать. Остается за кадром, или вовсе отсутствует, огромнейшая работа профессионала, который маленькими, но верными шагами помогает участнице разобраться во всех ее страхах и переживаниях. Не делается акцент на том, что психолог работал несколько недель, месяцев или даже лет. Так планомерно создается иллюзия «сказки», которая и способствует тому, что в сознании людей о психологах множатся все новые и новые мифы [3; 4; 8].

Следует обратить внимание и на телепроект «Давай поженимся» (Первый канал). Сразу заметим, что «Первый канал» позиционируется как один из главных телеканалов страны, а, значит, за ним закреплен официальный авторитет. «Давай поженимся» – ток-шоу, в котором разведенные женщины занимаются сватовством и, выступая в качестве экспертов, рассказывают о семейных отношениях. Одной из 3-х ведущих телепередачи является Василиса Володина, позиционирующая себя как профессиональный астропсихолог. По первому образованию она – экономист-кибернетик, затем окончила московскую Академию астрологии. Что касается психологического образования телеведущей, то на просторах Интернет очень трудно найти какие-либо факты, подтверждающие его наличие, вероятно, Академия астрологии автоматически приравнивается к нему. Вместе с тем, это не мешало телеведущей в ранних выпусках гордо и во всеуслышание заявлять, что она – психолог. Однако, в более поздних выпусках программы сообщается информация о ее статусе «астролога». Возможно, это обусловлено тем, что в лексиконе ведущей закончились стандартные, клишированные «психологические» фразы, которые не столько помогают, сколько создают иллюзию профессионализма. Но, сам факт сближения древней псевдонауки и психологии – науки реальной и объективной, свидетельствует о том, что создателям шоу совершенно безразлично, кого и в каком статусе представлять с телеэкранов, главное, чтобы звучало внушительно и/или загадочно, и

совершенно неважно, что телезрители, впитывая информацию, оказываются в состоянии информационного хаоса, смешивая в единое целое магию, космологию и психологию.

«Понять. Простить» (Первый канал) – программа про драмы семейных отношений. По сюжету осуществляется реконструкция ситуаций обращения клиентов к психологу и повествование об имеющейся проблеме. Все бы было здорово, если бы психологи (их в программе два, мужчина и женщина, Галина Тимошенко – окончила МГУ, факультет психологии, а также РГМУ по специальности клинический психолог; Борис Егоров – врач, психиатр-психотерапевт, психоаналитик, доктор медицинских наук) не сводили все к одной единственной фразе: «А может проблема в вас? Измените что-нибудь в жизни!», на которую клиент так же отвечает стереотипной фразой: «А, реально! Точно!». На этом сеанс заканчивается, клиент уходит и – занавес... В реальной же психологической (и психотерапевтической) практике все не так грубо и шаблонно, каждая ситуация – уникальна и клишированными действиями и словами ее навряд ли можно продуктивно разрешить, даже при условии, что в любых возникающих проблемах виновен, прежде всего, сам человек, как субъект деятельности, общения, поведения. А программа «Понять. Простить» предлагает телезрителю одно решение на все случаи жизни. Будто бы семейные проблемы можно разрешить по одному стандартному шаблону. К слову, еще Лев Толстой заметил, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастна по-своему [15].

С одной стороны, передача интересна, она завораживает, тогда как с другой, – не вполне понятна функция психолога. Его роль завуалирована и в определенной степени формализована – профессионал, как таковой, теряется, а его образ оказывается совершенно «размыт». Или же у телеведущих отсутствует возможность или желание проявить (продемонстрировать) свой профессионализм, даже не смотря на то, что оба имеют академическое образование, большой опыт профессиональной деятельности и наверняка знают и умеют работать, как Психологи. Но что или кто мешает им? Сценарий, ограниченность эфирного времени? В любом случае, зрителям остается лицезреть лишь демонстрируемый фрагмент работы, что неизбежно заставляет их верить в сказку.

Заметим, что по содержанию демонстрируемой в СМИ информации можно без затруднения обобщить наиболее типичные роли психологов. Например, «психолог-астролог» или «психолог-хиромант», который гаданием на картах и/или по руке делает уверенные умозаключения о том, как человеку дальше жить, куда «повернуть» судьбу. Или «психолог-манипулятор», который

назначает высокую оплату за свою некомпетентность, но за сеанс продуктивности в его деятельности не наблюдается – он лишь периодически кивает головой и «чиркает» в блокнотике, а в конце говорит: «приходите завтра». «Психолог-врач», постоянно выписывающий рецепты все с новыми и новыми названиями лекарственных препаратов, которые, якобы, позволят решить все жизненно важные проблемы. В этой ситуации возникает закономерный вопрос: если от всего есть медикаментозная панацея, то зачем тогда человеку нужен психолог?

Примечательно, что психологи все чаще стали появляться и в теленовостях. Уже привычны такие фразы, как «мнение психолога в этом вопросе..», или «психологи рекомендуют..», которые стали обыденными до такой степени, что даже не воспринимаются и не осознаются зрителем. Но, вместе с тем, практически не фокусируется внимание на содержании деятельности специалистов, она позиционируется как нечто обыденное и «сделанное наспех». Создается впечатление, что психолог пришел, увидел, все решил! Возникает вполне резонное недоумение, почему для СМИ не имеет значения долгий и трудный процесс, который совершает психолог, работая с людьми? Вероятно, представителям СМИ либо не понятна работа специалистов в области психологии, или же они стереотипно мыслят, полагая, как в одном из наиболее распространенных мифов о том, что психологов стоит опасаться, потому что они могут что-нибудь внушить человеку без его ведома. Возможно, преобладает и такая установка, что «психолог, так или иначе, имеет дело с «ненормальными» людьми. Нормальный, здоровый человек к психологу не обратиться» [8; 14].

Следует, однако, обратить внимание на очень важный аспект этой проблемы: дилетанты-психологи, «эксперты» от поп-психологии, недопсихологи, псевдопсихологи, маги, целители и т.д. – именно такие «специалисты» навязывают, поддерживают, а часто и сознательно внедряют в массовое сознание множество мифов и стереотипно-клишированных мнений о содержании профессии и ее представителях. Интернет пестрит сайтами, которые завлекают на психологические сеансы, тренинги и прочие мероприятия (за большие деньги), обещая мгновенный результат, а иногда еще и богатство в придачу. Но, в итоге, люди, обратившиеся к таким «психологам», остаются ни с чем, а их проблемы обостряются по нарастающей. Это кажется неразрешимой задачей, так как ограничить работу подобных «профи», которых слишком привлекают легкие деньги, очень сложно, да и на законодательном уровне невозможно. Нормы же профессиональной этики носят рекомендательный характер, а, следовательно, «специалист» свободен от

обязательств по их полноценному выполнению. Подобные факты предельно умаляют ценность и значимость профессии психолога. Образы психологов, демонстрируемые с телеэкранов, настораживают и не предоставляют уверенности в том, что специалисту этого профиля можно довериться [7; 9]. Для СМИ важны, прежде всего, сенсации, эксклюзивная информация, скандалы, так как именно они вызывают у зрителей бурную ответную реакцию. «Нет сомнений, что коммерческие средства массовой информации, которым необходимо поддерживать высокие тиражи, чутко улавливают запросы своей целевой аудитории и старательно на них реагируют. А потому – каков запрос на психологию, такой она и предстает перед зрителем и читателем» [13, С. 36]. Очевидно, если бы представлялась реальная кропотливая и почти ювелирная работа специалистов-психологов, многие, скорее всего, заскучали бы. Ведь ежедневно зрителям, читателям и слушателям навязывали броские заголовки с «захватывающими» историями, а тут внезапно показывают процессы сложных исследований и механизмы решения непростых жизненных ситуаций, оперируя, к тому же, непонятными словами и терминами.

Нам видится, что необходимо постепенное формирование реального образа психолога в средствах массовой информации, причем не обремененного теле-мишурой, а основанного на соответствии профессиональным требованиям, с использованием понятного объяснения сути профессии, как впрочем, и любой другой. Например, может быть начат показ, утвержденных на официальном уровне, профессиональных программ, в которые будут приглашены высококвалифицированные психологи, способные доступным языком и на конкретных примерах лаконично показать свою работу за отведенное эфирное время (желательно, не менее получаса). Причем, очень важно знакомить зрителей (слушателей, читателей) с разными специалистами (в том числе, и по профильной специализации, например, психотерапевт, семейный психолог, детский психолог, профконсультант и пр.), чтобы люди имели возможность определить, что именно они хотели бы узнать, представителя какого профиля выбрать для решения насущных жизненных проблем.

Примечательно, что многие выпускники школ ориентированы на профессию психолога, но изменяют свое решение вследствие того, что не обладают достаточными сведениями. СМИ оказывают особое воздействие на психологическое и социальное состояние молодежи, как аудитории с легко внушаемой психикой и неокрепшим самосознанием [1; 16]. А ведь именно от профессионального мировоззрения современной молодежи зависит будущее нашего общества, государства. Совершенно очевидно, если информация им будет предоставляться частично, неполноценно или искаженно, то психология,

и как система научных знаний, и как социально значимая профессия, окажется обречена на профессиональную энтропию [3; 4; 10].

Подводя краткий итог, следует отметить, что в настоящее время профессиональная психология все еще находится в «смирительной рубашке» у идеологов СМИ, поэтому и демонстрируемый в них портрет психолога позиционируется либо как чрезвычайно противоречивый, либо как весьма неблагоприятный, а и иногда и просто отталкивающий. Видимо, настала насущная необходимость самыми кардинальными средствами укрощать псевдопрофессиональные амбиции поп-психологии, в противном случае у психологии нет будущего.

Список литературы:

1. Андреев К.А., Быкасова Л.В. Влияние СМИ на сознание современной молодежи // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: материалы XI студенческой международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд. СибАК, 2013. С. 30-36.
2. Арефина Е.А., Рязанова А.В., Белобрыкина О.А. Образ психолога в малых фольклорных формах // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 4 (17). С.22-29.
3. Байгужинова О.А., Белобрыкина О.А. Образ психолога в обыденном и профессиональном сознании: общее и особенное // Психолого-педагогические технологии в условиях инновационных процессов в медицине и образовании: Материалы Международной междисциплинарной научно-практической конференции (Кемер, Турция, 14-20 марта 2010 г.) / Под науч. ред. М.Г.Чухровой, О.А.Белобрыкиной. Новосибирск: Альфа-Виста, 2010. С. 20-23
4. Гарифуллин Р.Р. Психология блефа, манипуляций, иллюзий (монография). М.: АСТ-Сталкер, 2007. 224 с.
5. Костригин А.А., Хусяинов Т.М., Чупров Л.Ф. Актуальные вопросы распространения специальных знаний из области педагогики, психологии, медицины и социологии среди населения: новые вызовы // Наука. Мысль. 2015. № 5. С. 17-24.
6. Кошенова М.И. Информационная культура как новая матрица онтогенетического развития // Психологическое здоровье как условие самореализации личности: материалы научно-практической конференции,

28-29 ноября 2007 г. /под ред. М.И.Кошеновой, В.М.Физикова. Омск: ОмГПУ, 2008. С.143-152.

7. Лакеева М.Ю., Белобрыкина О.А. Искусство СМИ как фактор формирования реального и виртуального образов психолога в общественном сознании // Проблемы и перспективы общетеоретической, прикладной и специальной психологии: Материалы Межвузовской (с международным участием) научная конференция молодых ученых, аспирантов и студентов. Новосибирск: Альфа-Виста, 2010. С. 117-122.
8. Литвак М.Е. Психолог: Профессия или образ жизни. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 288 с.
9. Миллер Ю.В., Белобрыкина О.А. Что в образе тебе моем...: психолог и психологические знания в науке, искусстве и обыденной жизни // Проблемы и перспективы общетеоретической, прикладной и специальной психологии: научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Новосибирск: Альфа-Виста, 2010. С. 136-140.
10. Пирс Дж. Символы, сигналы, шумы. Закономерности и процессы передачи информации /пер. с англ. В.Топельберг. М.: Мир, 1967. 326 с.
11. Профессиональный вопрос // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 3340 от 30.03.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116138>
12. Романова Е.С. 147 популярных профессий: психологический анализ и профессиограммы. М.: Аспект Пресс, 2011. 416 с.
13. Сарган М.Н. Роль профессиональных и популярных СМИ в формировании образа психолога // РШБА. URL: http://rusla.ru/rsba/association/izdaniya/journali/files_SB/sc2-2007-vkl---color1.pdf
14. Степанов С.С. Мифы и тупики поп-психологии. Дубна: Феникс+, 2006. 232 с.
15. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Эксмо, 2013. 960 с.
16. Хусяинов Т.М., Чупров Л.Ф. Процесс гражданской социализации молодежи и ее значение // Наука. Мысль. 2015. № 2. С. 41-46.
17. Юревич А.В. Наука и паранаука: столкновение на «территории» психологии // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 79-87.

References:

1. Andreev K.A., Bykasova L.V. Vlijanie SMI na soznanie sovremennoj molodezhi //Nauchnoe soobshhestvo studentov XXI stoletija. Gumanitarnye nauki:

- materialy XI studencheskoj mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Novosibirsk: Izd. SibAK, 2013. S. 30-36.
2. Arefina E.A., Rjzanova A.V., Belobrykina O.A. Obraz psihologa v malyh fol'klornyh formah // Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya. 2010. № 4 (17). S.22-29.
 3. Bajguzhinova O.A., Belobrykina O.A. Obraz psihologa v obydenom i professional'nom soznanii: obshhee i osobennoe //Psihologo-pedagogicheskie tehnologii v uslovijah innovacionnyh processov v medicine i obrazovanii: Materialy Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Kemer, Turcija, 14-20 marta 2010 g.) /Pod nauch. red. M.G.Chuhrovoy, O.A.Belobrykinoj. Novosibirsk: Al'fa-Vista, 2010. S. 20-23
 4. Garifullin R.R. Psihologija blefa, manipuljacij, illjuzij (monografija). M.: AST-Stalker, 2007. 224 s.
 5. Kostrigin A.A., Husjainov T.M., Chuprov L.F. Aktual'nye voprosy rasprostraneniya special'nyh znaniy iz oblasti pedagogiki, psihologii, mediciny i sociologii sredi naselenija: novye vyzovy // Nauka. Mysl'. 2015. № 5. S. 17-24.
 6. Koshenova M.I. Informacionnaja kul'tura kak novaja matrica ontogeneticheskogo razvitiya // Psihologicheskoe zdorov'e kak uslovie samorealizacii lichnosti: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, 28-29 nojabrja 2007 g. /pod red. M.I.Koshenovoj, V.M.Fizikova. Omsk: OmGPU, 2008. C.143-152.
 7. Lakeeva M.Ju., Belobrykina O.A. Iskusstvo SMI kak faktor formirovaniya real'nogo i virtual'nogo obrazov psihologa v obshhestvennom soznanii // Problemy i perspektivy obshheteoreticheskoy, prikladnoj i special'noj psihologii: Materialy Mezhvuzovskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnaja konferencija molodyh uchenyh, aspirantov i studentov. Novosibirsk: Al'fa-Vista, 2010. S. 117-122.
 8. Litvak M.E. Psiholog: Professija ili obraz zhizni. Rostov-na-Donu: Feniks, 2011. 288 s.
 9. Miller Ju.V., Belobrykina O.A. Chto v obraze tebe moem...: psiholog i psihologicheskie znaniya v nauke, iskusstve i obydennoj zhizni // Problemy i perspektivy obshheteoreticheskoy, prikladnoj i special'noj psihologii: nauchnaja konferencija studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. Novosibirsk: Al'fa-Vista, 2010. S. 136-140.
 10. Pirs Dzh. Simvoly, signaly, shumy. Zakonomernosti i processy peredachi informacii /per. s angl. V.Topel'berg. M.: Mir, 1967. 326 s.
 11. Professional'nyj vopros // VCIOM: Press-vypusk № 3340 ot 30.03.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116138>

12. Romanova E.S. 147 populjarnyh professij: psihologicheskij analiz i professiogrammy. M.: Aspekt Press, 2011. 416 s.
13. Sartan M.N. Rol' professional'nyh i populjarnyh SMI v formirovanii obraza psihologa // RShBA. URL: http://rusla.ru/rsba/association/izdaniya/journali/files_SB/sc2-2007-vkl---color1.pdf
14. Stepanov S.S. Mify i tupiki pop-psihologii. Dubna: Feniks+, 2006. 232 s.
15. Tolstoj L.N. Anna Karenina. M.: Jeksmo, 2013. 960 s.
16. Husjainov T.M., Chuprov L.F. Process grazhdanskoj socializacii molodezhi i ejo znachenie // Nauka. Mysl'. 2015. № 2. S. 41-46.
17. Jurevich A.V. Nauka i paranauka: stolknovenie na «territorii» psihologii // Psihologicheskij zhurnal. 2005. T. 26. № 1. S. 79-87.

Сведения об авторах:

Шаманаева Маргарита Алексеевна, студентка 2 курса (направление подготовки «Педагогика и психология девиантного поведения», специализация «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения») факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск, Россия).

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск, Россия).

Воспоминания

Памяти Н.П.Фетискина (1942-2017), ученого, педагога, человека, друга

Мазилев Владимир Александрович

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Аннотация. Некролог, посвященный Николаю Петровичу Фетискину, доктору психологических наук, профессору, заведующему кафедрой общей психологии Костромского педагогического университета им. Н.А. Некрасова, вице-президенту Международной академии психологических наук, организатору психологии в Костромской области.

Ключевые слова: некролог, история психологии, персоналия, Кострома.

In memory of N.P. Fetiskin (1942-2017), scientist, teacher, person, friend

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Abstract. The obituary dedicated to Nikolay Petrovich Fetiskin, doctor of psychological sciences, professor, head of the Department of General Psychology, Nekrasov Kostroma Pedagogical University, vice-president of the International Academy of Psychological Sciences, organizer of psychology in the Kostroma region. organizer of psychology in Kostroma region.

Keywords: obituary, history of psychology, person, Kostroma.

*«На рассохшейся скамейке - Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса»
Иосиф Бродский*

В жизни все очень близко: и радость и печаль, восторг и слезы, рождение и смерть... Николай Петрович Фетискин (1942-2017) был удивительно жизнерадостным, жизнелюбивым и жизнестойким человеком, любящим и ценящим жизнь во всех ее проявлениях... Любому занятию он отдавался со страстью, с присущими ему энтузиазмом и увлечением. Никогда и ничего не делал для «галочки», если брался за что-то, то был перфекционистом. Общая психология приучила нас к тому, что «чистые» типы бывают редко. Сам он был воплощением холерика в самом «чистом» виде. В пору нашего знакомства он прибыл в Ярославль из Ленинграда, был учеником Е.П.Ильина, молодым кандидатом биологических наук. Близость Н.П.Фетискина к биологии и психофизиологии навевали мысли об очевидной похожести его на великого И.П.Павлова. Конечно, в этом отношении главную роль играли увлеченность, порывистость и страстность его натуры, а также рыцарская преданность науке. Последнее очень подкупало.

В жизни все рядом... Всего год назад мы с нашим общим с Николаем Петровичем другом В.В.Козловым сочиняли текст к славному юбилею: Н.П.Фетискину 2 января 2017 года исполнялось 75 лет. Он был молод душой, здоров, силен, динамичен и подвижен... Та статья называлась «Гимн психологу» и выражала восхищение личностью и деятельностью этого человека... Таким он оставался до последнего дня, таким он и останется в нашей памяти.

Николай Петрович Фетискин (1942-2017) родился 2 января 1942 года в Тамбовской области. С детства Николай тянулся к знаниям, любил читать, хотя мать его устремлений не разделяла, была против его учебы, поскольку видела в нем помощника по хозяйству. Но тяга к знаниям победила, Н.П. Фетискин окончил два вуза: педагогический в Хабаровске, а высшее образование по психологии получил в ЛГУ. В ЛГУ у Е.П.Ильина окончил и аспирантуру. В кандидатской диссертации он изучал монотонию. Молодым кандидатом наук прибыл в Ярославль.

Годы в Ярославле были насыщенными. На его плечи выпала большая нагрузка, надо было разрабатывать новые курсы, в том числе такие сложные как психология личности. Большая общественная нагрузка – он был секретарем партбюро факультета, а, значит, приходилось проводить «линию партии», осуществляя цензуру стенной печати, самодеятельности и студенческого

театра. Не все получалось гладко, но это был бесценный опыт. В Ярославском государственном университете проработал до 1979 года. Эти годы работы на психологическом факультете Ярославского государственного университета были важными для становления ученого. В Ярославском университете Н.П.Фетискин работал на кафедре психологии, которой руководил замечательный ученый-психолог и педагог Николай Павлович Ерастов. Ярославская школа психологии, которая складывалась тогда в университете, была представлена именами Н.П.Ерастова, В.Д.Шадрикова, М.С.Роговина, Ю.К.Корнилова. Фирменным знаком психологии в Ярославле было стремление использовать психологическое знание для решения практических задач.

По семейным обстоятельствам в 1979 Николай Петрович переехал в Кострому, где стал работать на кафедре психологии у Л.И.Уманского, известного отечественного психолога. Вся дальнейшая судьба и деятельность Н.П.Фетискина связана с Костромой. В Костромском государственном университете Н.П.Фетискин заведует кафедрой психологии. Кафедрой с прекрасными традициями, которые были заложены Л.И.Уманским. Н.П.Фетискин достойный преемник: при его руководстве рост и качественные положительные изменения продолжают. Кафедра широко известна и авторитетна в психологических кругах. Регулярными стали научные и научно-практические конференции, проводимые кафедрой. Назовем только последние: конференцию памяти Л.И.Уманского (декабрь 1997), конференцию, посвященную 25-летию кафедры психологии, конференцию, посвященную 90-летию А.Маслоу, симпозиумы по проблемам личности и общества, ставшие ежегодными (1998-2016). К этому нужно добавить, что Николай Петрович является одним из организаторов и ведущих многих крупных Международных форумов в России и за рубежом. Костромская конференция 2017 года была запланирована на 15-16 декабря... Провести ее Н.П.Фетискин не успел...

В Костроме Н.П.Фетискин получил широчайшее признание: стал Заслуженным деятелем науки, Лауреатом премии Правительства в области образования, его авторитет и известность в России и за ее пределами. Его приглашали прочитать лекции за рубежом, он издал огромное количество научных работ, в том числе и за рубежом. Справедливости ради надо сказать, что не все всегда было гладко. Бездумное реформаторство в образовании привело к тому, что Николай Петрович лишился кафедры, которой заведовал несколько десятилетий. Как человек самолюбивый он это остро переживал, но никто не слышал от него жалоб или сетований. Он стойко переносил невзгоды, никогда не жаловался на судьбу или дурное начальство...

Я уже упоминал, что дружба с Николаем Петровичем продолжалась почти

43 года... Это много, но как оказывается недостаточно, чтобы выразить чувства...

Несколько штрихов для будущего портрета.

И – самое последнее. Конечно же, я погорячился. Не растут в наших широтах лавры, пинии и кипарисы – нет их в Костроме... И вместо Понта там течет Волга, и в нее впадает Костромка... Совсем недалеко от гостеприимного Дома в Слесарном переулке, возле Ипатьевского монастыря. И скамейка у заботливого хозяина перед Домом точно не разошлась. И – вообще – не стал бы Н.П. читать Старшего Плиния ни при каких обстоятельствах, наверняка предпочел бы что-то более актуальное и приземленное. А вот дрозды есть. И если кипарис заменить на тополь, томик Плиния на книгу Е.П.Ильина, сходство увеличивается... Похоже на ту картину, которую поэтический гений обозначил двумя бессмертными строками как уход в Вечность. Впечатление такое, что хозяин только что отошел на минуту... Но он уже не вернется никогда... Никогда, потому что он уже в Вечности...

Он будет жить в нашей благодарной памяти – памяти всех тех, кому довелось быть знакомым с этим добрым, открытым, светлым, теплым и лучезарным человеком...

Сведения об авторе:

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)

Владимир Иванович Лубовский: слово об ученом

Завоеванная Наталья Сергеевна

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия*

e-mail: natasha_z_ya@mail.ru

Лубовский Дмитрий Владимирович

Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия

e-mail: lubovsky@yandex.ru

Шмелев Александр Георгиевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

e-mail: ags12@ht.ru

Чупров Леонид Федорович

*Журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири»,
«РЕМ:Psychology. Educology. Medicine», Россия*

e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Ярославцева Елена Ивановна

Институт философии РАН, Россия

e-mail: yarela@iph.ras.ru

Аннотация. Статья представляет отзывы-воспоминания о личности недавно ушедшего из жизни профессора, доктора психологических наук В.И. Лубовского. Коллеги поделились своими личными воспоминаниями об этом замечательном ученом. В списке цитируемых источников указаны веб-страницы с некрологами и официальной информацией.

Ключевые слова: воспоминания, ученый психолог, история психологии, некрологи, персоналии

Vladimir Ivanovich Lubovsky: word on scientist

Zavoevannaya Natalia Sergeevna

Russian State Vocational Pedagogical University, Russia

e-mail: natasha_z_ya@mail.ru

Lubovsky Dmitry Vladimirovich
Moscow State University of Psychology and Education, Russia
e-mail: lubovsky@yandex.ru

Shmelev Alexandr Georgievich
Lomonosov Moscow State University, Russia
e-mail: ags12@ht.ru

Chuprov Leonid Fedorovich,
Journals "Bulletin of Pedagogics and Psychology of Southern Siberia", "PEM:
Psychology. Educology. Medicine", Russia
e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Yaroslavtseva Elena Ivanovna
Institute of philosophy of RAS, Russia
e-mail: yarela@iph.ras.ru

Abstract. The article presents the rememberingings about V.I. Lubovsky, a recently deceased professor, doctor of psychological sciences. The colleagues have shared their personal memories of this remarkable scientist. The list of cited sources provided the web pages with the obituaries and official information.

Keywords: memoirs, psychologist-scientist, history of psychology, obituaries, personalities

Материалы для этой статьи мы собирали буквально по крупицам. Все объясняется просто. Профессор, доктор психологических наук, академик АПН СССР и РАО, Владимир Иванович Лубовский (15.12.1923 – 09.11.2017) не был публичной личностью, озабоченной только тем как бы накрутить рейтинги и схватить побольше лайков в Сети.

И все же, В.И. Лубовскому нельзя не позавидовать. Вся его жизнь, его служение наукам психологии и дефектологии были своеобразной живой летописью второго возрождения психологии в СССР. Образно говоря, он прошел весь путь «от рассветной зари до вечерних сумерек». Во всяком случае, в развитии отечественной дефектологии и отечественной специальной психологии [4]. За четыре десятилетия работы в Научно-исследовательском институте дефектологии АПН СССР он прошел путь от аспиранта, младшего

научного сотрудника до профессора, занимал различные посты - ученого секретаря, заведующего лабораторией, директора института.

Естественно, хотя и говорят, что «самая объективная характеристика - некролог» (с), но не для личности такого масштаба как В.И. Лубовский. Официальный некролог, помещенный на сайте Российской академии образования [6] и оттуда в «Психологическую газету» [7], заметка на сайте Института специального образования и комплексной реабилитации [4] вряд ли дают полное представление об Академике АПН СССР и РАО.

Многие известные ученые, среди которых В.И. Насонова (Нодельман) [6], Л.Н. Собчик, Е.И. Ярославцева [2], Т.А. Фотекова (из личной переписки Л. Чупрова), И.А. Юров [5] тепло отзываются о Владимире Ивановиче, оценивая его личные и деловые качества.

Здесь представлены лишь некоторые из воспоминаний на Форуме ЭСПП (Экспертного сообщества профессиональных психологов).

Д.В. Лубовский (сын В.И. Лубовского):

- Давайте вспомним, что в 1981 году Константин Маркович Гуревич и Владимир Иванович Лубовский были не только научными редакторами перевода "Психологического тестирования" Анны Анастаси, но теми, благодаря кому эта книга была опубликована у нас. Скольким людям пришлось тогда доказывать, что тесты совсем не "лженаучные" и не "буржуазные" и сколько сил и здоровья это стоило... В последние два года жизни он разрабатывал концепцию диагностики детского развития, о которой можно прочитать в его статьях этих лет, хотел написать новую монографию об этом, до последнего дня верил, что сделает это.

А.Г. Шмелев (Организатор, Команда форума ЭСПП)

- Да, Дмитрий, Вы правы, что это был исторический прорыв. И, как всегда в России, они возник благодаря людям, готовым кое-чем рискнуть из своего личного спокойствия и благополучия. Если бы этот перевод вышел на 10 лет позднее, никто бы не удивился, но он вышел еще до перестройки. Еще при жизни дорогого Леонида Ильича (!). Мне посчастливилось обсуждать немного вышедшую книгу с Константином Марковичем (вышло русское издание в издательстве "Педагогика"). Он был очень огорчен, что из перевода в последний момент бдительные цензоры вымарали этический стандарт психолога-диагноста. А Владимира Ивановича я тоже отлично помню. Впервые я его увидел, когда именно он выступал вместе с Дианой Борисовной Богдавленской в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР (так тогда называлась нынешняя РАО) с рассказом о первых конференциях по психодиагностике в Таллине. Эти конференции тогда локализовались в городе,

который еще был советским в те годы, но все-таки находился подальше от Кремля и Старой площади, чем московские и ленинградские университеты и институты. ... Как жаль, что и Владимира Ивановича уже нет с нами.

Л.Ф. Чупров (аспирант НИИД АПН СССР 1984-1987 годов):

- Я не был непосредственно аспирантом Владимира Ивановича, но его присутствие и участие чувствовал постоянно. Именно он просматривал мой вступительный реферат, принимал у меня экзамены по специальной психологии, был председателем Диссертационного совета при защите моей кандидатской диссертации. Просто я еще в Иркутске определился с будущим своим научным руководителем, Марией Семеновной Певзнер. Аспирантов у В.И. Лубовского было много, и он со всеми работал. А еще я помню, что в те годы НИИ дефектологии АПН СССР посещали иностранные специалисты. Гости выступали на английском, а Владимир Иванович осуществлял перевод их речи на русский язык. Частенько в зале заседания Ученого совета присутствовал и его сын Дмитрий Владимирович Лубовский. А про книги А. Анастаси я могу только добавить, что мне повезло приобрести два экземпляра, один из которых я обменял на «Психологию искусства» Л.С. Выготского.

Е.И. Ярославцева (Участница Форума ЭСПП):

- Коллеги, сколько несделанного оказывается в багаже каждого творческого ищущего исследователя! Создается потенциал, который надо не терять... Вот у писателей есть комиссии по их творческому наследию. А есть ли такие комиссии у ученых? Или все уходит на волю ученикам и последователям?

А вот фрагменты письма от коллектива Иркутского государственного университета за подписью А.Ф. Шмидт, Е.Л. Инденбаум, В.И. Нодельман:

«Ректорат Иркутского Государственного университета, коллективы кафедр комплексной коррекции нарушений детского развития, теории и практик специального обучения и воспитания, все выпускники дефектологического факультета, работающие в университете, скорбят по поводу кончины выдающегося ученого-методолога специальной психологии, Владимира Ивановича Лубовского <...>. Блестящий ум и гражданская позиция Владимира Ивановича позволяли ему до последних дней работать и бороться против многочисленных популистских течений в практике дефектологии, видеть наиболее острые проблемы и предлагать пути их решения <...>. Владимир Иванович был истинно интеллигентным человеком, его теплый дом был открыт для бывших учеников, которые всегда будут помнить его»[6].

Более 50 диссертаций защищено под научным руководством Владимира Ивановича.

Среди его аспирантов, впоследствии ставшими докторами наук и профессорами коллеги из Иркутска В.И. Насонова (Нодельман), рано ушедший от нас С.А. Домишкевич, ныне трудящийся в Ташкенте (Узбекистан) профессор Г.Б. Шаумаров, профессор Тартуского университета Я. Кыргесаари др.

Рис. 1.

В.И. Лубовский прошел яркий и содержательный профессиональный путь. Далеко не только перевод двухтомника А. Анастаси в его активе [1]. Созданный В.И. Лубовским и группой его коллег-единомышленников учебник специальной психологии выдержал семь изданий [5]. Им опубликовано более 200 научных работ. Ряд трудов переведен на иностранные языки и опубликован в Японии, США, Великобритании, Польше. Неоднократно ученый представлял отечественную специальную психологию на зарубежных научных форумах и конгрессах.

Он был удостоен высоких правительственных и отраслевых наград: ордена «Знак почета», ордена М. В. Ломоносова, медали К.Д. Ушинского, Золотой медали «За достижения в науке» РАО, а также награды Международной секции СЕС «За существенный вклад международного масштаба в улучшение обучения и обслуживания лиц с ограниченными возможностями».

А сейчас, остановимся на главном - путь В.И. Лубовского отнюдь не был простым, но, несмотря на все трудности, он сумел сохранить свет и доброту до

конца своих дней. Убедиться в этом не сложно, достаточно просто посмотреть на его фото.

Список литературы:

1. Гуревич К.М., Лубовский В.И. Предисловие редакторов перевода // Анастаси А. Психологическое тестирование: Книга 1; Пер. с англ./ Под ред. К.М. Гуревича, В.И. Лубовского. М.: Педагогика, 1983. С. 5-14.
2. Завоеванная Н.С. Памяти В.И. Лубовского... // Форум ЭССП. URL: <http://forum.ht-line.ru/threads/pamjati-v-i-lubovskogo.2370/#post-19466>
3. Лубовский Владимир Иванович / Известные психологи // Психологическая газета. URL: https://psy.su/persons/100_psihologov_rossii/psy/27183/
4. Не стало Владимира Ивановича Лубовского // ГАОУ ВО МГПУ. URL: <https://www.mgpu.ru/ne-stalo-vladimira-ivanovicha-lubovskogo/>
5. Специальная психология. В 2 т. : учебник для бакалавриата и магистратуры / В.И. Лубовский [и др.]: под ред. В.И. Лубовского. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016.
6. Ушел из жизни академик РАО Владимир Иванович Лубовский // Российская академия образования. URL: <http://rusacademedu.ru/news/ushel-iz-zhizni-akademik-rao-vladimir-ivanovich-lubovskij/>
7. Ушел из жизни академик РАО Владимир Иванович Лубовский // Психологическая газета. URL: <https://psy.su/feed/6440/>
8. Ушел из жизни Владимир Иванович Лубовский // Сайт ИКП РФ. URL: <http://институт-коррекционной-педагогики.рф/ob-institute/novosti-instituta/ushel-iz-zhizni-vladimir-ivanovich>

References

1. Gurevich K.M., Lubovskij V.I. Predislovie redaktorov perevoda // Anastazi A. Psihologicheskoe testirovanie: Kniga 1; Per. s angl./ Pod red. K.M. Gurevicha, V.I. Lubovskogo. M.: Pedagogika, 1983. S. 5-14.
2. Zavoevannaja N.S. Pamjati V.I. Lubovskogo... // Forum JeSSP. URL: <http://forum.ht-line.ru/threads/pamjati-v-i-lubovskogo.2370/#post-19466>
3. Lubovskij Vladimir Ivanovich / Izvestnye psihologi // Psihologicheskaja gazeta. URL: https://psy.su/persons/100_psihologov_rossii/psy/27183/
4. Ne stalo Vladimira Ivanovicha Lubovskogo // GAOU VO MGPU. URL: <https://www.mgpu.ru/ne-stalo-vladimira-ivanovicha-lubovskogo/>

5. Special'naja psihologija. V 2 t. : uchebnik dlja bakalavriata i magistratury / V.I. Lubovskij [i dr.]: pod red. V.I. Lubovskogo. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2016.
6. Ushel iz zhizni akademik RAO Vladimir Ivanovich Lubovskij // Rossijskaja akademija obrazovanija. URL: <http://rusacademedu.ru/news/ushel-iz-zhizni-akademik-rao-vladimir-ivanovich-lubovskij/>
7. Ushel iz zhizni akademik RAO Vladimir Ivanovich Lubovskij // Psihologicheskaja gazeta. URL: <https://psy.su/feed/6440/>
8. Ushel iz zhizni Vladimir Ivanovich Lubovskij // Sajt IKP RF. URL: <http://institut-korrekcionnoj-pedagogiki.rf/ob-institute/novosti-instituta/ushel-iz-zhizni-vladimir-ivanovich>

Сведения об авторах:

Завоеванная Наталья Сергеевна, педагог-психолог, Экспертное сообщество профессиональных психологов (ЭСПП), Российский государственный профессионально-педагогический университет, Факультет педагогической психологии (Екатеринбург, Россия).

Лубовский Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой «Школьная психология» факультета "Психология образования", ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия).

Шмелев Александр Георгиевич, профессор, доктор психологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Факультет психологии (Москва, Россия).

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, главный редактор журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», и ЭНЖ «РЕМ:Psychology. Educology. Medicine» (Черногорск, Россия).

Ярославцева Елена Ивановна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН (Москва, Россия).

Электронный научный журнал
История российской психологии в лицах: Дайджест
2017
№6
319 с.
16 п.л.

ISSN 2415-7953